

УИЛБУР СМИТ

ПЫЛАЮЩИЙ БЕРЕГ

Роман

АЗБУКА

Кортни

Уилбур Смит

Пылающий берег

«Азбука-Аттикус»

1985

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Пылающий берег / У. Смит — «Азбука-Аттикус»,
1985 — (Кортни)

ISBN 978-5-389-20433-1

Великая война, позднее названная Первой мировой, положила конец Прекрасной эпохе. Молох войны ненасытен, он требует новых жертв, новых сил, новой техники; сражения идут не только на земле, но и в воздухе, и, хотя крылатые машины изобретены совсем недавно и далеки от совершенства, среди летчиков появляется все больше настоящих асов. В их числе молодой Майкл Кортни, который виртуозно управляет своим истребителем. Однажды военная удача покидает его, и он чудом остается в живых, однако именно этот случай дарит ему счастливую встречу с очаровательной француженкой Сантэн. Но чудо редко происходит дважды. Майкл погибает в воздушном бою в тот день, на который назначена его свадьба... Сантэн должна научиться жить заново. Она оставляет разрушенный дом и отправляется на корабле Красного Креста в Южную Африку, на родину погибшего жениха, не зная, что ей предстоит ступить не на райскую землю, столь красочно описанную Майклом, а на пылающий берег, край пустыни, где на каждом шагу приходится бороться за свою жизнь... Продолжение эпопеи о неукротимых Кортни, чей девиз гласит: «Я выдержу». По мотивам романа в 1991 году был снят фильм «Опаленный берег» (Италия, Франция, Германия). Режиссер Жанно Шварц, соавтор сценария Уилбур Смит, в роли второго плана Марина Влади.

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-20433-1

© Смит У., 1985

© Азбука-Аттикус, 1985

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	89

Уилбур Смит

Пылающий берег

Роман

Эта книга посвящается моей жене Мохинисо – с ней связано все лучшее, что случилось со мной в жизни

*И вот я услышал о пылающем берегу Африки,
Где голодный лев издает ужасный рык.*

Уильям Барнс Родс. Бомбастес Фуриозо. Сцена IV

Wilbur Smith
The Burning Shore

* * *

Copyright © Orion Mintaka 1985, 2018

Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency

All rights reserved

© Т. В. Голубева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

* * *

Майкла разбудил бессмысленный грохот стрельбы.

Это был нелепый ритуал, который начинался в темноте перед каждым рассветом, когда артиллерийские батареи по обе стороны хребтов творили дикарские подношения богам войны.

Майкл лежал в темноте под тяжестью шести шерстяных одеял и наблюдал за вспышками, проникавшими сквозь брезент палатки, подобно неким ужасающим всплескам северного сияния. Одеяла казались холодными и липкими, как кожа мертвеца, по палатке над головой стучал легкий дождь. Холод пропитал всю постель, но все же Майкл ощущал проблеск надежды. В такую погоду им не взлететь.

Однако ложная надежда быстро иссякла, когда Майкл снова прислушался к орудиям, на этот раз более внимательно, и смог определить направление ветра по звукам заградительного огня. Ветер снова дул с юго-запада, приглушая какофонию, и Майкл содрогнулся, натягивая одеяла до самого подбородка.

Как бы подтверждая его расчеты, легкий ветерок внезапно стих. Стук дождевых капель по брезенту ослабел и вскоре прекратился. Майкл услышал, как снаружи в тишине сада с деревьев падают яблоки, а потом последовал резкий порыв ветра, и ветки встряхнулись, как вышедший из воды спаниель, и обрушили на палатку тяжелый водопад капель.

Он решил, что незачем тянуться к золотым часам с крышкой, что лежали на перевернутом упаковочном ящике, служившем прикроватным столиком. Наверняка еще слишком рано. Поэтому он зарылся в одеяла и стал думать о своем страхе. Все они мучились страхом, однако

жесткие условности, согласно которым они жили, летали и умирали, не могли позволить им говорить об этом, запрещая упоминать о страхе даже в самых косвенных терминах.

Майкл гадал, стало бы ему спокойнее, если бы прошлым вечером, когда они с Эндрю сидели за бутылочкой виски, обсуждая утреннее задание, он смог бы сказать: «Эндрю, я до смерти напуган тем, что мы собираемся сделать»?

Он усмехнулся в темноту, представив себе смущение Эндрю, хотя и прекрасно знал, что Эндрю разделяет его страх. Это отражалось в его глазах, в нервном подрагивании его щеки, так что он постоянно касался ее пальцем, чтобы унять тик. Все старослужащие страдали от реакции на происходящее, каждый по-своему. У Эндрю дергалась щека, и еще он постоянно посасывал пустой сигаретный мундштук, как младенец сосет соску-пустышку. Майкл во сне скрипел зубами так громко, что сам от этого просыпался; он уже обкусал ноготь на большом пальце левой руки до мяса и каждые несколько минут дул на пальцы правой руки, словно только что прикоснулся к горячему угольку.

Страх слегка сводил их с ума и вынуждал слишком много пить – достаточно для того, чтобы уничтожить рефлекс нормального человека. Но они не были нормальными людьми, и алкоголь, похоже, на них не действовал, не притуплял их зрения и не замедлял движения ног на педалях направления. Нормальные мужчины погибли в первые три недели, они падали, как пылающие ели в лесной пожар, или ударялись о рыхлую, вспаханную снарядами землю с такой силой, что их кости разлетались в щепки, вонзавшиеся в их же плоть.

Эндрю продержался уже четырнадцать месяцев, а Майкл – одиннадцать, а это во много раз превосходило продолжительность жизни, которую боги войны даровали людям, летавшим на этих хрупких сооружениях из проволоки, дерева и полотна. Поэтому они дергались и суетились, постоянно моргали, пили виски вперемешку с чем угодно, смеялись коротко и отрывисто, а потом смущенно переминались на месте, а на рассвете лежали на своих койках, каменея от ужаса и прислушиваясь в ожидании шагов...

Майкл услышал эти шаги, – видимо, было позже, чем ему казалось. Снаружи у палатки Биггс негромко выругался, наступив в лужу, и его ботинки издали негромкий непристойный звук, чавкнув в грязи. Его сигнальный фонарь светил сквозь брезент, когда Биггс нащупывал откидное полотнище; наконец он, согнувшись, вошел в палатку.

– Пора вставать, сэр...

Его тон звучал бодро, но говорил он негромко, проявляя вежливость по отношению к офицерам в соседних палатках, тем, кому не предстоял полет этим утром.

– Ветер повернул к юго-юго-западу, сэр; в общем, прекрасным образом прояснилось, да. Звезды видны над Камбре...

Биггс поставил принесенный им поднос на упаковочный ящик и засуетился, собирая одежду, которую Майкл накануне вечером разбросал по дощатому настилу.

– Который час?

Майкл изобразил целую пантомиму, делая вид, что выбирается из глубокого сна, зевая и потягиваясь так, чтобы Биггс не смог догадаться о целом часе ужаса и легенда о Майкле не оказалась запятнанной.

– Половина шестого, сэр.

Биггс наконец собрал всю одежду и вернулся к койке, чтобы подать Майклу толстую фарфоровую кружку с какао.

– А лорд Киллигерран уже встал и сейчас в столовой.

– Этот чертов парень выкован из железа! – простонал Майкл.

Биггс подобрал с пола под койкой пустую бутылку из-под виски и поставил на поднос.

Майкл выпил какао, пока Биггс взбивал в мисочке пену для бритья. Затем тот держал перед Майклом полированное стальное зеркало и фонарь, когда Майкл брился опасной бритвой, сидя на койке и накиннув на плечи одеяла.

– Какие ставки? – спросил Майкл.

Его голос прозвучал гнусаво, потому что он держал себя за кончик носа, приподнимая его, чтобы побрить верхнюю губу.

– Ставят три к одному на то, что вы с майором разобьете их в пух и прах.

Майкл вытер лезвие бритвы, обдумывая это. Сержант-механик, записывавший ставки, до войны держал собственную букмекерскую контору на ипподромах в Аскоте и Эйнтри. Он вполне мог решить, что имеется один шанс к трем за то, что или Эндрю, или Майкл, или они оба будут мертвы к полудню, и тогда никаких выплат.

– Это уже слишком, тебе не кажется, Биггс? – спросил Майкл. – Я имею в виду, оба они, а?

– Я поставил на вас половину жалованья, сэр, – возразил Биггс.

– Помоги тебе Бог, Биггс, поставь и за меня пять фунтов.

Он показал на кошелек, лежавший рядом с его часами, и Биггс достал из него пять золотых монет и сунул их в карман. Майкл всегда ставил на себя. Он играл наверняка: ведь если он проиграет, то в любом случае переживать ему не придется.

Биггс согрел над лампой бриджи Майкла и подал ему, и Майкл прямо из-под одеяла нырнул в них. Пока он заправлял в бриджи нижнюю рубашку, в которой и спал, Биггс продолжил сложную процедуру одевания своего командира, чтобы защитить его от смертельного холода при полете в открытой кабине. Поверх рубашки был надет шелковый жилет, две плотные шерстяные рыбацкие фуфайки, потом кожаная безрукавка и наконец армейская офицерская шинель с полами, обрезанными так, чтобы они не мешали управлять самолетом.

К концу Майкл был так плотно упакован, что не мог даже согнуться, чтобы самостоятельно натянуть ботинки. Биггс опустился перед ним на колени и натянул на его босые ноги сначала шелковые носки, потом две пары шерстяных охотничьих носков, и наконец надел на Майкла высокие ботинки из дубленой шкуры антилопы-куду, которые Майкл заказал в Африке. Сквозь их мягкие, гибкие подошвы Майкл прекрасно ощущал педали управления. Когда он выпрямился, его стройное мускулистое тело выглядело бесформенным под грузом одежды, а руки торчали в стороны, как крылья пингвина. Биггс придержал полотнище палатки, а потом освещал Майклу путь по деревянному настилу, тянувшемуся через сад к столовой.

Когда они проходили мимо других темных палаток, притаившихся под яблонями, Майкл слышал тихое покашливание и шорохи. Все проснулись и прислушивались к его шагам, боясь за него, и, возможно, кто-то старался скрыть облегчение из-за того, что это не ему сегодня утром придется сразиться с аэростатами.

Майкл остановился на мгновение, когда они вышли из сада, и посмотрел на небо. Темные облака уносились к северу, между ними проглядывали звезды, но они уже бледнели перед угрозой рассвета. Эти звезды были по-прежнему чужды Майклу; и хотя он по крайней мере начал узнавать здешние созвездия, они все равно не походили на его любимые созвездия и звезды – Южный Крест, Ахернар, Аргус и другие. Он опустил взгляд и пошел дальше за Биггсом и его подпрыгивающим фонарем.

Столовая эскадрильи располагалась в старой хижине для рабочих, которую поправили и покрасили, положив на древнюю тростниковую крышу просмоленный брезент, так что внутри стало тепло и уютно.

У входа Биггс отступил в сторону.

– Я вручу вам пятнадцать фунтов выигрыша, когда вы вернетесь, сэр, – тихо сказал он.

Он никогда не желал Майклу удачи, потому что это было наихудшей из примет.

В очаге ревел огонь, и майор лорд Эндрю Киллигерран сидел перед ним, скрестив на приступке очага ноги в тяжелых ботинках, а служащий столовой убирал грязные тарелки.

– Овсянка, мой мальчик! – сообщил майор, вынимая из ровных белых зубов сигаретный мундштук и приветствуя Майкла. – С растопленным маслом и золотым сиропом. Лосось, тушенный в молоке...

Майкл передернулся.

– Я поем, когда вернусь.

Его желудок уже сжался в комок от напряжения, впад в ужас при запахе лосося. При помощи какого-то дядюшки в Генеральном штабе, который организовывал поставки, Эндрю имел возможность обеспечивать эскадрилью наилучшими продуктами, какие только могли предоставить его фамильные поместья в Горной Шотландии, – шотландской говядиной, куропатками и лососем, а в сезон охоты и олениной, а также яйцами и сыром, джемом и консервированными фруктами. А еще редким прекрасным односолодовым виски с непроизносимым названием, который поступал из семейной винокурни.

– Кофе для капитана Кортни! – крикнул Эндрю капралу, что дежурил в столовой.

Когда кофе принесли, майор сунул руку в глубокий карман своей подбитой мехом летной куртки, извлек на свет серебряную фляжку с большим дымчатым топазом на пробке и налил в горячую кружку солидную порцию спиртного.

Майкл задержал во рту первый глоток, перекатывая языком жидкость, позволяя ароматному виски пощекотать его, потом проглотил; смесь почти мгновенно согрела его пустой желудок, и он почувствовал, как алкоголь проник в его кровь.

Майор улыбнулся Эндрю через стол.

– Волшебство! – хрипло шепнул он. И в очередной раз подул на кончики пальцев правой руки.

– Эликсир жизни, мой мальчик!

Майкл любил этого щеголеватого маленького человека, как никогда не любил никакого другого мужчину, любил больше, чем собственного отца, даже больше, чем своего дядю Шона, который прежде был опорой его существования.

Но это случилось не сразу. При первой встрече у Майкла вызвали подозрения экстравагантная, почти женственная внешность Эндрю, его длинные изогнутые ресницы, мягкие полные губы, аккуратное маленькое тело, изящные руки и ноги и горделивые манеры.

Как-то вечером, вскоре после прибытия в эскадрилью, Майкл учил других новичков, как играть в боку-боку. Под его руководством одна команда соорудила человеческую пирамиду у стены столовой, а другая пыталась ее разрушить, налетая с разбега и пытаясь добраться до верха. Эндрю дождался, когда игра закончилась шумной кучей-малой, а потом отвел Майкла в сторону и сказал ему:

– Мы все понимаем, что вы свалились на нас откуда-то из-за экватора, и стараемся принимать в расчет ваше колониальное прошлое. Однако...

Их отношения с тех пор были холодными и отстраненными, они постоянно наблюдали за тем, как другой летает и стреляет.

В детстве Эндрю научился определять направление полета красных куропаток, которые летали по ветру в каких-нибудь дюймах над вереском. Майкл обрел такое же искусство, охотясь на эфиопских бекасов и песчаных куропаток, скользивших в африканском небе. Оба они сумели использовать свой опыт при стрельбе из пулеметов Виккерса с неустойчивых станков на самолетах «сопвич-пап», с ревом носясь в трех измерениях пространства.

Они наблюдали за полетами друг друга. Умение летать было особым даром. Те, кто им не обладал, погибали в первые же три недели; те, у кого он имелся, держались немного дольше. Через месяц Майкл все еще оставался в живых, и Эндрю снова заговорил с ним, в первый раз после того вечера игры в боку-боку в столовой.

– Кортни, вы сегодня летите в паре со мной. – Вот все, что он сказал.

В общем, это должно было стать вполне рутинной переменной очереди полетов. Они собирались «окрестить» двух новичков, прибывших накануне из Англии и налетавших четырнадцать часов на двоих. Эндрю называл их «фураж для „фоккеров“», им было по восемнадцать лет, они были розовощекими и горели воинственным пылом.

– Вы учились фигурам высшего пилотажа? – спросил их Эндрю.

– Да, сэр. – В один голос. – Мы оба делали «петлю».

– Сколько раз?

Оба смущенно опустили сияющие глаза и признались:

– Один раз.

– Черт! – пробормотал Эндрю и с шумом пососал свой мундштук. – А «потеря скорости» вам знакома? Свободное падение.

Оба как будто изумились, а Эндрю схватился за лоб и застонал.

– Падение! – ласковым тоном вмешался Майкл. – Ну, это когда вы теряете скорость и вдруг просто летите вниз.

Оба покачали головой, опять одновременно.

– Нет, сэр, такого нам никто не показывал.

– Гансам вы оба очень понравитесь, – проворчал Эндрю, а потом энергично продолжил: – Так, номер первый, забудьте о петлях и прочей чепухе, вообще забудьте о высшем пилотаже – или, пока вы там будете висеть вверх ногами, гансы вышибут вам задницу через ноздри, ясно?

Оба закивали.

– Номер второй, следуй за мной, делай все так же, как я, следи за сигналами, которые я буду подавать рукой, и мгновенно их выполняй, понял?

Эндрю водрузил на голову свой шотландский берет и повязал его зеленым шарфом, служившим ему фирменным знаком.

– Ну, вперед, детки!

Ведя новичков между своими самолетами, они на полной скорости промчались над Аррасом на высоте в десять тысяч футов, и лероновские моторы истребителей «сопвич-пап» рычали во всю мощь своих восьмидесяти лошадиных сил, – принцы небес, самые совершенные летающие боевые машины, какие только сумел изобрести человек, механизмы, которые сбили Макса Иммельмана и его восхваляемый «фоккер-эйндеккер».

Стоял прекрасный день, лишь высоко-высоко плыли маленькие кучевые облачка, неспособные скрыть «ягдстаффели» бошей, и воздух был настолько чистым и прозрачным, что Майкл с расстояния в десять миль заметил старый биплан «румплер», совершавший разведывательный полет. Биплан кружил на малой высоте над позициями французов, направляя огонь немецких батарей.

Эндрю увидел «румплер» на мгновение позже Майкла и тут же подал короткий сигнал рукой. Он собирался позволить новичкам сбить разведчика. Майкл не знал другого такого командира эскадрильи, который отказался бы от легкой победы, хотя она давала возможность очередного продвижения и наград. Однако он кивнул в знак согласия, и они погнали новичков на снижение, терпеливо показывая им старую двухместную немецкую машину. Но те, не обладая тренированным глазом, никак не могли ее увидеть. И недоуменно смотрели на двух старших пилотов.

Немцы так напряженно следили за взрывами снарядов внизу, что не заметили, как сверху к ним плотным строем быстро приближается смерть. Вдруг молодой пилот, который был ближе к Майклу, восторженно улыбнулся и с облегчением показал вперед. Он наконец заметил «румплер».

Эндрю взмахнул кулаком над головой в старом кавалерийском приказе: «Атака!»

И молодой пилот ринулся вниз, не перекрыв дроссель.

«Сопвич» с ревом нырнул – так неожиданно, что Майкл поморщился, видя, как двойные крылья самолета изогнулись назад под напором воздуха, а полотняная ткань съежилась у оснований крыльев. Второй новичок последовал за первым так же стремительно. Они напомнили Майклу двух львов-подростков, за которыми он однажды наблюдал: они пытались свалить опытного, старого жеребца-зебру и в комической растерянности рухнули друг на друга, когда жеребец с презрением сбросил их и ускакал.

Оба молодых пилота открыли огонь с расстояния в тысячу ярдов, и немецкий летчик посмотрел вверх при этом своевременном предупреждении; потом, рассчитав момент, сделал вираж прямо под носом двух самолетов, вынудив их стрелять вслепую, и в итоге они, продолжая бешеную стрельбу, оказались в миле от намеченной жертвы. Майкл видел, как они отчаянно вертят головой в открытых кабинах, пытаясь снова обнаружить противника.

Эндрю грустно покачал головой и повел Майкла на снижение. Они аккуратно зашли в хвост «румплеру», и немец резко взял влево, одновременно забирая вверх, чтобы дать тыловому стрелку возможность прицелиться. Эндрю и Майкл одновременно разошлись в стороны, разочаровав его, но, как только немецкий пилот понял, что его маневр не удался, и изменил направление, они пристроились ему в хвост.

Эндрю шел впереди. Он дал одну очередь из тяжелого пулемета Виккерса с расстояния в сотню футов, заставив пулемет «шпандау» на «румплере» бессмысленно развернуться на вертящейся установке, пока пули триста третьего калибра разбивали его на части. Немец пытался уйти вниз, и «сопвич» Эндрю едва не задел его верхним крылом, проносясь мимо.

Настала очередь Майкла. Он оценил направление движения «румплера», коснулся рычага левого направления так, чтобы его самолет слегка заскользил, пока он разворачивал орудие и переводил его на залповый огонь, а потом, зацепив указательным пальцем правой руки спуск «виккерса», выпустил короткую очередь из пуль триста третьего калибра. Он видел, как обшивка на фюзеляже «румплера» разлетелась в клочья как раз в средней части кабины пилота, там, где должна была находиться верхняя часть его тела.

Немец обернулся и уставился на Майкла – расстояние между ними едва составляло пятьдесят футов. Майкл увидел, что глаза немца за линзами летных очков ярко-голубые и что он не брился этим утром, потому что его подбородок покрывала короткая золотистая щетина.

Немец открыл рот, когда его настигли пули, между его губами выступила кровь из разорванных легких, которая тут же превратилась в розовую пену, летевшую следом за самолетом, а потом Майкл уже отлетел далеко. «Румплер» неловко перевернулся вверх брюхом и помчался к земле; мертвый пилот болтался на ремнях. Самолет упал посреди поля, превратившись в жалкую грудю тряпья и сломанных распорок.

Когда Майкл вернулся на свою позицию у крыла Эндрю, тот посмотрел на него и деловито кивнул, а потом подал знак отправиться за двумя новичками, которые продолжали яростно описывать круги в поисках исчезнувшего немца. Это потребовало больше времени, чем они ожидали, и к тому моменту, когда они наконец снова взяли под свою защиту мальчишек, все они очутились уже гораздо дальше к западу, чем когда-либо забирались Эндрю или Майкл. На горизонте Майкл разглядел жирную блестящую змею реки Соммы, она извивалась по прибрежным районам, стремясь к морю.

Они повернули от нее и направились обратно на восток, к Аррасу, забираясь как можно выше, чтобы не подвергнуться случайной атаке сверху.

Когда они набрали высоту, под ними открылась широкая панорама Северной Франции и южной части Бельгии – пятна полей множества оттенков зелени перемежались с темными коричневыми участками вспаханной земли. Линию фронта трудно было рассмотреть отсюда; с такой высоты узкая полоска обожженной земли казалась незначительной, а отчаяние, грязь и смерть там, внизу, выглядели иллюзией.

Двое опытных пилотов никогда не ослабляли бдительности даже на мгновение, внимательно следя за небом вокруг и пространством под собой. Их головы ритмично поворачивались, глаза не останавливались; оба не позволяли себе сосредоточиться на чем-то недостаточно важном или просто уставиться на вращающийся пропеллер впереди. В противоположность им, двое новичков выказывали беспечность и самоуверенность. Каждый раз, когда Майкл смотрел в их сторону, он видел, что они усмеваются и машут друг другу руками. В конце концов он оставил попытки заставить их следить за пространством вокруг, они просто не понимали его сигналов.

Они шли на высоте в пятнадцать тысяч футов, что было оптимальным в этот момент, и чувство неуверенности, всегда мучившее Майкла, когда ему приходилось лететь низко над незнакомой территорией, растаяло, когда он увидел впереди город Аррас. Он знал, что никакой «фоккер» не может лететь выше их при такой облачности, немецкие истребители просто не способны забираться на такую высоту.

Он еще раз окинул взглядом позиции. К югу от бельгийского Монса висели два наблюдательных немецких воздушных шара, а под ними летели к Амьену два одноместных самолета из двадцать четвертой эскадрильи.

Через десять минут они должны были приземлиться... но додумать эту мысль Майкл не успел, потому что внезапно самым волшебным образом небо вокруг него заполнилось безвкусно раскрашенными самолетами и грохотом пулеметного огня.

Даже в крайнем изумлении Майкл реагировал автоматически. Но когда он резко повернул свой самолет, похожая на акулу машина, расписанная красным и черным, с белым ухмыляющимся черепом на черном мальтийском кресте пронеслась прямо перед его носом. Еще сотая доля секунды – и он врезался бы в Майкла. Да, они напали сверху, понял наконец Майкл; и хотя он не мог в это поверить, они все же летели выше его «сопвича», выскакивая прямо из облаков.

Один из них, красный как кровь, сел на хвост Эндрю, и его «шпандау» уже палил в сторону нижнего крыла, неуклонно подбираясь к тому месту, где в открытой кабине съезжился Эндрю, – его лицо казалось белой каплей под шотландским беретом и зеленым шарфом. Майкл инстинктивно повернул к нему, и немец, не желая рисковать, метнулся в сторону.

– Нги дла! – Майкл, бросившись в погоню за красной машиной, издал боевой клич племени зулусов, а потом с изумлением наблюдал, как противник стремительно удаляется еще до того, как он сумел открыть огонь.

«Сопвич» яростно содрогнулся под ливнем пуль, расчалка над головой лопнула со звуком тетивы, отпустившей стрелу, и в этот момент еще один из этих жутких самолетов атаковал Майкла с хвоста.

Он постарался оторваться, и Эндрю теперь оказался под ним, уходя от другой немецкой машины, быстро догонявшей его, и пытаясь отклониться от линии огня. Майкл рванулся навстречу немцу, и красно-черные крылья пронеслись прямо над его головой, но в то же мгновение появился другой немец, сменивший первого, и на этот раз Майклу не удалось стряхнуть его с хвоста – яркий самолет оказался слишком быстрым, слишком мощным, и Майкл понял, что ему конец.

Внезапно огонь «шпандау» прекратился, Эндрю нырнул под крыло Майкла, отводя от него немца. Майкл в отчаянии последовал за Эндрю, и они начали кружить в кольце обороны, каждый из них прикрывал другому брюхо и хвост, а целая туча немецких самолетов клубилась рядом с ними в злобном разочаровании.

Майкл лишь частью сознания отметил тот факт, что оба новичка уже погибли. Они погибли в самые первые секунды нападения: один унесся вертикально вниз на полной скорости, искалеченные крылья «сопвича» изогнулись от напряжения и наконец просто оторвались

от корпуса; второй самолет превратился в пылающий факел и, упав на землю, выбросил в небо густой клуб черного дыма.

А немцы внезапно исчезли таким же непонятным образом, как и появились; ничуть не пострадавшие, неуязвимые, они умчались в сторону своих позиций, предоставив двум потрепанным «сопвичам» тащиться домой.

Эндрю приземлился перед Майклом, и они остановились крыло к крылу на краю фруктового сада. Каждый с трудом выбрался из кабины и медленно обошел свою машину, изучая повреждения. Наконец они оказались рядом, их лица окаменели от потрясения.

Эндрю сунул руку в карман и достал серебряную фляжку. Отвинтив крышку с топазом, он отер горлышко фляжки концом зеленого шарфа, а потом протянул фляжку Майклу.

– Вот, мой мальчик, – тщательно выговаривая слова, произнес он. – Глотни немножко. Думаю, ты это заслужил... я-то уж точно заработал.

С того дня, когда союзное превосходство было сметено с неба над Францией остроносими истребителями-разведчиками «Альбатрос D» из немецкой эскадрильи «Ягдстаффель», Майкл и Эндрю по отчаянной необходимости стали товарищами, летали бок о бок, организуя оборону, постоянно выручая друг друга, когда нелепо раскрашенные слуги смерти нападали на них. Сначала они довольствовались тем, чтобы просто защищаться, потом стали понемногу испытывать возможности этого нового, смертельного врага, вечерами сосредоточенно изучая донесения разведки, которые приходили к ним с запозданием. И выясняли понемногу, что на «альбатросах» стоят моторы от «Мерседес» мощностью в сто шестьдесят лошадиных сил, в два раза мощнее, чем на «сопвичах» с моторами фирмы «Ле Рон», и что они вооружены вдвоенными пулеметами «шпандау» калибра 7.92, с синхронизаторами огня, направленного вперед, что позволяло вести огонь сквозь пропеллеры. И все это против одноствольного «виккерса» калибра.303 на «сопвичах». Да, противник превосходил их по скорости и вооружению. «Альбатросы» были на семьсот фунтов тяжелее и могли с огромной скоростью нападать сверху.

– Что ж, старина, нам нужно научиться лупить их в зад, – решил в итоге Эндрю.

Обнаружив слабые места противника, можно было выступать против крупных формирований эскадрильи «Яста». Радиатор «альбатроса» располагался на верхнем крыле прямо над кабиной пилота, и после меткого попадания на того должен был обрушиться поток кипящей смазочно-охлаждающей жидкости, насмерть обварив его.

Пользуясь этим знанием, соратники одержали первые победы и поняли, что, испытывая на прочность «альбатросы», они проверяют и друг друга. Проверка показала: проколов нет. Товарищеские отношения превратились в дружбу, и постепенно между боевыми друзьями возникли настоящая любовь и уважение – даже более глубокие, чем те, что обычно связывают родных братьев. Теперь Эндрю и Майкл могли просто молча сидеть рядом на рассвете, попивая кофе с капелькой виски, ожидая, когда подойдет время выступить против аэростатов-разведчиков и черпая друг в друге покой и силу.

– Монетку? – нарушил молчание Майкл.

Почти пора уже было выступать.

Эндрю подбросил в воздух соверен и, когда тот упал на стол, накрыл его ладонью.

– Орел, – сказал Майкл.

Эндрю поднял руку.

– Везет, как чумному доктору! – проворчал он, когда они оба посмотрели на суровый бородатый профиль Георга Пятого.

– Пойду вторым номером, – заявил Майкл.

Эндрю открыл было рот, чтобы возразить.

– Я выиграл, я выбираю.

Майкл встал, прерывая спор до того, как тот начался.

Нападение на аэростаты было сродни столкновению с африканской гадюкой, большой и медлительной змеей, обитающей в вельде; один человек будил ее, и она поднимала и изгибала шею, готовясь к удару, а второму доставался укус ее длинных, загнутые внутрь зубов, впивавшихся в его лодыжку. К аэростатам приходилось приближаться вслед друг другу: первый самолет настораживал наземную оборону, а на второго уже обрушивалась вся ярость огня. Майкл намеренно выбрал для себя второй номер. Если бы Эндрю выиграл, он поступил бы точно так же.

Они задержались у выхода из столовой, натягивая перчатки, застегивая куртки и глядя на небо, прислушиваясь к грохоту орудий и оценивая направление и силу ветра.

– Над долинами повиснет туман, – пробормотал Майкл. – И ветер пока что его не разгонит.

– Молись об этом, мой мальчик, – ответил Эндрю.

Неловкие в толстой одежде, они побрели по дощатому настилу туда, где у края сада стояли их самолеты.

Какими благородными выглядели прежде эти летающие машины в глазах Майкла! И какими уродливыми казались теперь, когда он сравнивал их огромные ротационные моторы с узкими акульными носами «альбатросов», оборудованных рядным двигателем... И какими хрупкими они выглядели рядом с мощными германскими машинами...

– Боже, когда нам дадут настоящие аэропланы? – проворчал он.

Эндрю не ответил.

Они слишком часто жаловались на бесконечное ожидание новых SE5a – экспериментальных разведчиков номер 5a, которые им обещали; возможно, тогда они встанут хотя бы наравне с «Ястой».

Самолет Эндрю был выкрашен в яркий зеленый цвет, в тон его шарфу, а фюзеляж за кабиной украшали четырнадцать белых кругов, по одному на каждую из одержанных побед, вроде зарубок на винтовке снайпера. Имя аэроплана было начертано на корпусе мотора: «ЛЕТАЮЩИЙ ХАГГИС».

Майкл выбрал для себя ярко-желтый цвет, а под его кабиной располагались изображение нахмурившейся крылатой черепахи и слова: «Меня не спрашивай, я просто здесь работаю». На фюзеляже красовались шесть белых кругов.

С помощью наземной команды пилоты забрались на нижние крылья, потом втиснулись в узкие кабины. Майкл поставил ноги на педали и для проверки нажал на них по очереди, оглядываясь при этом через плечо, чтобы увидеть, как откликается руль направления. Удовлетворенный, он показал своему механику большой палец – мастер работал почти всю ночь, заменяя один из тросов, перебитых в прошлой стычке. Механик ухмыльнулся и поспешил к носу машины.

– Готов? – крикнул он.

– Готов! – подтвердил Майкл, наклоняясь и выглядывая из кабины, чтобы всмотреться в огромный мотор.

– Подсос!

– Подсос! – повторил Майкл и взялся за рукоять топливного насоса.

Когда механик повернул пропеллер, Майкл услышал, как топливо втягивается в карбюратор под кожухом.

– Контакт!

– Контакт!

При следующем повороте пропеллера мотор ожил и невнятно забормотал. Голубой дымок показался из выхлопных отверстий, в воздухе поплыла вонь горящего касторового масла. Мотор захлебнулся, кашлянул и наконец заработал в обычном ровном ритме.

Пока Майкл заканчивал предполетную проверку, его желудок бурчал и сжимался. Касторовым маслом смазывали сложные моторы, но пары, которыми приходилось дышать пилотам, вызывали у них бесконечную легкую диарею. Старослужащие вскоре научались справляться с ней; виски оказывал удивительный вяжущий эффект, если пить его в достаточных количествах. Однако новичков частенько ласково называли «липкая задница» или «скользкие штаны», когда те возвращались из вылазок красные и воняющие.

Майкл поправил очки и посмотрел в сторону Эндрю. Они кивнули друг другу, и Эндрю открыл дроссель и выехал на влажный торф. Майкл последовал за ним, его механик бежал рядом у правого крыла, помогая развернуться и направиться на узкую грязную полосу между яблонями.

Эндрю впереди уже оторвался от земли, и Майкл дал полную тягу. Почти мгновенно самолет отозвался, а Майкл ощутил укол совести за свое прежнее недовольство. У него отличный аэроплан, летать на нем чистое удовольствие. Несмотря на грязь на полосе, самолет легко взлетел, и на высоте в сто футов Майкл выровнялся вслед за зеленой машиной Эндрю. Уже стало достаточно светло, чтобы Майкл мог рассмотреть справа позеленевший медный шпиль церкви в маленькой деревушке Морт-Ом. Впереди лежала роща, похожая на букву «Т», там росли дубы и березы, и длинная палочка «Т» идеально продолжала посадочную полосу их эскадрильи, являясь лучшим навигационным указателем при посадке в дурную погоду. За деревьями стояла богатая усадьба с розовой крышей, окруженная лужайками и ухоженными садами, а за ней виднелся невысокий холм.

Эндрю взял немного вправо, чтобы миновать холм. Майкл сделал то же самое, всматриваясь вперед через верхний край кабины. Будет ли *она* там? Было еще слишком рано, склон холма казался пустым. Майкл испытал легкое разочарование и страх. А потом увидел ее – она мчалась верхом по тропе к вершине. Большой белый жеребец словно не ощущал веса стройного девичьего тела.

Девушка на белом коне была их талисманом удачи. Если она ждала на вершине холма и махала им рукой, все должно было пройти хорошо. Сегодня, когда им предстояло нападение на аэростаты, они нуждались в ней – просто отчаянно нуждались в ее благословении.

А она добралась до вершины холма и остановила коня. И за несколько секунд до того, как они изменили горизонт полета, она сорвала с головы шляпу, из-под которой вырвалась густая волна темных волос. Девушка замахала шляпой, и Эндрю покачал крыльями, пролетая мимо.

Майкл подлетел ближе к гребню. Белый жеребец попятился и нервно встряхнул головой, когда желтая машина с ревом ринулась на скакуна, но девушка тут же успокоила животное и снова взмахнула шляпой. Майклу хотелось увидеть ее лицо. Он уже почти поравнялся с вершиной холма, очутившись очень близко к тому месту, где находилась девушка. И на мгновение он заглянул ей в глаза. Они были огромными и темными, и у Майкла подпрыгнуло сердце. Он коснулся шлема, отдавая честь, и теперь знал, знал в глубине души, что сегодня все пройдет отлично, а потом выгнал из мыслей эти глаза и стал смотреть вперед.

В десяти милях впереди, где низкие меловые холмы пересекали линию фронта, Майкл с облегчением увидел, что был прав: ветер еще не рассеял утренний туман, висевший над долинами. Меловые холмы были чудовищно изуродованы артиллерийским огнем, на их склонах не осталось никакой зелени, обломки раздробленных дубов не достигали в высоту и плеча человека, а воронки, оставленные снарядами, перекрывали друг друга, наполнившись уже вонючей водой. Сражения за эти холмы шли месяц за месяцем, но прямо сейчас гряда находилась в руках союзников, ее взяли в начале предыдущей зимы ценой такого количества жизней, что в это не хотелось верить. Изъеденная рытвинами и оспинами земля выглядела пустынной, но она была населена легионами живых и мертвых, вместе гнивших в пропитанных водой окопах. Запах смерти добирался с ветром даже до тех, кто летел невысоко над этим местом, и вонь оседала в глубине их глоток, вызывая тошноту.

За холмами стояли союзные части Третьей армии – из Южной Африки и Новой Зеландии. Они готовили резервные позиции на случай непредвиденных обстоятельств, ведь если бы наступление союзников, которое готовилось у реки Соммы, провалилось, то вся ярость контратаки немцев обрушилась бы на них.

Подготовке новых линий обороны серьезно мешала германская артиллерия, стоявшая к северу от цепи холмов; она буквально без перерыва заливала местность снарядами со взрывчаткой. Подлетая ближе к линии фронта, Майкл уже мог видеть желтоватую дымку от разрывов гаубичных снарядов, поднимающуюся ядовитой завесой за холмами, и мог без труда представить страдания людей, тонущих в грязи, измученных упорным обстрелом.

По мере приближения к гребню грохот огня стал заглушать даже рев мотора самолета и гудение воздушной струи за ним. Огневой вал был подобен биению штормового прибоя о скалистый берег, стуку обезумевших барабанов, это был лихорадочный пульс больного, свихнувшегося мира, и возмущение Майкла людьми, отправившими их атаковать аэростаты, ослабевало по мере того, как нарастал грохот артиллерийского огня. Эту работу необходимо было сделать – он понял это, увидев все эти чудовищные страдания.

Вот только аэростаты были самой пугающей и ненавистой целью из всех, против которых могли выступить авиаторы; именно поэтому Эндрю Киллигерран не мог послать сюда кого-то другого. Майкл уже видел их – похожие на жирных серебряных слизней, они висели в рассветном небе высоко над холмами. Один находился прямо впереди, другой – на несколько миль дальше к востоку. С такого расстояния канаты, привязывавшие их к земле, оставались невидимыми, а плетеные корзины, из которых наблюдатели прекрасно видели всю территорию тыла союзников, казались просто темными точками, повисшими над сияющими сферами шелка, наполненного водородом.

В этот момент воздух встряхнуло так, что самолеты приподняло; перед ними взлетел в небо столб дыма и пламени, закручиваясь спиралью, черный и ярко-оранжевый, и стал разворачиваться над низко летевшими аэропланами, вынудив их резко повернуть, чтобы ускользнуть от огненной колонны. Германский залп, направленный одним из воздушных наблюдателей, ударил по полемому складу боеприпасов союзников, и Майкл почувствовал, как его страх и негодование улечиваются, уступая место жгучей ненависти к артиллеристам и к людям, висящим в воздухе, словно стервятники, навлекающим смерть с ледяным бесстрашием.

Эндрю уже повернул обратно к холмам, оставив справа столб дыма, и опустился ниже, затем еще ниже, пока его шасси чуть ли не коснулись брустверов, выстроенных из мешков с песком: теперь можно было рассмотреть южноафриканских солдат, группами передвигавшихся по траншеям коммуникаций. Эти серо-коричневые существа, непохожие на людей, сгибались под тяжестью заплечных мешков и снаряжения. Лишь очень немногие из них потрудились бросить взгляд вверх, когда весело окрашенные самолеты пронеслись над ними. С грязных серых лиц, лишенных выражения, смотрели пустые глаза.

Впереди открывалось одно из ущелий, разделявших меловые вершины. Ущелье заполнял утренний туман. Под легкими порывами бриза он мягко колыхался, как будто сама земля занималась любовью под серебристым покровом.

Где-то впереди, совсем близко, прогрехотал «виккерс». Эндрю проверил свое оружие. Майкл слегка повернул в сторону и тоже дал короткую очередь. Светящиеся зажигательные пули оставили отчетливые белые следы в чистом воздухе.

Майкл вернулся на место позади Эндрю, и они врезались в туман, как в некое другое измерение света и приглушенных звуков. Рассеянный свет создал радужное гало вокруг обоих самолетов, на очках Майкла осела влага. Он поднял их на лоб и всмотрелся вперед.

Накануне днем Эндрю с Майклом тщательно изучили это ущелье, удостоверившись в том, что там нет никаких неожиданных препятствий и запоминая все повороты и изгибы. И все

равно это был очень опасный маневр, видимость не составляла и шестисот футов, а меловые склоны отвесно поднимались по обе стороны крыльев.

Майкл приблизился как можно ближе к хвосту зеленого самолета, доверяя Эндрю и зная, что тот проведет его сквозь ущелье. Ледяной холод тумана уже прогрызался сквозь его одежду, заставляя пальцы неметь в кожаных перчатках. Впереди Эндрю резко повернул с креном, и Майкл, повторяя поворот за ним, заметил внизу колючую проволоку, заржавевшую и спутанную, как папоротник орляк.

– Что за место... – пробормотал он. – Не для людей.

Потом немецкая линия фронта мелькнула под ними – просто ряд брустверов, за которыми скорчились люди в серых мундирах и уродливых шлемах, похожих на ведерки для угля.

Несколько секунд спустя они уже вырвались из тумана в мир, освещенный первыми, еще низкими лучами солнца, в небо, ошеломившее их своим сиянием, и Майкл понял, что они появились здесь совершенно неожиданно. Густой туман скрыл их от воздушных наблюдателей и приглушил шум моторов.

Прямо впереди болтался в небе первый аэростат, в полутора тысячах футов над ними. Его стальной якорный трос, тонкий, как нить паутины, тянулся вниз, к безобразной черной паровой лебедке, наполовину скрытой в окопе под мешками с песком. Аэростат казался совершенно беззащитным, пока Майкл не заметил внизу поле, – с первого взгляда оно выглядело вполне невинно, но там были замаскированы орудия.

Пулеметные гнезда походили на муравьиных львов, зарывшихся в африканскую почву: крошечные ямки в земле, окруженные песчаными валами. Майкл не мог их сосчитать за те краткие секунды, что ему оставались, их было слишком много. Вместо этого он отметил зенитные орудия, торчавшие на виду, нескладные, как жирафы, с уже направленными в небо длинными стволами, готовые швырнуть шрапнель на высоту в двадцать тысяч футов.

Они ждали. Они знали, что рано или поздно самолеты появятся здесь, и они подготовились. Майкл понял, что туман выиграл им всего секунды, потому что он уже видел артиллеристов, спешивших на свои места. Один из длинных стволов начал двигаться, постепенно поворачиваясь в их сторону. Потом, когда Майкл резко увеличил подачу топлива и его самолет рванулся вперед, он заметил облако белого пара, вырвавшееся из огромной лебедки, когда наземная команда принялась поспешно опускать аэростат ниже, под защиту огня зениток. Мерцающий шелковый цилиндр устремился к земле, и Эндрю, подняв нос своей взревевшей машины, ринулся вперед.

Мотор самолета Майкла работал во всю силу, когда Майкл последовал вверх за Эндрю, соразмеряя свой подъем с точкой на канате на половине высоты между аэростатом и землей. Именно там должен был оказаться аэростат, когда Майкл возникнет рядом, примерно на высоте в пятьсот футов над головами артиллеристов.

Эндрю шел на четыреста ярдов впереди, а орудия все еще не открыли огонь. Эндрю уже был на одной линии с аэростатом и готов к обстрелу. Майкл отчетливо услышал стук его пулемета и увидел яркий след зажигательных пуль, прорезавших ледяной рассветный воздух, они слились с воздушным цилиндром, обгоняя зеленый самолет. Потом Эндрю резко повернул, конец его крыла задел раздувшийся шелк, и он спокойно вошел в воздушный поток, оставленный им же самим.

Настала очередь Майкла, но, как только он поймал аэростат в прицел, артиллеристы внизу открыли наконец огонь. Он услышал, как просвистел рядом град шрапнели, его самолет опасно качнулся в торнадо летящих мимо зарядов, но выстрел запоздал. И град взорвался яркими серебристыми клубочками дыма в трех или четырех сотнях футов над ним.

Пулеметчики были точнее, потому что стреляли прямой наводкой и почти в упор. Майкл ощутил основательный удар по своему самолету. Он ударил по одному рулю направления и одновременно рванул другой, заставляя машину заскользить на крыле – от этого маневра внут-

ренности словно выворачивались наизнанку – и на мгновение уходя из-под огня как раз тогда, когда он поравнялся с аэростатом.

А тот как будто сам двинулся к нему; поверхность шелка была отвратительно мягкой и напоминала личинку мясной мухи, покрытую серебристой слизью. Майкл видел двоих германских наблюдателей, висевших в открытой плетеной корзине, – оба были плотно закутаны от холода. Один уставился на Майкла без выражения, лицо другого исказилось от ужаса и бешенства, он выкрикивал то ли проклятия, то ли оскорбления, но его не было слышно за шумом мотора и грохотом пулеметного огня.

Целиться не было необходимости, потому что аэростат закрывал весь обзор. И Майкл просто снял предохранитель и нажал на гашетку; пулемет застрекотал, сотрясая самолет, и дым горящего фосфора от зажигательных пуль ударил в лицо Майклу, заставив его задохнуться.

Теперь он летел прямо и ровно, и наземные стрелки снова его нашли, стремясь разнести «сопвич» в клочья. Но Майкл держался; он по очереди нажимал на рули направления, чтобы нос самолета слегка уходил то влево, то вправо, направляя зажигательные пули на аэростат, как будто орудовал поливочным шлангом.

– Гори! – закричал он. – Гори! Черт тебя поberi, гори же!

Чистый водород не слишком легко воспламеняется, его для этого нужно смешать с кислородом в пропорции один к двум, и тогда он станет чрезвычайно взрывоопасным. Так что аэростат поглощал пули без видимого результата.

– Гори! – снова закричал на него Майкл.

Его пальцы вцепились в ручку орудия, «виккерс» грохотал, выбрасывая из казенной части латунные гильзы. Водород должен был уже вытекать из сотен дыр от пуль, выпущенных Майклом и Эндрю в шелк; газ должен был уже смешаться с воздухом.

– Какого черта ты не горишь?

Майкл и сам слышал злобу и отчаяние в своем яростном крике. Он летел на аэростат, но должен был повернуть сейчас в сторону, чтобы избежать столкновения, иначе все окажется впустую... Однако в это мгновение, казавшееся провалом, он понял, что ни за что не отступит. Он знал, что ему в случае необходимости придется врезаться в аэростат.

И как только он это подумал, воздушный цилиндр взорвался прямо перед ним. Шелковая оболочка словно в сто раз увеличилась в объеме, заполнила все небо – и одновременно превратилась в пламя. Ошеломляющее дыхание огненного дракона опалило Майкла и «сопвич», обожгло открытую кожу на щеках пилота, ослепило его, подбросило человека и машину вверх, словно какой-нибудь зеленый листок, угодивший в садовый костер. Майкл изо всех сил старался справиться с управлением, потому что «сопвич» стремился перевернуться вверх шасси, а потом понесся вниз. Майклу удалось остановить падение прежде, чем самолет врезался в землю, и, уже отлетая в сторону, он оглянулся.

Газ в аэростате выгорел одним демоническим взрывом, и теперь пылала пустая шелковая оболочка, она морщилась и сплющивалась, превращаясь в подобие зонта над корзиной и ее человеческим грузом.

Один из немецких наблюдателей выпрыгнул из нее и рухнул вниз с высоты в триста футов; полы его шинели хлопали вокруг него, ноги конвульсивно дергались, и он исчез без звука и следа в невысокой зеленой траве поля. Второй наблюдатель остался в корзине, и его накрыли волны горящего шелка.

На земле команда при лебедке спешно выбиралась из окопа, как насекомые из потревоженного гнезда, но горящий шелк падал слишком быстро, ловя их в капкан пылающих складок. Майкл не испытывал жалости ни к одному из них, вместо этого его охватило дикарское торжество, первобытная реакция на собственный страх. Он открыл рот, чтобы испустить боевой клич, но в это мгновение снаряд, выпущенный одним из орудий у северного края поля, взорвался шрапнелью под «сопвичем».

Самолет снова подбросило, жужжащие и шипящие куски пробili брюхо его фюзеляжа. Пока Майкл пытался справиться с этой второй волной, дно кабины лопнуло, и он увидел землю под собой; ледяной ветер с воем залетел под его летнюю шинель, вздыбив ее полы.

Он удержал самолет от падения, но машина была серьезно повреждена. Что-то болталось под фюзеляжем, колотясь и вращаясь на ветру, «сопвич» заваливался на крыло, так что Майкл удерживал его просто грубой силой; тем не менее он хотя бы ушел наконец с линии огня.

Потом рядом появился Эндрю, он тревожно вытягивал шею, всматриваясь, и Майкл усмехнулся и победоносно вскрикнул. Эндрю знаком привлек его внимание и подал большим пальцем сигнал: «Возвращаемся на базу!»

Майкл огляделся вокруг. Пока он сражался с поврежденным самолетом, они ушли на север, глубоко, очень глубоко на немецкую территорию. Внизу виднелись перекрестки, забитые конскими повозками и моторизованным транспортом; испуганные фигурки в серых защитных мундирах разбегались в стороны в поисках укрытия. Майкл не обратил на них внимания и развернулся в кабине; в трех милях от них, за ровными зелеными полями, над холмами по-прежнему безмятежно висел второй аэростат.

Майкл подал Эндрю знак отказа и показал на оставшийся аэростат: «Нет, продолжим атаку».

Эндрю проявил настойчивость. «Возвращаемся на базу!» Он показал на самолет Майкла и провел ребром ладони по горлу: «Опасно!»

Майкл посмотрел вниз, в дыру между собственными ногами, где кабина была разорвана. А то, что болталось внизу, было, наверное, одним из колес самолета, повисшим на остатках крепления. Пули изрешетили крылья и корпус, ленты оторванного полотна трепетали, как буддийские молитвенные флаги в струе воздуха за самолетом, но мотор «Ле Рон» работал сердито и ровно, не сбиваясь, в обычном боевом ритме.

Эндрю снова начал сигналить, побуждая Майкла повернуть назад, но Майкл лишь коротко махнул рукой: «Следуй за мной» – и положил «сопвич» на крыло, резко разворачиваясь и заставляя напрячься все пострадавшие части самолета.

Майкл просто потерял голову в боевом безумии, в дикой страсти берсеркера, когда угроза смерти или тяжелых ран уже не имела значения. Его взгляд обрел неестественную остроту, он вел пострадавший «сопвич» так, будто тот стал продолжением его собственного тела. Он с легкостью неся над землей, задевая зеленые изгороди единственным оставшимся у него колесом, скользил – отчасти как пена на волне, отчасти как ястреб, и его немигающий взгляд был жесток, когда он приближался к аэростату, неуклюже и медленно опускавшемуся к земле.

Конечно, немцы видели огненное уничтожение первого аэростата и теперь энергично работали лебедкой. Цилиндр должен был опуститься прежде, чем Майкл окажется на расстоянии выстрела от него. Артиллеристы тоже были настороже, они ждали у орудий. Но атака должна была произойти на малой высоте, с точным расчетом, потому что даже в своем самоубийственном бешенстве Майкл не потерял ни одного из своих охотничьих навыков. Он использовал каждый кустик для возможного прикрытия.

Узкая проселочная дорога поворачивала и шла поперек линии фронта; стройные тополя по обе ее стороны были единственной заметной чертой на этой однообразной равнине за хребтом. Майкл воспользовался линией деревьев и резко повернул, чтобы лететь параллельно им, оставляя тополя между собой и командой аэростата. Он посмотрел в зеркало над головой, закрепленное так, чтобы видеть крылья. Зеленый «сопвич» Эндрю шел так близко, что его пропеллер едва ли не касался хвоста самолета Майкла. Майкл оскалился, как акула, и, сосредоточившись, бросил свой «сопвич» через тополя, как будто брал барьер верхом на полном скаку.

Позиция аэростата располагалась в трехстах ярдах в вышине. Но он уже опустился к земле. Наземная команда помогла наблюдателям выбраться из корзины, а потом все побежали к ближайшему окопу. Артиллеристы наконец-то увидели цель, выскочившую из-за тополей, и одновременно открыли огонь.

Майкл летел в потоке огня. Снаряды заполнили воздух вокруг него, свистела шрапнель, все вокруг грохотало, так что у него заложило уши и они заболели от давления. Он видел, как лица артиллеристов обратились в его сторону; они казались светлыми каплями за укороченными стволами, что поворачивались вслед ему, а вспышки выстрелов выглядели яркими и симпатичными, как китайские фонарики. Однако «сопвич» несся со скоростью больше ста миль в час, а Майклу оставалось одолеть едва ли триста ярдов. И даже мощные удары пуль в тяжелый кожух мотора не смогли отвлечь Майкла, когда он выровнял самолет, осторожно касаясь рулей направления.

Группа людей, убегающих от аэростата, оказалась прямо перед ним – они мчались к окопу. Среди них были и двое наблюдателей, медлительные и неповоротливые, все еще не отошедшие от холода наверху, обремененные тяжелой одеждой. Майкл ненавидел их, как мог бы ненавидеть ядовитую змею; он слегка опустил нос «сопвича» и коснулся гашетки пулемета. Группа людей разлетелась, как серый дым, и исчезла в низком жнивье.

А Майкл мгновенно сменил цель «виккерса».

Аэростат, привязанный к земле, напоминал цирковой шатер. Майкл обстрелял его, и пули, оставляя серебристый след фосфорного дыма, провалились в шелковую массу, ничего не изменив.

При всей ярости берсеркера ум Майкла оставался ясным, мысли текли стремительно, но теперь они начали замедлять бег. И те микросекунды, когда он приближался к сидящему на мели шелковому монстру, показались ему целой вечностью, так что он мог проследить взглядом за каждой пулей, вылетевшей из ствола «виккерса».

– Почему он не хочет гореть? – снова выкрикнул Майкл все тот же вопрос.

И тут ответ пришел сам собой.

Атомы водорода – легчайшие из всех. И вытекающий газ смешивался с кислородом над аэростатом. Теперь Майклу стало совершенно ясно, что он стрелял слишком низко. Ну почему он раньше не сообразил?

Он поставил «сопвич» на хвост, направляя огонь вверх, над раздутыми боками цилиндра, и еще выше, пока пули не полетели уже просто в воздух над аэростатом, – и воздух внезапно превратился в пламя. Как только огромная волна взрыва покатила к самолету, Майкл повел «сопвич» вертикально вверх и перекрыл дроссель. Без топлива самолет на мгновение завис, а потом начал падать. Майкл резко пнул педаль управления рулем, разворачивая самолет так, как это делается при заглушем двигателе, а когда снова открыл дроссель, «сопвич» уже мчался в обратную сторону, подальше от гигантского похоронного костра, сотворенного им. Ниже Майкл заметил зеленую вспышку, когда Эндрю лег на крыло в резком развороте влево, едва не зацепив шасси Майкла, а потом так же резко ушел вправо и лег на курс.

Огонь с земли уже не преследовал их; внезапный трюк двух атакующих самолетов и ревущий столб горящего газа полностью отвлекли артиллеристов, поэтому Майкл снова спокойно ушел под прикрытие тополей. Теперь, когда все было кончено, его ярость угасла почти так же внезапно, как и зародилась. Он посмотрел вверх, на небо, понимая, что столбы дыма должны были стать маяками для «альбатросов» эскадрильи «Ягдстаффель». Однако небо было чистым, если не считать дыма, и Майкла охватило облегчение. Он поискал взглядом Эндрю.

Тот обнаружился неподалеку – он летел немного выше Майкла, уже направляясь к гряде холмов, но поворачивая так, чтобы оказаться рядом.

Теперь они летели бок о бок. Странно, как спокойно чувствовал себя Майкл, когда Эндрю парил у крыла его машины, и усмехался, и качал головой в насмешливом неодобре-

нии, порицая за неподчинение приказу вернуться на базу и за безумие берсеркера, затопившее Майкла...

Они снова промчались над немецкой линией фронта, пренебрегая беспорядочным огнем, который навлекали на себя. А потом, когда оба пилота начали набирать высоту, чтобы пересечь гребень гряды холмов, мотор Майкла вдруг бессвязно забормотал и заглох.

Самолет резко упал к меловой почве, но тут мотор снова заработал, взревел, оживая, и поднял машину прямо над гребнем, прежде чем опять пропустить такт и потерять ритм. Эндрю все так же держался рядом, губами произнося ободряющие слова. Мотор еще раз ожил и тут же захлебнулся.

Майкл старался как мог, действуя дросселем, так и эдак пытаясь оживить зажигание и шепча раненому «сопвичу»:

– Ну же, милый! Держись, старина! Мы уже почти дома, дорогой мой!

Потом он почувствовал, как что-то сломалось; одна из главных распорок каркаса громко треснула, рычаги управления перестали слушаться, и самолет ослабел, умирая.

– Держись! – уговаривал машину Майкл.

Но тут в его ноздри проникла резкая вонь топлива, и он увидел полупрозрачную струйку, сочившуюся из-под капота мотора и превращавшуюся в белый пар.

– Пожар...

Это был ночной кошмар всех авиаторов. Но остатки ярости еще не покинули Майкла, и он упорно пробормотал:

– Мы спешим домой, старина! Еще чуть-чуть продержись.

Они уже пролетели над хребтом, впереди лежала плоская равнина, и Майкл уже мог рассмотреть т-образный лес, означавший, что они приближаются к посадочной полосе.

– Ну же, давай, сладкий мой...

Внизу виднелись люди, выскочившие из окопов; они встали вдоль заграждений и махали, подбадривая пилота криками, когда разбитый «сопвич» с грохотом, подпрыгивая в воздухе, пронесся у них над головой; одно шасси было сбито снарядом, другое болталось под брюхом.

Все лица были обращены вверх, и Майкл видел открытые рты – все что-то кричали ему. До них ведь доносился грохот вражеского огня, сообщавший о нападении, они видели, как огромные клубы пылающего водорода возникли в небе за гребнем гряды, они понимали, что на какое-то время направленный обстрел прекратится, и потому радостно приветствовали возвращающихся пилотов.

Солдаты остались позади, но их благодарность подняла Майклу настроение, а впереди уже лежали знакомые вехи – шпиль церкви, розовая крыша богатого особняка, похожего на замок, небольшой холм...

– Мы это сделаем, милый мой, – сообщил пилот своему «сопвичу».

Но под кожухом двигателя оборванный провод коснулся металла мотора, и крохотная искра проскочила в этом месте. Послышалось шипение – белый хвост пара превратился в огонь. Жар ворвался в открытую кабину, как огонь из задуваемой лампы, и Майкл инстинктивно развернул «сопвич» боком, чтобы огонь ушел в сторону от его лица, так что Майкл снова видел то, что было впереди.

Теперь ему следовало посадить самолет, где угодно, как угодно, только побыстрее, очень быстро, до того как он сам поджарится и обуглится в горящем остове «сопвича». Майкл нырнул к полю, что открылось перед ним; теперь уже его куртка горела, правый рукав начал тлеть, потом вспыхнул...

Он резко бросил «сопвич» вниз, но при этом нос самолета держал поднятым, чтобы понизить скорость. Тем не менее самолет ударился о землю с такой силой, что у Майкла стукнули зубы, затем тут же развернулся на оставшемся шасси и кувыркнулся, сломав одно крыло и врезавшись в зеленую изгородь, окружавшую поле.

Майкл ударился головой о край кабины, и удар оглушил его. Но вокруг уже трещало и бесилось пламя, и он выполз из кабины, упал на сломанное крыло и скатился на мокрую землю.

Он отчаянно пополз на руках и коленях прочь от горящих обломков. Тлеющая куртка вспыхнула целиком, и жар подтолкнул Майкла – он с криком вскочил на ноги. Он рвал пуговицы, стараясь избавиться от боли, затем побежал, бешено обхлопывая себя руками, чтобы погасить огонь, но тот лишь сильнее разгорался.

За ревом пламени горящего самолета Майкл не слышал стука копыт коня, мчавшегося галопом.

Девушка очутилась у изгороди, и большой белый жеребец легко перепрыгнул кусты. Конь и всадница мягко приземлились и тут же снова помчались вперед, к горящей, кричащей фигуре посреди поля. Девушка выдернула ногу из стремени дамского седла и, оказавшись позади Майкла, мягко остановила жеребца и одновременно соскочила с седла.

Она всей тяжестью обрушилась на Майкла, обеими руками обхватив его за шею, и он распростерся на земле с девушкой на спине. Она вскочила на ноги и, сорвав с себя плотную габардиновую юбку для верховой езды, подвязанную на талии, набросила ее на горящего человека. Потом упала на колени рядом с ним и стала плотно прижимать к нему пышное полотнище юбки, хлопая по ней голыми руками, когда маленькие язычки огня выскакивали наружу.

Как только огонь был погашен, она подняла полотнище и помогла Майклу сесть на мокрой земле. Ловкими пальцами она расстегнула горячую куртку и, содрав ее с плеч Майкла, отбросила в сторону. Потом сняла с него тлеющие шерстяные фуфайки – под ними огонь добрался-таки до кожи пилота. Ему обожгло плечо и руку. Он вскрикнул от боли, когда девушка попыталась снять с него и нижнюю рубашку.

– Ох, бога ради!

Хлопковая ткань прилипла к ожогам.

Девушка наклонилась к нему, впилась зубами в ткань и дергала, пока та не надорвалась. А потом стала рвать ее руками. Но тут выражение ее лица изменилось.

– Мой бог! – пробормотала она и вскочила, чтобы затоптать тлеющую куртку и уничтожить последние следы горения шерсти.

Майкл смотрел на незнакомку во все глаза, и даже боль от ожогов как будто ослабела. Без юбки для верховой езды девушка выглядела...

Ее жакет доходил только до верхней части бедер. На ногах у нее были черные верховые сапожки из тонкой кожи, застегнутые по бокам на крючки. Колени девушки оставались обнаженными, и кожа подколенных ямок выглядела гладкой, безупречной, как внутренняя поверхность раковины наutilus, но сами колени были в грязи. Над ними виднелись длинные панталоны из тонкой ткани, сквозь которую Майкл мог отчетливо видеть кожу. Панталоны, подвязанные над коленями розовыми лентами, облегли бедра и нижнюю часть тела девушки так, что она казалась нагой... нет, полускрытой, что было еще более соблазнительным, чем просто обнаженное тело.

Майкл почувствовал, как у него распухло горло, он просто не мог дышать, когда она наклонилась, чтобы поднять его обгоревшую куртку, позволив ему на мгновение увидеть ее маленькие крепкие ягодицы, круглые, как пара страусиных яиц, нежно светящихся в лучах раннего утра. Майкл смотрел так пристально, что почувствовал, как его глаза начали слезиться, когда девушка снова повернулась к нему. И тут он увидел сквозь тонкий шелк развилку между юными бедрами и темную треугольную тень. Девушка стояла так, что эта завораживающая тень казалась в шести дюймах от носа Майкла, пока его спасительница осторожно набрасывала куртку на его обожженное плечо, тихонько приговаривая что-то таким тоном, каким матери говорят с ребенком, который ушибся.

Майкл уловил лишь слова «froid» и «brûlé»¹. Девушка была так близко, что он ощущал ее запах – естественный мускусный запах здорового тела молодой женщины, вспотевшей от напряжения быстрой скачки, и он смешивался с ароматом духов, похожим на аромат сухих лепестков розы.

Майкл попытался заговорить, поблагодарить ее, но он слишком сильно дрожал от потрясения и боли. Его губы тряслись, он смог лишь невнятно пробормотать что-то.

– Mon pauvre², – успокоила она его и отступила.

Ее голос прозвучал хрипловато из-за тревоги и утомления. Незнакомка с ее огромными темными кельтскими глазами походила на эльфа. Майкл подумал, не остроконечные ли у нее уши, но их не было видно за облаком темных волос, которые растрепались и сбились в плотный кудрявый ком. Кожа девушки тоже говорила о кельтском происхождении, она имела цвет старой слоновой кости, а брови у нее были такими же густыми и темными, как и волосы.

Она снова заговорила, но Майкл, не в силах удержаться, опять посмотрел на интригующую маленькую тень под шелком. Девушка заметила движение его глаз, и ее щеки густо порозовели; схватив свою грязную юбку, она обернула ткань вокруг талии, и Майклу от стыда за свою ошибку стало даже больнее, чем от ожогов.

Рев мотора «сопвича» Эндрю над их головами дал им обоим передышку, и они оба с благодарностью стали смотреть, как Эндрю кружил над полем. Майкл неуверенно, с трудом поднялся на ноги, пока девушка подвязывала юбку поясом, и помахал другу. Он увидел, как Эндрю вскинул руку, салютуя, а потом зеленый «сопвич» сделал еще круг не более чем в пятидесяти футах над их головами, и зеленый шарф, на конце которого что-то было завязано в узел, полетел вниз и упал в грязь неподалеку.

Девушка побежала за ним и принесла Майклу. Он развязал узел и криво усмехнулся, увидев серебряную фляжку. Отвинтив пробку, Майкл поднял фляжку к небу. Он видел, как в открытой кабине сверкнули в улыбке белые зубы Эндрю, как тот взмахнул рукой в перчатке, а потом повернул к посадочной полосе.

Майкл поднес фляжку к губам и сделал пару глотков. Его глаза наполнились слезами, он задохнулся, когда божественная жидкость обожгла его горло, проскользнув вниз. Майкл опустил фляжку и, увидев, что девушка наблюдает за ним, протянул фляжку ей.

Она покачала головой и серьезно спросила:

– Anglais?³

– Oui...⁴ нет... Sud-Africain...⁵

– Ah, vous parlez français!⁶

Она в первый раз улыбнулась, и это был феномен почти столь же ошеломляющий, как и ее жемчужные маленькие ягодицы.

– A peine... едва ли, – поспешно сказал Майкл, не позволяя вырваться наружу тем французским выражениям, которые, как он знал по опыту, не сделали бы ему чести.

– У вас кровь.

Ее английский был ужасающим; только когда она показала на его голову, Майкл понял, что именно она имела в виду. Он поднял свободную руку и коснулся струйки крови, что выходила из-под его шлема. А потом внимательно осматривал испачканные пальцы.

– Да, – согласился он. – Боюсь, целое ведро.

¹ «Холодно» и «обожженный» (фр.).

² Бедный мой (фр.).

³ Англичанин? (фр.)

⁴ Да... (фр.)

⁵ Южноафриканский... (фр.)

⁶ А, вы говорите по-французски! (фр.)

Шлем спас его от серьезной травмы, когда его голова ударилась о край кабины.

– Pardon?⁷ – Девушка как будто растерялась.

– J'en ai beaucoup, – перевел он.

– А, так вы говорите по-французски!

Она радостно хлопнула в ладоши – это выглядело как детский жест восторга – и тут же взяла его за руку с видом собственницы.

– Идемте! – приказала она и щелкнула пальцами, подзывая жеребца.

Он спокойно щипал траву, делая вид, что ничего не слышит.

– Viens ici tout de suite, Nuage! – Девушка топнула. – Иди сюда немедленно, лентяй!

Конь ухватил еще пучок травы, демонстрируя свою независимость, а потом лениво направился к хозяйке.

– Пожалуйста! – попросила девушка.

Майкл сцепил пальцы рук в подобии стремени и посадил девушку в седло. Она была очень легкой и проворной.

– И вы!

Она протянула Майклу руку, и он сел за спиной наездницы на широкий круп жеребца. Девушка взяла руку Майкла и положила ее себе на талию. Тело под его пальцами было теплым и крепким, даже сквозь одежду Майкл ощущал его жар.

– Tenez! – велела она. – Держитесь!

Жеребец легким галопом помчался к воротам в конце поля, ближайшем к особняку.

Майкл оглянулся на дымящиеся обломки «сопвича». Там остался лишь мотор, все дерево и полотно уже выгорели. Майкл ощутил тень глубокого сожаления из-за гибели самолета, с которым они вместе прошли долгий путь...

– Как вы себя называете? – через плечо спросила девушка на своем ужасном английском, и Майкл снова повернулся к ней.

– Майкл... Майкл Кортни.

– Майкл Кортни, – пробуя новые слова, повторила девушка, а потом сообщила: – А я мадемуазель Сантэн де Тири.

– Enchanté⁸, мадемуазель.

Майкл помолчал, сосредоточенно подбирая слова из скудного запаса школьного французского, чтобы продолжить разговор.

– Сантэн – странное имя, – хотел сказать он.

И почувствовал, как напряглась девушка. Он использовал слово «drole» – «забавное». Майкл быстро исправился:

– Необычное имя.

Он вдруг пожалел о том, что не прилагал больше усилий к изучению французского; в том состоянии потрясения и слабости, в каком он находился сейчас, ему приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы следить за ее быстрыми объяснениями.

– Я родилась через минуту после полуночи в первый день тысяча девятисотого года...

Значит, ей было семнадцать лет и три месяца, она стояла на пороге женской зрелости. Потом Майкл вспомнил, что его собственной матери едва исполнилось семнадцать, когда он родился. Эта мысль настолько взбодрила его, что он сделал еще один быстрый глоток из фляжки Эндрю.

– Вы моя спасительница!

---

⁷ Простите? (фр.)

⁸ Очень приятно (фр.).

Он хотел произнести это беспечным тоном, но слова прозвучали так бестолково и неловко, что он ожидал услышать взрыв смеха в ответ. Однако вместо того девушка серьезно кивнула. Настроение Майкла совпало с собственными эмоциями Сантэн.

Ее любимым животным помимо жеребца Ньюажа был тощий щенок дворняжки, которого она подобрала в канаве, окровавленного и дрожащего. Сантэн ухаживала за ним, лечила его и очень любила, пока около месяца назад он не погиб под колесами одного из армейских грузовиков, направлявшихся на фронт. Его смерть оставила зияющую дыру в ее существовании. Майкл тоже был худым и выглядел почти истощенным под всей его обгоревшей и грязной одеждой; кроме физических ран, она ощущала и нечто вроде унижения, пережитого им. Его глаза были удивительного ярко-синего цвета, но Сантэн видела в них огромное страдание, и он содрогался за ее спиной точно так же, как тот маленький щенок.

– Да, – решительно произнесла она. – И я о вас позабочусь.

Особняк оказался куда больше, чем казался с воздуха, и совсем не таким прекрасным. Большинство окон оказались разбиты и заколочены досками. Стены были изуродованы осколками снарядов, но воронки на лужайках уже заросли травой – сражение прошлой осенью шло на пределе дальности артиллерийского огня от этого поместья, а потом последнее наступление союзников снова отогнало немцев за гряды холмов.

Большой дом выглядел печальным и неухоженным, и Сантэн извинилась за его вид:

– наших рабочих забрали в армию, а большинство женской прислуги и все дети бежали в Париж или Амьен. Нас тут всего трое.

Она приподнялась в седле и громко закричала на другом языке:

– Анна! Иди посмотри, что я нашла!

Женщина, появившаяся из огорода за кухней, была приземистой и ширококостной, с бедрами, похожими на зад першеронской кобылицы, и огромной бесформенной грудью под грязной блузкой. Ее густые темные волосы, тронутые сединой, были связаны в узел на макушке, а лицо было красным и круглым, как редис; руки женщины, обнаженные до локтей, выглядели толстыми и мускулистыми, как у мужчины, и тоже были испачканы землей. В крупных мозолистых пальцах она сжимала пучок турнепса.

– Что ты нашла, Малышка, – снова какого-то детеныша?

– Я спасла отважного английского летчика, но он сильно ранен...

– По мне, так он выглядит неплохо.

– Анна, не будь такой ворчуньей! Иди сюда, помоги мне. Нужно отвести его в кухню.

Они быстро переговаривались, но, к изумлению Майкла, он мог понять каждое их слово.

– Я не пушу в дом какого-то солдата, ты это знаешь, Малышка! Мне ни к чему какой-то кот в одной корзинке с моим маленьким котеночком...

– Он не солдат, Анна, он летчик!

– И наверняка такой же похотливый, как любой кот!

Она использовала слово «fris», и Сантэн вспыхнула.

– Ты отвратительная старуха... а теперь подойди и помоги мне.

Анна очень осторожно оглядела Майкла, а потом неохотно признала:

– У него хорошие глаза, но я все равно ему не доверяю... ох, ладно, но если только он...

– Мэм, – заговорил наконец Майкл, – вашей добродетели ничто не угрожает рядом со мной, торжественно клянусь вам в этом. Как вы ни восхитительны, я сумею совладать с собой.

Сантэн развернулась в седле и уставилась на него, а Анна отступила в изумлении, а потом восторженно захохотала.

– Он говорит по-фламандски!

– Вы говорите по-фламандски! – обвиняющим тоном повторила Сантэн.

– Это не фламандский, – возразил Майкл. – Это африкаанс, южноафриканский голландский.

– Это фламандский! – заявила Анна, подходя к нему. – А любому, кто знает фламандский, рады в этом доме.

Она протянула руку к Майклу.

– Поосторожнее, – встревоженно предупредила ее Сантэн. – Его плечо...

Она соскользнула на землю, и женщины вместе помогли Майклу спуститься и повели к двери кухни.

В этой кухне дюжина поваров могла бы приготовить банкет для пяти сотен гостей, но сейчас лишь в одной из плит горел скромный огонь, и Майкла усадили на табурет перед ним.

– Принеси-ка твою прославленную мазь, – распорядилась Сантэн.

Анна поспешно ушла.

– Так вы фламандка? – спросил Майкл.

Он был в восторге от того, что языковой барьер рухнул.

– Нет-нет...

Сантэн уже схватила огромные ножницы и принялась срезать обгоревшие остатки рубашки с ожогов Майкла.

– Нет, просто Анна с севера, и она стала моей няней, когда мама умерла, а теперь она считает себя моей матерью, а не просто служанкой. Она учила меня своему языку еще с колыбели. Но вы, вы-то где ему научились?

– Там, откуда я приехал, на нем все говорят.

– Замечательно, – кивнула Сантэн.

Майкл не понял, что она подразумевала, потому что девушка не отводила глаз от ножниц.

– Я вас ищу каждое утро, – тихо произнес он. – Мы все так делаем, когда отправляемся в полет.

Сантэн промолчала, но Майкл увидел, что ее смуглые щеки снова приобрели тот чудесный румянец.

– Мы зовем вас счастливым талисманом, ангелом удачи, l'ange du bonheur...

Сантэн засмеялась.

– А я вас называю le petit jaune, желтым малышом, – ответила она.

Желтый «сопвич»... Майкла охватило ликование. Она знала именно его!

А Сантэн продолжила:

– Я жду, когда все вы вернетесь, и пересчитываю моих цыплят, но они так часто не возвращаются, особенно новенькие... И тогда я плачу и молюсь за них. Но вы и тот зеленый всегда возвращаетесь, и я радуюсь за вас.

– Вы так добры... – начал было Майкл, но тут вернулась из кладовой Анна с глиняным кувшином, от которого пахло скипидаром, и настроение упало.

– А где папа? – спросила Сантэн.

– В подвале, проверяет животных.

– Нам пришлось держать всю живность в подвале, – пояснила Сантэн, направляясь к каменной лестнице, что вела вниз. – Солдаты воровали кур и гусей, молочных коров угоняли. Мне пришлось сражаться даже за Ньюажа!

Наклонившись над лестницей, она закричала:

– Папа! Ты где?

Снизу донесся приглушенный отклик, и Сантэн закричала снова:

– Нам нужна бутылочка коньяка! – И тут же ее тон стал увещательным: – Нераспечатанная, папа! Это не для развлечения, а в медицинских целях! Не для тебя, у нас тут пациент...

Сантэн бросила вниз связку ключей. Несколько минут спустя послышались тяжелые шаги, и в кухне появился крупный лохматый мужчина с большим животом; он прижимал к груди бутылку коньяка, словно младенца.

У него были такие же курчавые густые волосы, как у Сантэн; волосы падали ему на лоб, их уже пронизали седые пряди. Усы мужчины были пышными и навощенными и походили на впечатляющие копыя. Он хмуро уставился на Майкла единственным темным блестящим глазом. Второй глаз был прикрыт пиратской черной повязкой.

– Кто это такой? – резко спросил он.

– Английский летчик.

Лицо мужчины слегка разгладилось.

– Союзный воин, – сказал он. – Товарищ по оружию... еще один уничтожитель проклятых бошей!

– Вы сорок лет не могли уничтожить этих бошей, – напомнила ему Анна, не сводя взгляда с ожогов Майкла.

Но мужчина не обратил внимания на ее слова и подошел к Майклу, по-медвежьему раскинув руки, чтобы обнять его.

– Папа, осторожнее! Он ранен!

– Ранен! – воскликнул папа. – Коньяк!

Эти слова для него словно были связаны воедино. Он нашел два тяжелых бокала без ножек и поставил их на кухонный стол; подышав на каждый определенно чесночным дыханием, он протер их полый куртки, после чего сломал красную восковую печать на горлышке бутылки.

– Папа, это ведь не ты ранен! – строго произнесла Сантэн, когда он наполнил оба бокала до краев.

– Я не стану оскорблять такого безусловно достойного человека, предлагая ему выпить в одиночку.

Он подал бокал Майклу.

– Хозяин поместья граф Луи де Тири, к вашим услугам, месье.

– Капитан Майкл Кортни. Королевский летный корпус.

– Ваше здоровье, капитан!

– И ваше здоровье, месье граф!

Граф выпил коньяк с нескрываемым удовольствием, потом вздохнул, отер свои внушительные темные усы тыльной стороной ладони и обратился к Анне:

– Продолжай лечение, женщина.

– Будет щипать, – предупредила Анна.

На мгновение Майклу показалось, что она имеет в виду коньяк, но Анна зачерпнула из кувшина пригоршню мази и шлепнула ее на открытые ожоги.

Майкл не удержался от болезненного стога и попытался встать, но Анна удержала его на месте одной здоровенной красной натруженной рукой.

– Перевяжи его, – приказала она Сантэн.

Когда девушка наложила повязки, боль утихла, превратившись в приятное тепло.

– Теперь лучше, – признал Майкл.

– Конечно лучше, – безмятежно согласилась Анна. – Моя мазь полезна для всего, от сыпи до геморроя.

– Как и мой коньяк, – пробормотал граф и снова наполнил бокалы.

Сантэн вышла и тут же вернулась с одной из рубашек графа, только что отутюженной, и, несмотря на протесты отца, помогла Майклу надеть ее. Потом, когда она занялась перевязкой, чтобы поддерживать пострадавшую руку Майкла, за окнами кухни раздалось гудение мотора, и Майкл увидел знакомую фигуру на не менее знакомом мотоцикле, который, подпрыгнув, остановился на гравийной дорожке.

Мотор чихнул и умолк, и чей-то голос взволнованно крикнул:

– Майкл, мальчик мой, где ты?

Дверь кухни распахнулась, впуская лорда Эндрю Киллигеррана в шотландском берете, а за ним появился молодой офицер в мундире Королевского медицинского корпуса.

– Слава богу, ты здесь! Без паники, я привез тебе хирурга... – Эндрю подтолкнул доктора к табурету Майкла, а потом с облегчением и оттенком обиды в голосе продолжил: – Ты, я вижу, неплохо тут проводишь время без нас. А я совершил налет на местный полевой госпиталь. Похитил медика под угрозой пистолета... у меня болело сердце за тебя, а ты тут со стаканчиком в руке, и...

Эндрю умолк, в первый раз посмотрел на Сантэн и тут же забыл о состоянии Майкла. Он сорвал с головы берет.

– Так это правда! – воскликнул он на безупречном французском, перекатывая во рту «р» на настоящий галльский манер. – Ангелы действительно ходят по земле!

– Иди в свою комнату, дитя, сейчас же! – рявкнула Анна.

Ее лицо искривилось, как морда одного из пугающих резных драконов, что охраняют входы в китайские храмы.

– Я не дитя!

Сантэн одарила ее таким же яростным взглядом, а потом, сменив выражение лица, повернулась к Майклу:

– Почему он называет вас своим мальчиком? Вы намного старше, чем он!

– Он шотландец, – пояснил Майкл, уже начиная ревновать. – А все шотландцы сумасшедшие... к тому же у него есть жена и четверо детей.

– Грязная ложь! – запротестовал Эндрю. – Дети – да, признаю, бедные маленькие деточки! Но никакой жены, точно никакой жены!

– *Ecossais*⁹, – пробормотал граф. – Великие воины и великие пьяницы. – Потом продолжил на вполне приемлемом английском: – Могу я предложить вам немного коньяка, месье?

Они продолжили на смеси языков, то и дело перебивая друг друга на полуслове.

– Кто-нибудь будет так любезен, чтобы как следует познакомить меня с этим образцом среди мужчин, чтобы я мог принять его щедрое предложение?

– Граф де Тири, позвольте представить вам лорда Эндрю Киллигеррана. – Майкл кивнул по очереди в сторону каждого из мужчин.

Они пожали друг другу руки.

– Вот это да! Настоящий английский милорд!

– Шотландский, дорогой мой друг, а это большая разница! – Эндрю поднял бокал, салютуя графу. – Я восхищен! А эта прекрасная юная леди – ваша дочь, так? Сходство... прекрасно...

– Сантэн, – вмешалась Анна, – отведи своего коня в конюшню и займись им.

Сантэн не обратила на нее внимания и улыбнулась шотландцу. Ее улыбка даже Эндрю заставила умолкнуть; он уставился на девушку, потому что улыбка ее совершенно преобразила. Она словно сияла прямо сквозь ее кожу, как лампа сквозь алебастр, осветила ее зубы и зажгла искры в глазах, как зажигает искры солнце в хрустальном кувшине с темным медом.

– Думаю, я должен все-таки взглянуть на нашего пациента...

Молодой армейский врач разрушил чары и подошел к Майклу, чтобы размотать бинты. Анна поняла жест, если не слова, и тут же встала между ними.

– Скажи ему, если он дотронется до моей работы, я сломаю ему руку!

– Боюсь, ваши услуги уже не нужны, – перевел для доктора Майкл.

– Глотните коньячка, – утешил хирурга Эндрю. – Он весьма недурен, определенно недурен.

---

⁹ Шотландцы (*фр.*).

– Вы землевладелец, милорд? – спросил граф у Эндрю с едва уловимым подтекстом. – Само собой?

– Bien sûr...¹⁰

Эндрю широко взмахнул рукой, изображая тысячи акров, и одновременно поднес свой стакан к бутылке, из которой граф уже наливал коньяк для врача. Де Тири налил и ему, и Эндрю повторил:

– Само собой, фамильные поместья... вы понимаете?

– А... – Единственный глаз графа сверкнул, когда он посмотрел на свою дочь. – А ваша покойная супруга оставила вам четверых детей?

Он не слишком понял предыдущий обмен колкостями.

– Нет ни детей, ни жены... это все шутки моего друга. – Эндрю показал на Майкла. – Он любит пошутить. Ну, знаете, дурные английские шутки.

– Ха! Английские шутки!

Граф раскатился хохотом и хлопнул бы Майкла по плечу, если бы Сантэн не бросилась вперед, защищая Майкла от удара.

– Папа, осторожнее! Он ведь ранен!

– Вы останетесь на обед, все вы! – заявил граф. – Увидите, милорд, моя дочь – одна из лучших поварих во всей провинции!

– Если ей немножко помогут, – съязвила Анна.

– Думаю, мне лучше вернуться обратно, – застенчиво пробормотал молодой врач. – Я чувствую себя немного лишним.

– Мы приглашены на обед, – сообщил ему Эндрю. – Выпейте коньячка.

– Ну, если вы не против... – без особого сопротивления согласился доктор.

Граф провозгласил:

– Нужно спуститься в погреб!

– Папа... – угрожающе начала Сантэн.

– У нас гости!

Де Тири показал уже пустую бутылку, и Сантэн беспомощно пожала плечами.

– Милорд, вы можете мне выбрать подходящие напитки?

– Почту за честь, месье де Тири.

Когда Сантэн провожала взглядом мужчин, рука об руку спускавшихся по каменной лестнице, в ее глазах виднелась задумчивость.

– Он *drole*¹¹, ваш друг... и очень преданный. Посмотрите, как он бросился к вам на помощь! Посмотрите, как он очаровал моего папу!

Майкл и сам удивился, какая могучая неприязнь к другу вспыхнула в нем в этот момент.

– Почуял коньяк, – пробормотал он. – Только потому и явился.

– Но как насчет четверых детей? – резко спросила Анна. – И их матери?

Ей было так же трудно, как и графу, уследить за ходом разговора.

– Четыре матери, – пояснил Майкл. – Четверо детей, четыре разные матери.

– Так он многоженец!

Анна даже раздулась от потрясения и обиды, ее лицо стало еще краснее.

– Нет-нет, – поспешил заверить ее Майкл. – Вы же слышали, как он отрицал это. Он человек чести, он бы никогда так не поступил. Он не был женат ни на одной из них.

Майкл ничуть не колебался, ему просто необходимо было обзавестись союзником в этой семье, но в этот миг радостная парочка вернулась из погреба, нагруженная черными бутылками.

---

¹⁰ Конечно... (*фр.*)

¹¹ Забавный (*фр.*).

– Пещера Аладдина! – радостно сообщил Эндрю. – Этот господин сумел наполнить ее отличными вещами!

Он выставил на кухонный стол перед Майклом полдюжины бутылок.

– Ты только взгляни на это! Тридцатилетний! – Тут он всмотрелся в Майкла. – Ты ужасно выглядишь, старина. Покойники выглядят лучше.

– Спасибо, – откликнулся Майкл, криво усмехаясь. – Ты так добр.

– Естественная братская тревога... – Эндрю взял одну из бутылок и попытался вытащить пробку, понижая голос до шепота заговорщика: – Боже мой, разве она не поразительна? – Он оглянулся на тот конец кухни, где женщины хлопотали над большой медной кастрюлей. – Я бы рад был заболеть, лишь бы она принялась обо мне заботиться и я мог бы ее пощупать!

Неприязнь Майкла к Эндрю переросла в настоящую ненависть.

– Мне твои слова кажутся совершенно неуместными, – сказал он. – Говорить так о юной девушке, такой невинной, такой нежной, такой... такой...

Майкл умолк, а Эндрю склонил голову к плечу и с интересом присмотрелся к нему.

– Майкл, мальчик мой, боюсь, это будет похуже нескольких ожогов и синяков. Тут необходимо интенсивное лечение. – Он наполнил бокалы. – Начнем с того, что я прописываю тебе щедрую дозу этого прекрасного кларета!

Во главе стола граф вытащил пробку из другой бутылки и наполнил бокал доктора.

– Тост! – воскликнул он. – Разобьем проклятых бошей!

– A bas les boches!¹² – крикнули все.

Как только все выпили, граф прижал ладонь к черной повязке на своем отсутствующем глазу.

– Вот что они со мной сделали в Седане в семидесятом! Лишили меня глаза, но они как следует заплатили за это, дьяволы... *Sacré bleu*¹³, как мы сражались! Тигры! Мы были тиграми...

– Дранные кошки! – бросила через всю кухню Анна.

– Ты ничего не знаешь о сражениях и войне... а вот эти храбрые молодые люди знают, они понимают! Я выпью за них!

Он так и сделал, и выпил весьма солидно, а потом потребовал:

– Ну а где еда?

Едой оказалось пряное рагу из окорока, колбасок и мозговых косточек. Анна принесла от плиты дымящиеся тарелки, а Сантэн выложила на голый стол грудку маленьких буханок хрустящего свежего хлеба.

– А теперь расскажите, как идет сражение, – попросил хозяин, разламывая хлеб и обмакивая его в свою тарелку. – Когда кончится эта война?

– Давайте не станем портить вкусный обед, – отмахнулся от вопроса Эндрю.

Но граф, на усах которого уже повисли хлебные крошки, настаивал:

– Как насчет наступления новых союзников?

– Оно начнется на западе, снова у реки Соммы. Мы именно там должны прорвать немецкий фронт.

Ответил графу Майкл; он заговорил со спокойной уверенностью, так что почти мгновенно привлек общее внимание. Даже обе женщины отошли от плиты, и Сантэн осторожно села на скамью рядом с Майклом и смотрела на него серьезными глазами, стараясь понять английскую речь.

– Откуда вы это знаете? – перебил Майкла граф.

– Его дядя – генерал, – пояснил Эндрю.

---

¹² Долой бошей! (фр.)

¹³ Черт побери (фр.).

– Генерал! – Граф посмотрел на Майкла с новым интересом. – Сантэн, ты разве не видишь, что у нашего гостя затруднения?

Пока Анна ворчала и хмурилась, Сантэн наклонилась над тарелкой Майкла и порезала мясо на маленькие кусочки, чтобы он мог управляться с едой одной рукой, не пользуясь ножом.

– Продолжайте! – настойчиво произнес граф. – И что потом?

– Генерал Хейг возьмет вправо. На этот раз ему удастся врезаться в тыл немцев и расширить участок прорыва.

– Ха! Значит, нам здесь ничто не грозит. – Де Тири потянулся к бутылке кларета, но Майкл покачал головой:

– Боюсь, что нет; во всяком случае, не совсем. Эта часть фронта не имеет резервов, количество сокращено с полков до батальонов – все силы, какие только возможно, передвигаются для нового удара через Сомму.

Граф явно встревожился.

– Но это же преступная недальновидность! Немцы наверняка будут контратаковать здесь, чтобы попытаться уменьшить давление на их фронт у Соммы?

– Значит, фронт здесь не удержат? – с беспокойством спросила Сантэн и невольно бросила взгляд на кухонные окна.

С того места, где они сидели, виднелась гряда холмов на горизонте.

Майкл замялся.

– О, я уверен, они смогут продержаться достаточно долго... в особенности если сражение у Соммы пойдет так успешно и быстро, как мы ожидаем. И потом, давление здесь быстро ослабеет, как только союзники окажутся в тылу немцев.

– Но если наступление захлебнется и снова наступит патовая ситуация? – тихо спросила Сантэн на фламандском.

Для девушки, не слишком хорошо владеющей английским, ее способность улавливать главное была отличной. Майкл серьезно отнесся к ее вопросу и ответил ей на африкаансе, как будто говорил с мужчиной.

– Тогда нам придется нелегко, тем более что у гансов есть воздушное превосходство. Мы можем снова потерять гряду. – Он помолчал, хмураясь. – Им придется использовать резервы. Мы можем оказаться отброшенными даже к Аррасу...

– Аррас! – Сантэн задохнулась. – Но это значит...

Не договорив, она окинула взглядом свой дом, словно уже прощаясь с ним. Аррас находился глубоко в тылу.

Майкл кивнул:

– Как только начнется атака, вы здесь окажетесь в серьезной опасности. Лучше всего было бы покинуть особняк и вернуться на юг, в Аррас, или даже в Париж.

– Ни за что! – воскликнул граф, возвращаясь к французскому языку. – Де Тири никогда не отступают!

– Разве что у Седана, – пробормотала Анна.

Но граф не снизошел до того, чтобы услышать подобную нелепость.

– Я останусь здесь, на моей земле! – Он показал на древнюю винтовку, еще девятнадцатого века, что висела на кухонной стене. – Это оружие, которым я воевал в Седане. Там бои быстро научились ее бояться! И им придется вспомнить тот урок. Луи де Тири им покажет!

– Храбрец! – воскликнул Эндрю. – Предлагаю тост. За мужество французов и за победу французского оружия!

Естественно, графу пришлось ответить тостом «за генерала Хейга и наших доблестных союзников-британцев!»

– Капитан Кортни родом из Южной Африки, – уточнил Эндрю. – Мы должны и за этих союзников выпить.

– О! – с энтузиазмом откликнулся граф по-английски. – За генерала... как зовут вашего дядю-генерала? За генерала Шона Кортни и его храбрых южноафриканцев!

– А вот этот джентльмен, – Эндрю показал на слегка осовевшего доктора, который покачивался на скамье рядом с ним, – офицер Королевского медицинского корпуса. Прекрасная служба, безусловно достойная тоста!

– За Королевский медицинский корпус!

Граф принял вызов. Он в очередной раз потянулся к своему бокалу, но не успел коснуться его, как тот задрожал, и по поверхности красного вина побежали маленькие круги, лизнувшие края бокала.

Граф замер, и все вскинули головы.

Стекла кухонных окон задребезжали в рамах, а потом с севера докатился грохот орудий. Германские пушки снова били вдоль хребта, грохоча и лая, как дикие псы, и люди прислушивались в молчании. Они легко могли представить страдания людей в земляных окопах всего в нескольких милях от того места, где хозяева особняка и их гости сидели в теплой кухне, с животами, набитыми вкусной едой и отличным вином...

Эндрю поднял свой бокал и тихо произнес:

– Я пью за тех бедных парней там, в грязи. Пусть они выдержат.

На этот раз даже Сантэн отпила немного из бокала Майкла, и ее глаза наполнились слезами.

– Мне неприятно разрушать компанию, – сказал молодой доктор, с трудом поднимаясь на ноги, – но, боюсь, эта артиллерийская канонада – свисток для меня, фургоны с ранеными наверняка уже возвращаются к нам.

Майкл тоже попытался встать, но тут же ухватился за край стола, чтобы не упасть.

– Мне хочется поблагодарить вас, месье ле Тири, – начал он официальным тоном, – за вашу щедрость...

Слово запуталось в его языке, и Майкл повторил его, но уже потерял ход мысли.

– Я отдаю честь вашей дочери, мадемуазель де Тири, *l'ange du bonheur*...

Ноги под ним подогнулись, он начал плавно падать.

– Он же ранен! – вскрикнула Сантэн.

Она успела подхватить Майкла до того, как тот рухнул на пол, подставив хрупкое плечо ему под мышку.

– Помогите же! – попросила она.

Эндрю поспешил к ней, и они вместе то ли подвели, то ли подтащили Майкла к кухонной двери.

– Осторожнее с его рукой!

Сантэн задыхалась под весом пилота, но они погрузили Майкла в коляску мотоцикла.

– Не повредите ему!

Майкл обмяк на кожаном сиденье с блаженной улыбкой на бледном лице.

– Мадемуазель, позвольте вас заверить, он уже не чувствует боли, чертов везунчик. – Эндрю обошел мотоцикл, чтобы сесть за руль.

– Меня подождите! – закричал доктор, когда они с графом, поддерживая друг друга, появились в дверном проеме и с трудом спустились по ступеням, пошатываясь из стороны в сторону.

– Прошу на борт! – пригласил его Эндрю.

С третьей попытки «Ариэль» взревел и выпустил клуб голубого дыма. Доктор вскарабкался на заднее сиденье, а граф сунул две бутылки кларета, которые принес с собой, в боковые карманы куртки Эндрю.

– Это чтобы не замерзнуть! – пояснил он.

– Вы король королей! – сообщил ему Эндрю, отпуская сцепление.

Мотоцикл круто развернулся.

– Присмотрите за Майклом! – крикнула Сантэн.

– Моя капуста! – пронзительно заорала Анна, когда Эндрю, чтобы срезать путь, проскочил прямо через огород.

– A bas les boches! – взвыл граф и тайком приложился еще к одной бутылочке кларета, до того как Сантэн успела ее отобрать вместе с ключами от погреба.

В конце длинной дороги, что вела от особняка, Эндрю придержал мотоцикл и уже на умеренной скорости присоединился к маленькой жалкой процессии, что тащилась от холмов по грязной, изрытой колеями главной дороге.

«Фургоны мясников», как называли полевой санитарный транспорт, были тяжело нагружены результатами возобновившейся немецкой бомбардировки. Они с трудом продвигались через глубокие лужи, их крытые брезентом кузова раскачивались и подпрыгивали. Кровь раненых, лежавших наверху, капала на тех, кто находился ниже.

По обочинам дороги тащились маленькие группы легкораненых, они побросали винтовки и опирались друг на друга, их раны были кое-как перевязаны санитарями, лица этих людей казались пустыми от боли, глаза лишены выражения, а мундиры стали жесткими от грязи; двигались они механически, не ожидая ничего хорошего.

Доктор, стремительно трезвея, соскочил с мотоцикла и выбрал наиболее серьезно пострадавших из этого потока. Двоих они усадили на заднее сиденье, одного на топливный бак перед Эндрю, а еще троих – в коляску вместе с Майклом. Доктор бежал следом за перегруженным «Ариэлем», подталкивая его через ямы, и был уже абсолютно трезв, когда через милю они добрались до госпиталя, расположенного в ряду коттеджей на краю деревни Морт-Ом. Он помог новым пациентам выбраться на землю, а потом повернулся к Эндрю:

– Спасибо. Мне необходим был перерыв. – Он глянул на Майкла, все еще сидевшего в коляске. – Присмотрите за ним. Не вечно же это будет продолжаться.

– Майкла только чуть-чуть зацепило, вот и все!

Но доктор покачал головой.

– Военное истощение, – сказал он. – Контузия. Мы еще толком этого не понимаем, но, похоже, просто существует предел тому, сколько могут выдержать эти бедолаги. Как долго уже он летает без отдыха – три месяца?

– С ним все будет в порядке! – агрессивно возразил Эндрю. – Он справится!

Он жестом защиты опустил ладонь на обожженное плечо Майкла, прекрасно помня, что прошло уже шесть месяцев с его последней увольнительной.

– Посмотрите за ним, все признаки налицо. Он же худой, как будто умирает от голода, – упрямо продолжил доктор. – Дергается и дрожит. А глаза... могу поспорить, у него случаются моменты неуравновешенного и нелогичного поведения, внезапные приступы мрачности вперемишку с яростью. Я прав?

Эндрю неохотно кивнул:

– Он то называет противников мерзкими червями и расстреливает из пулемета сбитые немецкие самолеты, то вдруг заявляет, что они – отважные и достойные враги... на прошлой неделе он врезал кулаком новичку, который назвал их гансами.

– Безоглядная храбрость?

Эндрю припомнил утренние аэростаты, но на вопрос не ответил.

– Но что мы можем сделать? – беспомощно спросил он.

Доктор вздохнул и пожал плечами, протягивая руку:

– До свидания, и удачи вам, майор.

И тут же отвернулся, на ходу снимая с себя куртку и закатывая рукава.

У входа во фруктовый сад, как раз перед тем, как они добрались до лагеря эскадрильи, Майкл внезапно выпрямился в коляске и с серьезностью судьи, читающего смертный приговор, произнес:

– Похоже, меня тошнит.

Эндрю остановил мотоцикл у обочины и придержал голову Майкла.

– А все этот изумительный кларет, – пожаловался Майкл. – Не говоря уже о «Наполеоне»... какой коньяк! Если бы только был другой способ спасти его!

Шумно освободив желудок, Майкл снова обмяк и с такой же серьезностью сказал:

– Хочу, чтобы ты знал: я влюбился!

Затем его голова упала, и он снова потерял сознание.

Эндрю прислонился к мотоциклу и зубами вытащил пробку из бутылки кларета.

– Это определенно заслуживает тоста! Давай же выпьем за твою великую любовь! – Он взмахнул бутылкой в сторону бесчувственного тела рядом с собой. – Не хочешь?

Выпив немного, Эндрю опустил бутылку и вдруг начал безудержно рыдать. Он попытался остановить слезы, ведь он не плакал с тех пор, как ему исполнилось шесть лет, а потом вспомнил слова молодого доктора – «неуравновешенное и нелогичное поведение», и слезы хлынули настоящим потоком. Они текли по его щекам, и Эндрю даже не пытался их вытирать. Наконец он сел на мотоцикл, дрожа от молчаливого горя.

– Майкл, мальчик мой, – прошептал он. – Что с нами будет? Мы обречены, у нас не осталось надежды. Майкл, совсем никакой надежды ни у одного из нас!

Он закрыл лицо ладонями и снова зарыдал так, словно у него разрывалось сердце.

Майкл проснулся от звона оловянного подноса, который Биггс поставил рядом с его походной койкой.

Он застонал и попытался сесть, но боль ожогов вынудила его снова лечь.

– Который час, Биггс?

– Половина восьмого, сэр, и чудесное весеннее утро.

– Биггс... черт побери... почему ты меня не разбудил? Я же опоздал на утреннее патрулирование...

– Нет, сэр, не опоздали, – успокаивающим тоном проворчал Биггс. – Мы сегодня отстранены от полетов.

– Отстранены?

– Приказ лорда Киллигеррана. Отстранены вплоть до новых приказов, сэр. – Биггс положил сахар в кружку с какао и размешал его. – Да и нужно, если мне позволено так сказать. Мы же тридцать семь дней не имели перерыва.

– Биггс, почему я так паршиво себя чувствую?

– Если верить лорду Киллигеррану, нас отчаянно атаковала некая бутылка коньяка, сэр.

– А до того я сбил эту чертову летающую черепаху...

Майкл начал вспоминать.

– Да, сэр, размазали ее по всей Франции, как масло на тосте, – кивнул Биггс.

– Но мы их уничтожили, Биггс!

– Оба эти пузыря, сэр.

– Надеюсь, наш букмекер заплатил выигрыш, Биггс? Ты не потерял свои денежки?

– Все отлично, спасибо вам, мистер Майкл. – Биггс коснулся чего-то, лежавшего на подносе. – А это ваш выигрыш...

Майкл увидел аккуратную стопку из двадцатифунтовых купюр.

– Три к одному, сэр, и ваша ставка.

– Ты заслужил десять процентов комиссионных, Биггс.

– Благослови вас Господь, сэр. – Две купюры, как по волшебству, исчезли в кармане Биггса.

– Ладно, Биггс. Что еще тут есть?

– Четыре таблетки аспирина, подарок от лорда Киллигеррана.

– А сам он, конечно, летает?

Майкл с благодарностью проглотил таблетки.

– Конечно, сэр. Они вылетели на рассвете.

– А кто его ведомый?

– Мистер Баннер, сэр.

– Новичок, – горестно пробормотал Майкл.

– С лордом Эндрю все будет в порядке, не беспокойтесь, сэр.

– Да, разумеется, будет... а это что такое?

Майкл приподнялся.

– Ключи от мотоцикла лорда Киллигеррана, сэр. Он говорит, чтобы вы передали его поклоны – какими бы они ни были, сэр, – и его бесконечное восхищение юной леди.

– Биггс...

Аспирин сотворил чудо, Майкл внезапно почувствовал себя легким, беспечным и веселым. Раны больше не мешали ему, голова уже не болела.

– Биггс, – повторил он, – как ты думаешь, ты сможешь достать мою парадную форму, начистить пряжки и вылизать до блеска ботинки?

Биггс нежно усмехнулся:

– Собираемся с визитом, да, сэр?

– Именно так, Биггс, именно так.

Сантэн проснулась в темноте и прислушалась к орудиям. Они пугали ее. Она знала, что ей никогда не привыкнуть к этому дьявольскому бесчеловечному грохоту, так обезличенно приносящему смерть и невыразимые увечья, и она вспоминала конец лета предыдущего года, тот короткий период, когда немецкие батареи находились на расстоянии выстрела от их особняка. Тогда им пришлось оставить верхние этажи большого дома и перебраться под лестницу. К тому времени слуги давно уже разбежались – все, кроме Анны, конечно. В комнатухе, которую заняла Сантэн, раньше жила одна из горничных.

Все течение ее жизни трагически изменилось с тех пор, как ураган войны пронесся над ними. И хотя они никогда не вели столь же роскошную жизнь, как другие знатные семьи их провинции, однако они устраивали ужины и приемы, их обслуживали два десятка слуг. Но теперь их существование стало почти таким же простым, как жизнь их прислуги до войны.

Сантэн отбросила дурные предчувствия вместе с одеялом и пробежала босиком по узкому коридору с каменным полом. В кухне Анна уже стояла у плиты, подбрасывая в топку дубовые щепки.

– Я уже собиралась пойти к тебе с кувшином холодной воды, – ворчливо произнесла она.

Сантэн обняла ее и поцеловала, и Анна улыбнулась; затем Сантэн стала греться перед плитой.

Анна налила горячей воды в медный таз на полу, добавила холодной.

– Вперед, мадемуазель! – приказала она.

– Ох, Анна, разве это обязательно?

– Пошевеливайся!

Сантэн неохотно сняла через голову ночную рубашку и содрогнулась от холода, и по ее рукам и ягодицам побежали мурашки.

– Поскорей!

Она шагнула в таз, а Анна опустилась рядом с ней на колени и окунула в воду лоскут фланели. Ее движения были методичными и деловыми, когда она намыливала тело Сантэн, начиная с плеч, потом добралась до пальцев обеих рук, и при этом не могла скрыть нежность и гордость, смягчившие ее некрасивое красное лицо.

Ее дитя было великолепно сложено, хотя, пожалуй, грудь и попка были маловаты, – Анна надеялась увеличить их с помощью пищи с большим количеством крахмала, когда это снова станет возможным. Кожа девушки была гладкой, сливочного цвета там, где ее не касалось солнце, но там, куда оно добиралось, она приобретала темно-бронзовый оттенок, который Анна считала чрезвычайно неприглядным.

– Ты должна носить летом перчатки и длинные рукава! – выбрала она девушку. – Коричневый цвет такой противный!

– Поспеши, Анна.

Сантэн обхватила руками намыленную грудь и содрогнулась, и Анна по одной подняла ее руки, чтобы помыть пушистые темные волоски под ними. Ключья мыльной пены стекали по бокам девушки.

– Не будь ты такой суровой! – жалобно произнесла Сантэн.

Анна критически осмотрела ее руки и ноги. Ноги были прямыми и длинными, хотя, пожалуй, слишком мускулистыми для леди, – это все из-за верховой езды и долгих прогулок пешком. Анна покачала головой.

– Ох, что еще? – резко спросила Сантэн.

– Ты крепкая, как мальчишка, живот у тебя слишком мускулистый для того, чтобы иметь детей.

Анна продолжала обтирать фланелью тело девушки.

– Ох!

– Стой спокойно... ты ведь не хочешь пахнуть как коза, да?

– Анна, а тебе нравятся синие глаза?

Анна фыркнула, инстинктивно понимая, к чему идет разговор.

– А какие глаза будут у малыша, если у матери глаза карие, а у отца – ярко-синие?

Анна шлепнула ее лоскутом по задку.

– Хватит об этом! Твоему отцу не понравилась бы такая болтовня.

Сантэн не восприняла угрозу всерьез и мечтательно продолжила:

– Легчики такие храбрые, правда, Анна? Они, наверное, самые храбрые люди в мире! –

Она оживилась. – Скорей, Анна! Мне пора встречать моих цыплят! Я могу опоздать!

Она выскочила из таза, разбрасывая капли на выложенный каменными плитами пол, и Анна закутала ее в полотенце, которое заранее нагрела перед плитой.

– Анна, уже почти светло!

– А потом сразу же возвращайся! – приказала Анна. – У нас сегодня много работы. Твой отец доведет нас до голода своей неуместной щедростью.

– Но мы же должны были предложить еду этим доблестным молодым легчикам!

Сантэн быстро оделась и села на табурет, чтобы зашнуровать высокие ботинки для верховой езды.

– И не забирайся в лес!

– Ой, хватит, Анна!

Сантэн вскочила и умчалась.

– Сразу же возвращайся! – еще раз крикнула ей вслед Анна.

Нюаж услышал ее шаги и негромко заржал. Сантэн обняла его за шею обеими руками и поцеловала бархатную серую морду.

– Bonjour¹⁴, милый!

Она стащила из-под носа Анны два куска сахара, и теперь Ньюж пускал слюну ей на ладонь, когда она протянула скакуну угощение. Сантэн вытерла руку об его шею, а когда отвернулась, чтобы взять со стойки седло, жеребец ткнул ее носом сзади, требуя еще.

Снаружи было темно и холодно, и Сантэн пустила коня легким галопом, подставляя лицо ледяному воздуху; ее нос и уши сразу стали ярко-розовыми, глаза заслезились. На гребне холма Сантэн остановила Ньюжа и всмотрелась в отливающую металлом полосу света на горизонте, наблюдая, как небо приобретает оранжевые оттенки. Позади нее играл ложный рассвет, рожденный прерывистым артиллерийским огнем, – вспышки выстрелов отражались в небе, но Сантэн решительно повернулась к ним спиной и ждала, когда появятся самолеты.

Даже сквозь грохот орудий она расслышала гул моторов, а потом они с ворчанием возникли на фоне желтоватого рассвета, стремительные, яростные и прекрасные, как соколы. Сантэн, как обычно, почувствовала, как ускоряется ее пульс, и приподнялась в седле, чтобы приветствовать их.

Ведущая машина была зеленой, с тигриными полосками побед – за штурвалом сидел безумный шотландец. Сантэн вскинула руки над головой.

– Лети с богом и возвращайся целым и невредимым! – крикнула она и увидела вспышку белозубой улыбки под нелепым клетчатым беретом. Зеленая машина тут же качнула крыльями и умчалась, поднимаясь выше, к зловещим темным облакам, что повисли над немецкой линией фронта.

Сантэн проводила его взглядом, а второй самолет уже догонял зеленого ведущего, становясь в боевой порядок, и на Сантэн нахлынула глубокая печаль, ужасное чувство неполноценности.

– Ну почему я не могу быть мужчиной! – закричала она. – Ох, ну почему я не могу быть рядом с вами?

Но они уже исчезли из вида, и девушка повернула Ньюжа обратно.

«Они же все погибли, – думала она. – Все эти молодые, сильные, прекрасные мужчины... и нам останутся только старые, изувеченные и уродливые...»

Выстрелы далеких орудий подчеркнули ее мысли.

– Ох, как мне хочется, как же мне хочется... – сказала она вслух.

Жеребец повел ушами, повернул их назад, прислушиваясь, но она не продолжила, потому что и сама не знала, чего именно хочет. Она лишь понимала, что в ней образовалась некая пустота, которую отчаянно хотелось заполнить, некое огромное желание неведомо чего и огромная печаль за весь мир.

Сантэн оставила Ньюжа пастись на небольшом лугу за особняком и ушла, неся его седло на плече.

Ее отец сидел за кухонным столом, и она небрежно поцеловала его. Повязка на глазу придавала ему ухарский вид, несмотря на то, что второй глаз налился кровью; лицо де Тири было обвисшим и морщинистым, как у собаки-ищейки, и пахло от него чесноком и перегаром.

Как всегда, они с Анной вели дружескую перебранку; и когда Сантэн села напротив отца и обхватила ладонями большую кружку с кофе, она вдруг подумала, не пара ли ее отец и Анна, и в следующее мгновение удивилась, почему такая идея никогда прежде не приходила ей в голову.

Для нее, деревенской девушки, процесс производства потомства не составлял тайны. Несмотря на первоначальные протесты Анны, Сантэн всегда приходила на помощь, когда кобыл из окрестных поселений приводили к Ньюжу. Только она одна умела справиться с боль-

---

¹⁴ Здравствуй (фр.).

шим белым жеребцом, когда он чуял кобылу, могла успокоить его настолько, чтобы он сделал свое дело, не причинив вреда самому себе или объекту своей страсти.

С помощью простейшей логики Сантэн пришла к выводу, что мужчины и женщины должны действовать сходным образом. Когда она спросила об этом Анну, в ответ сначала услышала угрозу все рассказать отцу и приказ вымыть рот щелочным мылом.

Но Сантэн продолжала терпеливо расспрашивать, и наконец Анна хриплым шепотом подтвердила ее подозрения, глянув при этом через всю кухню на графа с выражением, какого Сантэн никогда прежде не видела на ее лице, но тогда девушка ничего не заподозрила, зато теперь все показалось ей вполне разумным.

Сейчас, когда она наблюдала за тем, как они спорят и смеются вместе, все вставало на свои места; вспомнился случай, когда Сантэн проснулась из-за ночного кошмара и побежала в комнату Анны, ища утешения, но увидела пустую кровать; и то, как обнаружила удивительное присутствие панталон Анны под кроватью отца, когда подметала его комнату...

К тому же всего лишь на прошлой неделе Анна вышла из погреба, где помогала графу чистить импровизированные стойла для животных, с соломой, прилипшей сзади к ее юбке и к пучку седых волос на голове.

Это открытие словно еще больше усилило одиночество Сантэн и ощущение пустоты внутри. Она теперь почувствовала себя по-настоящему заброшенной, отделенной от мира и не имеющей цели, больной и бессмысленной.

– Пойду-ка я...

Она резко встала из-за стола.

– Ох, нет! – Анна загородила ей дорогу. – Нам нужно восстановить припасы в этом доме, потому что твой отец скормил гостям все, что у нас было, и ты, мамзель, мне поможешь!

Сантэн просто необходимо было ускользнуть от них, побыть в тишине, разобраться с этим новым ужасающим упадком духа. Она молча нырнула под протянутую руку Анны и распахнула кухонную дверь.

А за ней стоял самый прекрасный человек из всех, кого только она видела в своей жизни.

На нем были сияющие высокие ботинки и отличные бриджи для верховой езды, немного светлее, чем его китель цвета хаки. Тонкая талия была перетянута отполированным ремнем со сверкающей пряжкой, офицерский походный ремень наискось пересекал грудь, подчеркивая ширину плеч. Слева на груди поблескивали крылышки Королевского летного корпуса и ряд разноцветных ленточек, на погонах красовались знаки воинского звания, а фуражка была аккуратно смята так, как принято у боевых пилотов-ветеранов, и сидела под лихим углом над невероятно синими глазами.

Сантэн отступила на шаг и уставилась на него снизу вверх, потому что он возвышался над ней, как некий молодой бог, и Сантэн испытала чувство, совершенно новое для нее. Ее желудок словно превратился в желе, горячее желе, оно тяжело таяло и сползало вниз по ее телу, пока девушке не стало казаться, что ее ногам не вынести такой груза. И в то же время ей стало очень трудно дышать.

– Мадемуазель де Тири...

Видение боевого великолепия заговорило и коснулось козырька фуражки, отдавая честь. Голос был явно знакомым, и Сантэн узнала глаза, эти лазурные глаза, к тому же левая рука видения поддерживалась узкой кожаной петлей...

– Майкл...

Голос Сантэн прозвучал сдавленно. Она тут же поправилась:

– Капитан Кортни... – И сразу сменила язык: – Минхеер Кортни?

Молодой бог улыбнулся ей. Казалось просто невозможным, что это тот же самый человек – взъерошенный, окровавленный, грязный, в изорванных лохмотьях, дрожащий и жалкий,

кому она помогла справиться с потрясением от боли и слабости, а затем, поддавшегося опьянению, усадила в коляску мотоцикла накануне днем...

Когда он улыбнулся, Сантэн почувствовала, как мир пошатнулся под ее ногами. А когда мир замер, она почувствовала, что теперь он несется по другой орбите, по новому пути среди звезд. Ничто не могло теперь стать прежним.

– Entrez¹⁵, месье...

Она отошла в сторону; и когда летчик перешагнул порог, граф встал из-за стола и поспешил ему навстречу.

– Как ваши дела, капитан? – Он пожал руку Майкла. – Как ваши раны?

– Намного лучше.

– Немножко коньяка пойдет им на пользу, – предположил граф и лукаво покосился на дочь.

Желудок Майкла испуганно сжался при этих словах, и он энергично затряс головой.

– Нет, – твердо произнесла Сантэн и повернулась к Анне. – Мы должны проверить повязки капитана.

Протестуя лишь для вида, Майкл сел на табурет перед плитой, и Анна расстегнула его ремень, а Сантэн, стоя за его спиной, сняла с него китель и рубашку.

Анна размотала бинты и одобрительно хмыкнула.

– Горячей воды, дитя! – приказала она.

Они осторожно обмыли и просушили ожоги, потом опять смазали их бальзамом Анны и перевязали чистыми бинтами.

– Заживает прекрасно, – кивнула Анна, пока Сантэн помогала Майклу надеть рубашку.

Она и не представляла прежде, какой гладкой может быть кожа мужчины – и на боках, и на спине... На затылке Майкла курчавились темные волосы, а сам он был таким худым, что все позвонки выступали под кожей отчетливо, как бусины чётко, а вдоль них бежали две гряды крепких мускулов.

Сантэн обошла Майкла, чтобы застегнуть на нем рубашку спереди.

– Вы так добры... – тихо произнес он.

Она не осмелилась посмотреть ему в глаза, чтобы не выдать своих чувств перед Анной.

Волосы на его груди были густыми и упругими, Сантэн почти неосознанно слегка коснулась их кончиками пальцев, а соски на плоской крепкой груди были серовато-розовыми и крошечными, но они затвердели и приподнялись под ее взглядом, и это был феномен, который и изумил, и очаровал девушку. Ей и в голову не приходило, что такое и с мужчинами случается.

– Поспешите, Сантэн! – сердито бросила Анна.

Сантэн вздрогнула, только теперь заметив, что разглядывает тело Майкла.

– Я пришел, чтобы поблагодарить вас, – сказал Майкл. – Я не собирался заставлять вас работать.

– Это нетрудно. – Сантэн все еще не смела взглянуть в его глаза.

– Без вашей помощи я мог просто сгореть заживо.

– Нет! – воскликнула Сантэн с излишней горячностью.

Мысль о смерти столь прекрасного существа была совершенно неприемлемой и невыносимой для нее.

Теперь она наконец снова посмотрела ему в лицо, и ей показалось, что сквозь череп Майкла просвечивает летнее небо, – такими синими выглядели его глаза.

– Сантэн, у нас много работы. – Тон Анны стал резче.

– Позвольте помочь вам, – с пылом вмешался Майкл. – Я отстранен... мне не разрешено летать.

---

¹⁵ Входите (*фр.*).

Анна явно засомневалась, но граф пожал плечами:

– Лишняя пара рук нам не мешает.

– Это в качестве небольшой благодарности, – добавил Майкл.

– Но ваш прекрасный мундир...

Анна в поисках предлога посмотрела на его блестящие ботинки.

– У нас есть резиновые сапоги и рабочая одежда, – быстро произнесла Сантэн, и Анна вскинула руки, сдаваясь.

Сантэн подумала, что даже синяя *serge de Nim*, или джинса, как обычно называли такую ткань, и грубые резиновые сапоги выглядят элегантно на высокой стройной фигуре Майкла, когда он спустился в подвал, чтобы помочь графу вычистить стойла животных.

Сантэн с Анной провели остаток утра в огороде, готовя почву для весенних посадок.

Каждый раз, когда Сантэн по любому предлогу спускалась в подвал, она останавливалась неподалеку от Майкла, работавшего под руководством де Тири, и они застенчиво обменивались прерывистыми малозначащими словами, пока на лестнице не появлялась Анна.

– Где опять этот ребенок! Сантэн! Что ты вообще здесь делаешь?

Как будто Сантэн это знала.

Все четверо пообедали в кухне омлетом, приправленным луком и трюфелями, сыром и ржаным хлебом, с бутылочкой красного вина – на нее Сантэн согласилась, но ключей от винного погреба отцу все же не дала. Она сама принесла вино.

Спиртное смягчило настроение, даже Анна выпила стаканчик и разрешила Сантэн сделать то же самое, и разговор стал беспечным и легким, его прерывали взрывы смеха.

– Что ж, капитан, – граф наконец повернулся к Майклу с расчетливым блеском в единственном глазу, – не расскажете ли теперь, чем вы и ваша семья занимаетесь в Африке?

– Фермерством, – ответил Майкл.

– Арендуете ферму? – осторожно пустил пробный шар де Тири.

– Нет-нет, – засмеялся Майкл. – Мы работаем на своей земле.

– Землевладельцы?

Тон графа изменился, потому что, как это было известно всему миру, земля всегда была единственной настоящей формой богатства.

– И велики ли владения вашей семьи?

– Ну... – Майкл как будто смутился. – Они довольно большие... Видите ли, в основном ими занимается семейная компания... мой отец и мой дядя...

– Ваш дядя-генерал? – вставил де Тири.

– Да, мой дядя Шон...

– Сотня гектаров? – желал узнать граф.

– Немножко больше.

Майкл неловко поерзал на скамье, вертя в пальцах кусочек хлеба.

– Две сотни?

Граф смотрел так выжидающе, что Майкл не мог уже уходить от ответа.

– В целом, если учесть и плантации, и скотоводческие ранчо, и еще те земли, что у нас есть на севере... получится около сорока тысяч гектаров.

– Сорок тысяч?

Де Тири уставился на Майкла, а потом повторил по-английски, чтобы удостовериться в том, что не ослышался:

– Сорок тысяч?

Майкл смущенно кивнул. Он лишь недавно начал чувствовать себя не очень удобно из-за размеров семейных владений.

– Сорок тысяч гектаров? – почтительно выдохнул граф и тут же спросил: – И конечно, у вас много братьев?

Майкл покачал головой:

– Нет, я, к несчастью, единственный сын.

– Ха! – с явным облегчением произнес де Тири. – Ну, не стоит огорчаться из-за этого.

Граф похлопал Майкла по руке отеческим жестом.

После этого он бросил короткий взгляд на свою дочь и в первый раз понял, с каким выражением она смотрит на летчика.

«Да, бывает и такое, – подумал он. – Сорок тысяч гектаров и единственный сын!»

Его дочь была француженкой, она знала цену каждому су и франку, знала даже лучше, чем он сам. Де Тири нежно улыбнулся ей через стол. Она во многом была еще ребенком, но в других отношениях являлась рассудительной молодой француженкой. С тех пор как их управляющий сбежал в Париж, оставив счета поместья в полном беспорядке, именно Сантэн взялась за финансовые дела. Сам де Тири никогда не уделял особого внимания деньгам, для него единственной настоящей ценностью всегда оставалась сама земля, но его дочь была умницей. Она даже пересчитала все бутылки в винном погребе и окорока в копильне. Де Тири глотнул вина и предался приятным мыслям. После всей этой бойни, скорее всего, останется совсем немного достойных молодых мужчин... и сорок тысяч гектаров!

– Chérie¹⁶, – сказал он. – Если капитан возьмет дробовик и подстрелит для нас несколько жирных голубей, а ты наберешь корзинку трюфелей – их еще можно найти, – какой ужин мы могли бы устроить сегодня вечером!

Сантэн восторженно хлопнула в ладоши, но Анна в негодовании уставилась на него через стол.

– Анна пойдет с тобой, конечно, – поспешил добавить граф. – Нам ведь не нужен какой-то невиданный скандал, так?

«А заодно можно и посеять правильное семя, – подумал де Тири, – если оно уже не проросло. Сорок тысяч гектаров, черт, представить невозможно!»

Свинью звали Кайзер Вильгельм, или, вкратце, Кляйн Вилли. Это был пегий боров, такой здоровенный, что, когда он брел по дубовому лесу, напоминал Майклу гиппопотама. Острые уши борова нависали над его глазами, хвост закручивался над спиной, как моток колючей проволоки, выставляя напоказ богатые признаки его половой принадлежности, спрятанные в ярко-розовом мешке, выглядевшем так, будто его обварили маслом.

– Vas-Y!¹⁷ Ищи! – одновременно выкрикнули Сантэн и Анна.

Им требовались объединенные силы, чтобы удержать на поводке огромное животное.

– Ищи! Ищи!

И боров принялся энергично обнюхивать влажную шоколадно-коричневую почву под дубами, волоча за собой двух женщин. Майкл шел следом, держа на плече лопату и радуясь новизне охоты.

В глубине леса они перешли узкий ручей, наполненный помутневшей после недавних дождей водой, и дальше направились вдоль его берега под фыркание борова и поощряющие возгласы женщин. Внезапно боров испустил радостный визг и начал рыть мягкую землю плоским рылом.

– Нашел что-то! – восторженно крикнула Сантэн, и они с Анной стали тянуть поводок, – впрочем, тщетно.

– Майкл! – выдохнула девушка через плечо. – Когда мы его оттащим, вы должны поспешить с лопатой! Вы готовы?

– Готов!

---

¹⁶ Дорогая (фр.).

¹⁷ Вперед! (фр.)

Из кармана юбки Сантэн достала кусок старого трюфеля, уже слегка заплесневевший. Она разрезала его складным ножом и поднесла настолько близко к морде борова, насколько могла дотянуться. Сначала боров не обратил на это внимания, но потом уловил запах разрезанного гриба и утробно хрюкнул, пытаясь отхватить девушке руку слюнявыми челюстями. Сантэн отдернула трюфель и попятилась, и боров повернул за ней.

– Скорее, Майкл! – крикнула она, и он врезался лопатой в землю.

Понадобилось копнуть с полдюжины раз, чтобы обнаружить скрытый в почве гриб, и Анна тут же опустилась на колени и вытащила его голыми руками. Она подняла трюфель перед собой – он был покрыт комьями шоколадной земли и представлял собой темный ком размером почти с ее кулак.

– Посмотрите, какая красота!

Сантэн наконец позволила борову взять из ее пальцев ломтик гриба, а когда животное его проглотило, разрешила ему вернуться к пустой ямке в земле, обнюхать все вокруг и убедиться, что трюфель исчез.

Потом она снова крикнула: «Ищи!» – и охота продолжилась. Через час их маленькая корзинка уже наполнилась комковатыми грибами неаппетитного вида, и Анна велела остановиться.

– Если набрать больше, они просто испортятся. А теперь насчет голубей. Посмотрим, как наш капитан из Африки умеет стрелять!

Они поспешили обратно за боровом, смеясь и задыхаясь, через открытое поле к особняку, где Сантэн заперла трюфели в кладовой, а Анна вернула борова в его стойло в подвале, а затем сняла с крючков висевший на кухонной стене дробовик. Она подала оружие Майклу и наблюдала за тем, как он открывает казенную часть и проверяет стволы, а потом складывает дробовик и поднимает к плечу, испытывая баланс. Несмотря на то, что ожоги немного мешали ему, Анна увидела, что он умеет обращаться с таким оружием, и ее лицо смягчилось.

А Майкл был удивлен, а потом обрадован тем, что ружье изготовлено почтенной фирмой «Холланд энд Холланд», – только английские оружейники могли так подогнать стволы, что можно было менять направление выстрела с любой скоростью и точность от этого не менялась.

Он кивнул Анне:

– Превосходно!

Она протянула ему холщовый мешочек с патронами.

– Я покажу вам хорошее место. – Сантэн взяла Майкла за руку, но, увидев выражение лица Анны, поспешно отпустила ее. – Днем голуби возвращаются в лес, – пояснила она.

Они двинулись по опушке леса. Сантэн шла впереди; она приподнимала юбку, перешагивая через лужи, так что Майклу время от времени удавалось увидеть ее гладкие белые лодыжки, и его пульс участился от напряжения, когда он старался не отстать от девушки. Анна на своих коротких ногах осталась далеко позади, но они не обращали внимания на ее крики:

– Подождите, подождите меня!

На углу леса, там, где начиналась длинная часть буквы «Т», которую пилоты при возвращении на аэродром использовали как ориентир, находилась низина с высокими кустами по обе ее стороны.

– Голуби летят оттуда. – Сантэн показала на поле и виноградники, заросшие и заброшенные. – Нужно подождать здесь.

Кустарник представлял собой прекрасное укрытие; и когда Анна догнала их, они втроем спрятались в нем и стали всматриваться в небо. С севера снова накатывали плотные низкие тучи, угрожая дождем и создавая прекрасный фон, на котором крохотные точки голубиной стаи отчетливо обрисовались перед опытным взглядом Майкла.

– Вот они, – сказал он. – Летят прямо на нас.

– Я не вижу... – Сантэн взволнованно обшаривала взглядом небо. – Где... ох, да, теперь заметила.

Хотя голуби летели быстро, они неслись по прямой и начали слегка снижаться ближе к лесу. Для такого стрелка, как Майкл, это была простая мишень. Он выждал, пока две птицы перекрыли друг друга, и снял их обеих первым выстрелом. Они закувыркались в воздухе, а когда остальная часть стаи рассыпалась, сбил третьего из второго ствола.

Женщины побежали на открытое поле, чтобы принести птиц.

– Три двумя выстрелами!

Сантэн, вернувшись, остановилась рядом с Майклом, поглаживая теплое мягкое тельце убитого голубя и глядя снизу вверх на Майкла.

– Просто повезло, – проворчала Анна. – Никто не сбивает сразу двух голубей намеренно – только не тогда, когда они летят.

Следующая стая оказалась крупнее первой, и птицы летели плотнее. Майкл сбил трех первым выстрелом, четвертую птицу – из второго ствола, и Сантэн повернулась к Анне с победоносным видом.

– Снова повезло? – торжествующе поинтересовалась она. – Какой же везунчик этот наш капитан!

Еще две стайки появились на расстоянии выстрела в следующие полчаса, и Сантэн наконец серьезно спросила:

– Вы что же, никогда не промахиваетесь, минхеер?

– Там, – Майкл посмотрел в небо, – если вы промахнетесь, вы покойник. Так что до сих пор я не промахивался.

Сантэн содрогнулась. Смерть... снова это слово. Смерть обитала вокруг них, на холмах, гром орудий за которыми сейчас звучал как тихое ворчание, смерть хозяйничала и в небе над ними. Девушка посмотрела на Майкла и подумала: «Я не хочу, чтобы он умер... никогда! Никогда!»

Потом она встряхнулась, отгоняя уныние, и сказала, улыбнувшись:

– Научите меня стрелять.

Эта просьба вдохновила Майкла. Она позволила ему прикоснуться к Сантэн даже под ревностным надзором Анны. Он поставил девушку перед собой и помог ей принять классическую позу стрелка с выставленной вперед левой ногой.

– Это плечо немного ниже...

Оба они остро ощущали каждое прикосновение.

– Теперь немного разверните бедра вот так, совсем немного.

Он положил ладони на бока девушки, и его голос звучал при этом так, словно он задыхается, когда Сантэн чуть-чуть прижалась к нему ягодицами, – это было невинное, но ошеломляющее давление...

Первый выстрел отбросил Сантэн назад, к груди Майкла, и он поддержал ее, а ничуть не пострадавшие голуби умчались к горизонту.

– Вы смотрите на мушку ружья, а не на птиц, – пояснил Майкл, все еще придерживая девушку. – Нужно смотреть на птиц, а ружье само найдет цель и выстрелит куда надо.

При следующем выстреле жирный голубь свалился под восторженный визг обеих женщин; но когда Анна побежала за ним, дождь, который лишь собирался до этого момента, рухнул на них серебристым занавесом.

– В амбар! – закричала Сантэн и бегом помчалась по низине.

Дождь пробивался сквозь деревья и взрывался крохотными снарядами на их коже, так что все задыхались от его ледяных укусов. К тому моменту как Сантэн первой добежала до амбара, блузка на ней уже прилипла к телу, и Майкл мог видеть четкие очертания ее груди. Пряди

темных волос упали на лоб девушки, она стряхивала воду с юбки и смеялась над Майклом, даже не пытаясь укрыться от его взгляда.

Амбар стоял в начале лощины. Построен он был из квадратных блоков желтого камня, его соломенная крыша расползлась, и в ней образовались дыры, как в старом, изношенном ковре. Внутри лежали тюки соломы, местами поднимавшиеся до самых балок перекрытия.

– Пожалуй, это надолго, – мрачно проворчала Анна, глядя на дождевые струи и отряхиваясь, как водяной буйвол, вылезший из болота. – Мы здесь застрянем.

– Ну и ладно, давай ощиплем голубей.

Они нашли уютное местечко среди тюков, где можно было сидеть; Сантэн и Майкл почти касались друг друга плечами и болтали, ощипывая птиц.

– Расскажите мне об Африке, – потребовала Сантэн. – Там действительно так темно, как говорят?

– Это самая солнечная земля во всем мире... вообще-то, там даже слишком много солнца, – ответил Майкл.

– Я люблю солнце. – Сантэн легонько качнула головой. – А вот холод и сырость ненавижу. Для меня солнца никогда не будет слишком много.

Он стал рассказывать ей о пустынях, где никогда не бывает дождей.

– Там за весь год воды не выпадает столько, сколько здесь за один-единственный день.

– Я думала, в Африке живут только черные дикари.

– Нет, – засмеялся Майкл. – Там полно и белых дикарей тоже... и черных джентльменов.

И он рассказал ей о крошечных желтокожих пигмеях в лесах Итури, ростом до пояса обычному мужчине, и о гигантских ватуси, которые любого человека, чей рост меньше двух метров, считают пигмеем, и о благородных воинах-зулусах, называющих себя детьми небес.

– Вы так говорите, как будто любите их! – упрекнула его Сантэн.

– Кого, зулусов? – уточнил Майкл и кивнул. – Да, наверное, люблю. Некоторых из них, во всяком случае. Мбежане...

– Мбе... джей... – Сантэн не удалось выговорить это имя.

– Это один из зулусов... он всю жизнь провел вместе с моим дядей Шоном, они выросли рядом.

Он использовал слово из зулусского наречия – «умаан», и ему пришлось перевести это для Сантэн.

– А какие там звери? Расскажите!

Сантэн не хотелось, чтобы Майкл умолкал. Она могла бы вечно слушать его голос и его истории.

– Расскажите о львах и тиграх.

– Тигров там нет, – улыбнулся Майкл. – Зато львов множество.

Даже руки Анны, хлопотливо ощипывавшие птиц, замерли, когда она слушала, как Майкл описывает охотничий лагерь в вельде, где они с его дядей Шоном оказались в осаде: их окружил львиный прайд, и им пришлось всю ночь стоять рядом с лошадьми, защищая и успокаивая их, пока огромные светлые кошки бродили взад-вперед вдоль края освещенного кострами пространства, рыча и подвывая, пытаясь отогнать лошадей в темноту, где они стали бы легкой добычей.

– Расскажите о слонах...

И он стал рассказывать об этих умных существах. Он описал, как они движутся медленной сонной походкой, хлопают огромными ушами, чтобы остудить кровь, подхватывают пыль, чтобы осыпать себя ею, принимая пыльные ванны...

Он рассказал о сложной общественной структуре в слоновьих стадах, о том, как старые самцы следят за чистотой племенной крови...

– Точно как твой отец, – ввернула Анна.

Майкл поведал, как старые бесплодные самки берут на себя роль нянюшек и повивальных бабок; как эти огромные серые животные относятся друг к другу – это почти похоже на дружбу людей и продолжается всю их жизнь; рассказал о странной озабоченности смертью у слонов, о том, что, убив охотника, преследовавшего и ранившего их, они часто накрывают его тело зеленой листвой, как будто пытаются искупить свой поступок...

Майкл описал и то, как ведет себя стадо, если один из слонов ранен или болен: они хоботами с двух сторон поддерживают его на ногах, а если он наконец падает, то, если это была самка, вожак может спариться с ней, как бы пытаясь разочаровать смерть актом воспроизводства.

Эта последняя часть истории пробудила Анну от транса и напомнила ей о роли дуэньи; она бросила на Сантэн резкий взгляд.

– Дождь утихает, – чопорно заявила она.

И тут же начала собирать ошипанных голубей.

Сантэн продолжала смотреть на Майкла огромными сияющими глазами.

– Однажды и я поеду в Африку, – тихо сказала она.

Майкл ответил ей уверенным взглядом и кивнул.

– Да, – сказал он. – Однажды.

Они словно обменялись клятвами. Между ними возникло некое уверенное взаимопонимание. В тот момент Сантэн стала его женщиной, а Майкл стал ее мужчиной.

– Идемте! – настойчиво крикнула Анна от дверей амбара. – Идемте, пока дождь снова не хлынул!

Им обоим понадобилось немалое усилие, чтобы встать и поспешить за ней в промокший мир.

Они медленно шли по низине к особняку, едва переставляя замерзшие ноги, не прикасаясь друг к другу, но остро ощущая один другую, как будто в объятии.

Потом из сумрака туч вырвались самолеты, летевшие низко и стремительно, гром моторов все нарастал и достиг максимума, когда машины пронеслись над их головами. Впереди мчался зеленый «сопвич». Под таким углом они не могли увидеть голову Эндрю, но видели дневной свет сквозь дыры в полотне его крыльев и сквозь отверстия пуль в корпусе. Пять самолетов, что следовали за Эндрю, тоже были насквозь прострелены. В их крыльях и фюзеляжах светилось множество дыр.

– Тяжелый был день, – негромко произнес Майкл, глядя на самолеты.

Еще один «сопвич» летел следом за остальными, его мотор кашлял и сбивался с ритма, следом за ним тянулся хвост пара, одно крыло перекошилось из-за пробитых распорок. Сантэн, наблюдая за аэропланами, вздрогнула и шагнула ближе к Майклу.

– Кто-то из них погиб там сегодня, – прошептала она, и Майкл промолчал.

– Завтра и вы снова будете вместе с ними...

– Не завтра.

– Тогда через день... или еще через день.

И снова Майкл не счел нужным отвечать.

– Майкл, о Майкл! – В голосе Сантэн звучала настоящая физическая боль. – Я должна повидаться с вами наедине. Мы можем никогда... нам может никогда больше не выпасть шанса. И мы теперь должны проживать каждую драгоценную минуту наших жизней так, словно она последняя.

Слова девушки потрясли Майкла, подобно могучему удару. Он не в силах был говорить, а голос Сантэн упал до шепота:

– Амбар...

– Когда?

Он обрел голос, только тот прозвучал, словно хриплое карканье.

– Сегодня перед полуночью... я приду, как только смогу. Будет холодно...

Она посмотрела ему прямо в глаза. Все общественные условности моментально сгорели в пожаре войны.

– Ты должен принести одеяло.

Она развернулась и побежала вдогонку за Анной, предоставив Майклу в изумлении и неуверенном восторге смотреть ей вслед.

Майкл умылся у насоса за кухней и снова переоделся в мундир. Когда он опять вошел в кухню, пирог с голубями и трюфелями, покрытый темной коричневой корочкой, уже благоухал; Сантэн снова и снова наполняла бокал отца, против чего он ничуть не возражал. То же самое Сантэн проделывала и с Анной, но чуть более хитрым образом, так что Анна, похоже, ничего не замечала, хотя ее лицо становилось все более красным, а смех все более громким.

Сантэн назначила Майкла главным по граммофону компании «Ар-си-эй», самому ценному ее имуществу, велев менять восковые диски сразу, как только они кончались. Из огромной медной трубы машины неслись звуки оперы Верди «Аида» в исполнении труппы театра Ла Скала, наполняя кухню божественными звуками. Когда Сантэн ставила перед Майклом, сидевшим напротив графа, тарелку с большим куском пирога, она легонько коснулась его затылка, темных выющихся волос, и сказала, чуть наклонившись:

– Я просто обожаю «Аиду», а вы, капитан?

Когда граф принялся подробно расспрашивать Майкла о том, что производят его фамильные поместья, Майкл обнаружил, что ему трудно сосредоточиться на ответах.

– Мы выращивали много австралийской акации, потому что ее кора нужна для дубления кожи, но мои отец и дядя уверены, что после этой войны автомобили полностью заменят лошадей, так что и необходимость в кожаной упряжи отпадет, и соответственно...

– Какая жалость, что лошадям придется уступить место этим шумным, вонючим изобретениям дьявола! – вздохнул граф. – Но они правы, конечно. Будущее за бензиновыми моторами.

– Мы постепенно меняем акацию на сосны и австралийский синий эвкалипт. Они хороши для укрепления стен золотых рудников и для изготовления бумаги.

– Очень правильно!

– Еще, конечно, у нас есть сахарные плантации и скотоводческие ранчо. Мой дядя уверен, что скоро появятся корабли, снабженные холодильными камерами, и мы сможем отправлять нашу говядину по всему миру...

Чем больше граф слушал, тем более довольным становился.

– Пейте, мой мальчик! – подстрекал он Майкла. – Вы и капли не выпили! Вам не нравится?

– Блестящий напиток, правда, но... увы, мои внутренности...

Майкл похлопал себя по верхней части живота, и граф сочувственно хмыкнул. Будучи французом, он прекрасно знал, что большинство болезней и горестей в мире происходят как раз из-за неправильной работы этого органа.

– Ничего серьезного, – заверил Майкл. – Но пожалуйста, не позволяйте моему небольшому недомоганию мешать вам.

Граф послушно наполнил в очередной раз собственный бокал.

Подав еду мужчинам, женщины поставили на стол и тарелки для себя, чтобы присоединиться к компании. Сантэн села рядом с отцом и почти не разговаривала. Она посматривала то на отца, то на Майкла, как будто внимательно слушала, а потом Майкл вдруг ощутил легкое прикосновение к своей лодыжке, и все его нервы затрепетали, когда он понял, что девушка протянула к нему ногу под столом. Он неловко поежился под взглядом графа, не смея посмот-

реть через стол на Сантэн. Вместо этого он нервно подул на кончики пальцев, как будто обжегся о плиту, и быстро заморгал.

Ботинок девушки отодвинулся так же тайно, как и приблизился, и Майкл выждал две-три минуты, прежде чем сам вытянул ногу под столом. Нашупав ногу Сантэн, он зажал ее между своими ногами; краем глаза он увидел, как она вздрогнула и вспыхнула, краска залила ее от горла до ушей. Тут он повернулся и посмотрел на нее в упор, настолько зачарованный, что просто не в силах был отвести глаз от ее лица, пока граф не повысил голос.

– Сколько? – повторил граф с легкой суровостью, и Майкл виновато отдернул ноги.

– Простите, я не расслышал...

– Капитан немного нездоров, – быстро вмешалась Сантэн, чуть-чуть задышавшись. – Его ожоги еще не зажили, а он еще и так много работал сегодня...

– Мы не должны его слишком задерживать, – с готовностью согласилась Анна. – Так что если он уже поел...

– Да. Да. – Сантэн встала. – Мы должны отпустить его, чтобы он отдохнул.

Граф выглядел по-настоящему расстроенным из-за того, что теряет товарища по выпивке, но Сантэн успокоила его:

– Папа, не тревожься, посиди здесь, допей вино.

Анна сопровождала парочку в темноту кухонного двора и стояла рядом, вперив в них орлиный взор и уперев руки в бока, пока молодые люди прощались. Она, правда, выпила достаточно кларета, чтобы он притупил ее инстинкты, иначе она задумалась бы, зачем Сантэн нужно было обязательно провожать Майкла до его мотоцикла.

– Могу ли я навестить вас еще раз, мадемуазель де Тири?

– Если пожелаете, капитан.

Сердце Анны, смягченное вином, склонялось в сторону молодежи. Ей пришлось сделать над собой усилие.

– До свидания, минхеер, – решительно произнесла она. – Дитя может простудиться. Возвращайся в дом, Сантэн.

Граф почувствовал необходимость запить кларет одним-двумя бокалом шампанского. Оно смоет кисловатый вкус вина, серьезно объяснил он дочери. В итоге двум женщинам пришлось помочь ему добраться до постели. А он, ужасно фальшивя, распевал марш из «Аиды». В кровать он рухнул, как подрубленный дуб, и растянулся на спине. Сантэн уложила на кровать его ноги и стянула с отца ботинки.

– Благослови тебя Бог, моя малышка, папа тебя любит...

Анна и Сантэн усадили его в постели и, наполовину раздев, натянули на него ночную рубашку, а потом позволили ему снова упасть на подушки. После этого женщины избавили его от бриджей.

– Пусть ангелы охраняют твой сон, детка... – бормотал граф, когда его укрыли стеганым одеялом, наполненным гагачьим пухом, и Анна задула свечу.

Под покровом темноты Анна протянула руку и погладила лохматую голову графа. Ее вознаградила оглушительный храп, и женщина, выйдя следом за Сантэн из комнаты, мягко закрыла за собой дверь.

* * *

Сантэн лежала в постели, прислушиваясь к стонам и скрипам старого дома.

К счастью, ей хватило ума не поддаваться искушению и не лечь в постель полностью одетой, потому что Анна явилась с одним из своих неожиданных визитов как раз тогда, когда Сантэн уже собиралась погасить лампу. Анна села на край кровати, став разговорчивой из-

за вина, но не настолько одурманенная, чтобы не заметить неладное, если бы на девушке не было ночной рубашки. Зевая и вздыхая, Сантэн пыталась внушить Анне сонливость, но это не получалось, а Сантэн уже слышала, как вдалеке, в Морт-Оме, церковные часы пробили десять. Сантэн сделала вид, что заснула. Было настоящей мукой лежать неподвижно и следить за своим дыханием, потому что Сантэн вся горела от волнения.

Анна наконец заметила, что разговаривает сама с собой, и прошлась по маленькой спальне, собирая и складывая одежду Сантэн. Наконец она наклонилась над девушкой, чтобы поцеловать в щеку, а потом убавила фитиль лампы.

Едва оставшись одна, Сантэн села и обхватила себя руками, пытаясь справиться с предвкушением и страхом. Хотя умом она понимала, чем должна закончиться эта встреча с Майклом, точный механизм процесса оставался для нее дразнящее неясным. Но логика заставляла предположить, что в основном это не должно слишком сильно отличаться от того, что она множество раз наблюдала в полях и на скотном дворе.

Она утвердилась в этом в один из сонных летних дней, когда ее внимание привлек легкий шум в одном пустом стойле. Она забралась на чердак и сквозь щель между досками с изумлением наблюдала, чем занимались Эльза, кухонная девушка, и помощник конюха Жак, пока наконец до нее не дошло, что они играют в петуха и курицу, жеребца и кобылу. Потом она несколько дней думала об этом, после чего стала еще внимательнее подслушивать сплетни женской прислуги. Наконец она набралась храбрости и отправилась со своими вопросами к Анне.

В результате всех исследований она просто растерялась и была озадачена противоречиями. Если верить Анне, то эта процедура была чрезвычайно болезненной, сопровождалась обильным кровотечением и грозила страшными опасностями – беременностью и болезнью. Это не совпадало с той бурной радостью, с какой служанки обсуждали тему, и с тем хихиканьем и приглушенными вскриками восторга, которые Сантэн слышала собственными ушами, когда Эльза лежала под Жаком на соломе в пустом стойле.

Сантэн знала, что у нее высокий болевой порог; даже их добрый доктор Ле Брюн отметил это, когда вправлял ей сломанное предплечье без хлороформа.

– Надо же, и не пискнула! – восхищался он.

Да, Сантэн знала, что может выдержать боль так же, как любая из деревенских девушек в их поместье, а кроме того, у нее и прежде случались кровотечения. Часто, когда она была уверена, что ее никто не увидит, она могла снять со спины Ньюажа тяжелое дамское седло, подобрать юбки и скакать верхом по-мужски. Прошлой весной, скача вот так без седла, она заставила жеребца перепрыгнуть через каменную стенку, что ограждала склон северного поля, – они прыгнули с нижней стороны и приземлились с высокой, в семь футов. В момент приземления Сантэн сильно ударилась о холку коня, и острая боль, похожая на удар ножом, пронзила все ее тело. Кровь потекла так сильно, что белые плечи Ньюажа покрылись розовыми пятнами, и Сантэн было так стыдно, что она, несмотря на боль, сначала искупала жеребца в пруду в конце поля, а уже потом потащила домой, ведя скакуна за собой.

Нет, ни боль, ни кровь ее не пугали. Ее тревога имела другой источник. Она смертельно боялась, что Майкл может разочароваться в ней... Анна предупреждала ее о таком.

– После этого мужчины всегда теряют интерес к женщине, *les cochons*¹⁸.

«Если Майкл потеряет интерес ко мне, я, кажется, умру, – подумала она и даже заколебалась на мгновение. – Я не пойду... я не допущу этого...»

– О, но как я могу *не пойти*? – прошептала она вслух, чувствуя, как ее грудь вспухает от силы любви и желания. – Я должна. Я просто обязана.

¹⁸ Свиньи (фр.).

Сгорая от нетерпения, она прислушивалась к тому, как Анна готовится ко сну в комнате по соседству. И даже когда наступила тишина, девушка еще выжидала, прислушиваясь к церковным часам, отбивавшим четверть, потом полчаса, и лишь тогда выскользнула из-под пухового одеяла.

Она нашла сорочку, сложенную Анной вместе с остальными вещами, потом замерла, наполовину надев панталоны.

– Зачем? – спросила она себя и задохнулась от смеха, зажав рот рукой.

А потом отбросила панталоны в сторону.

Застегнув пояс плотной шерстяной юбки для верховой езды и жакет, Сантэн набросила на плечи и голову темную шаль. Неся ботинки в руках, она выскользнула в коридор и прислушалась у двери комнаты Анны.

Храп Анны звучал тихо и ровно, и Сантэн прокралась в кухню. Сев на табурет перед плитой, она застегнула ботинки на пряжки, а потом подожгла лучинку от углей в плите и зажгла сигнальный фонарь. Отперев кухонную дверь, девушка вышла из дома. Луна находилась в последней четверти, она плыла среди легких облаков, как маленький остроконечный кораблик.

Сантэн шла по травянистой обочине подъездной дороги, чтобы гравий не заскрипел под ее подошвами, и не открывала заслонку фонаря; ей хватало слабого света луны. На севере, над холмами, внезапно возник оранжевый свет, но он тут же медленно угас, а потом до Сантэн докатился далекий грохот взрыва, приглушенный ветром.

– Какой-то рудник!

Сантэн приостановилась на мгновение, пытаясь представить, сколько людей погибло при этом чудовищном обрушении земли и огня. Эта мысль подстегнула ее решительность. Вокруг было так много смертей и ненависти и так мало любви... Она просто должна ухватить все, что можно, до последней крупинки.

Наконец она увидела впереди амбар и побежала. Внутри не было заметно света, и мотоцикла она тоже не нашла взглядом.

– Он не придет...

Сантэн охватило отчаяние. Ей хотелось закричать во все горло, зовя Майкла. Она споткнулась о порог амбара и чуть не упала.

– Майкл!

Не в силах больше сдерживаться, она слышала панику в собственном голосе, когда выкрикнула снова:

– Майкл!

И открыла заслонку фонаря.

Майкл шел к ней из темноты в глубине амбара. Высокий и широкоплечий, такой прекрасный в узком луче фонаря...

– Ох, я думала, ты не придешь.

Майкл остановился перед ней.

– Ничто, – тихо сказал он, – ничто в мире не смогло бы помешать мне прийти.

Они стояли лицом друг к другу. Сантэн вскинула голову, глядя на него, в глазах обоих горела жажда, но ни один из них не представлял толком, что делать дальше, как преодолеть эти несколько дюймов между ними – несколько дюймов, которые казались пропастью длиной в вечность.

– Тебя никто не видел? – выпалил наконец Майкл.

– Нет, не думаю.

– Хорошо...

– Майкл?

– Да, Сантэн?

– Возможно, я не должна была приходить... Может, мне следует вернуться?

Это оказались как раз те слова, что были нужны, потому что скрытая в них угроза подстегнула Майкла, он протянул руки и схватил девушку, почти грубо.

– Нет, ни за что... я не хочу, чтобы ты уходила, никогда!

Она засмеялась, это был хрипловатый задыхающийся смех, и он прижал ее к себе и попытался поцеловать, но это оказалась очень неловкая попытка. Они столкнулись носами, их зубы стукнули друг о друга от торопливости, и лишь потом они соединили губы. Тем не менее, как только Майкл взял себя в руки, он полностью ощутил жар и нежность губ девушки, а ее рот был шелковистым и имел вкус зрелых яблок. Потом шаль соскользнула с головы Сантэн, едва не удушив обоих, и им пришлось отодвинуться, и оба смеялись и задыхались от волнения.

– Пуговицы... – прошептала Сантэн. – Твои пуговицы колются, и я замерзла.

Она театрально содрогнулась.

– Виноват...

Майкл забрал у Сантэн фонарь и повел ее в глубину амбара. Там он поднял ее над тюками соломы, и Сантэн в свете фонаря увидела, что Майкл устроил уютное мягкое гнездышко между тюками и выложил его серыми армейскими одеялами.

– Я принес их из моей палатки, – пояснил он и осторожно поставил фонарь. А потом снова нетерпеливо повернулся к Сантэн.

– Осторожнее! – Сантэн расстегнула его офицерский ремень-портупею. – Я же вся в синяках буду!

Майкл отшвырнул ремень и снова обнял ее. На этот раз они легко нашли губы друг друга. Огромные волны желания омывали Сантэн, настолько могучие, что у нее кружилась голова от слабости. Под ней подогнулись ноги, но Майкл крепко держал ее, и она старалась отвечать на дождь поцелуев, которыми он осыпал ее, целуя губы, глаза, шею... но ей хотелось, чтобы он поскорее опустился вместе с ней на одеяла. Она уже намеренно согнула ноги, и Майкл потерял равновесие и упал на нее, когда она опустилась в выложенное одеялами гнездышко в соломе.

– Прости...

Он попытался высвободиться, но Сантэн обхватила одной рукой его шею и притянула его лицо к своему. А другой рукой, потянувшись через его плечо, дернула одно одеяло, и оно накрыло их обоих. Сантэн услышала собственное тихое мяуканье, похожее на мяуканье котенка, потерявшего материнский сосок, и провела ладонями по лицу Майкла и по его волосам, целуя его. Тяжесть его тела на ее теле казалась такой приятной, что когда Майкл попытался сдвинуться в сторону, она обхватила ногами его колени, удерживая.

– Свет... – прохрипел Майкл.

Он потянулся к фонарю, чтобы закрыть заслонку.

– Нет. Я хочу видеть твое лицо.

Она поймала его за запястье и прижала его руку к своей груди, глядя ему в глаза. Эти два клочка синего неба были настолько прекрасными в слабом свете, что Сантэн подумала – от этого может разорваться ее сердце. А потом ощутила его ладонь на своей груди и прижала ее крепче, к соску, жаждавшему прикосновения...

Все это превратилось в безумие восторга и желания, становясь все сильнее и сильнее, пока наконец не достигло невыносимого пика, и что-то должно было произойти, прежде чем она потеряла бы сознание... но не произошло, и Сантэн почувствовала, как спускается с вершин, и от этого ее охватило нетерпение и почти гнев, смешанный с разочарованием.

Все ее мыслительные способности притупились от вернувшегося желания; она почувствовала, что Майкл колеблется в нерешительности, и по-настоящему рассердилась. Ему следовало быть властным, он должен был повести ее туда, куда ей страстно хотелось пойти. Девушка снова взяла руку Майкла и потянула ее вниз, в то же время повернувшись под ним так, что ее плотная юбка задралась и сбилась у талии.

– Сантэн, – прошептал Майкл, – мне не хочется делать то, чего не хочешь ты...

– Tais-toi! – почти зашипела она. – Молчи!

Сантэн поняла, что ей придется самой повести его вперед, что ей всегда придется вести его, потому что в нем было нечто другое, чего она до сих пор не осознавала, но ничего не имела против. Почему-то из-за этого она лишь почувствовала себя очень сильной и уверенной в себе.

Оба они задохнулись, когда он коснулся ее. Через минуту она отпустила его руку и стала нащупывать другое, а когда нашла, то снова вскрикнула, потому что это было таким большим и твердым, что Сантэн слегка испугалась. На мгновение она усомнилась, сумеет ли выполнить ту задачу, которую возложила на себя... но потом сосредоточилась. Майкл был так неловок, что ей пришлось немного повернуться, направляя его. А потом вдруг, когда Сантэн не ожидала, это случилось – и она задохнулась от потрясения.

Но Анна оказалась не права, боли не было, пришло лишь захватывающее дух чувство натяжения, а потом наполненности, а еще чуть позже, когда потрясение схлынуло, – чувство огромной власти над Майклом.

– Да, Майкл, да, милый...

Она поощряла его, когда он двигался и стонал в ее объятиях, а она с легкостью управляла его нападением, зная, что в эти мгновения он полностью принадлежит ей, и наслаждаясь этим знанием.

Когда Майкл содрогнулся в финальной судороге, Сантэн смотрела ему в лицо и видела, как в свете фонаря его глаза приобрели оттенок индиго. Но хотя она любила его с такой силой, что это причиняло ей физическую боль, в глубине ее сознания затаилось крошечное подозрение, что она что-то упустила. Она не почувствовала потребности кричать, как кричала Эльза под Жаком, а следующей мыслью стала мысль о том, чего она боялась.

– Майкл, – зашептала она, – ты все еще любишь меня? Скажи, что ты меня любишь!

– Я люблю тебя больше собственной жизни!

Голос Майкла звучал хрипло и надломлено, и Сантэн ни на мгновение не усомнилась в его искренности.

Она облегченно улыбнулась в темноте и крепче прижала к себе Майкла, а когда ощутила, что он уменьшился и ослабел внутри нее, девушку охватила волна нежного сострадания.

– Милый, – зашептала она, – все хорошо, милый, все хорошо...

И погладила курчавые волосы на его затылке.

Через какое-то время, когда эмоции немного схлынули, Сантэн осознала, что за те краткие минуты простого действия, совершенного ими вместе, в ней самой что-то безвозвратно изменилось. Мужчина в ее объятиях был физически сильнее, чем она, но казался ей ребенком, сонным ребенком, когда прижимался к ней. Она чувствовала себя мудрее и энергичнее, как будто ее жизнь вплоть до этого момента проходила беспцельно, не имела четкого направления, а теперь она поймала попутный ветер и, как большой корабль, двигалась наконец уверенно и прямо.

– Проснись, Майкл! – Она тихонько подтолкнула его, и он что-то пробормотал и пошевелился. – Не спи... поговори со мной!

– О чем?

– О чем угодно. Расскажи об Африке. Расскажи, как мы вместе поедem в Африку.

– Я уже рассказывал...

– Еще раз расскажи. Я хочу снова все услышать.

Лежа рядом с ним, девушка жадно слушала, задавая вопросы, когда Майкл сбивался.

– Расскажи о твоem отце. Ты не говорил, какой он.

Они проговорили всю ночь, уютно устроившись в коконе серых одеял.

А потом, слишком скоро для них обоих, орудия вдоль хребта заговорили в смертельном хоре, и Сантэн в отчаянии обняла Майкла.

– Ох, Майкл, я не хочу уходить!

Но потом отодвинулась, села и начала одеваться и застегивать пуговики.

– Это было самым прекрасным, что только случалось со мной в жизни, – прошептал Майкл, наблюдая за ней.

В свете фонаря и вспышках оружейного огня глаза Сантэн выглядели огромными, когда она снова повернулась к нему.

– Мы ведь уедем в Африку, да, Майкл?

– Обещаю.

– И наш с тобой сын будет купаться в солнечном свете, и мы будем жить счастливо, как в сказках, ведь так, Майкл?

Они пробежали по низинке рядом, прячась под шалью Сантэн, и у самых конюшен поцеловались со сдержанной страстью. Наконец Сантэн разорвала объятия и ускользнула через мощеный двор.

Она не обернулась, дойдя до кухонной двери, а просто исчезла в огромном темном доме, оставив Майкла в одиночестве и в невыразимой грусти, хотя ему следовало быть переполненным радостью.

Биггс стоял у койки и нежно смотрел на спящего Майкла. Старший сын Биггса, погибший в окопах у Ипра год назад, был бы сейчас такого же возраста. Майкл выглядел таким измученным, бледным и изможденным, что Биггсу пришлось собрать всю свою решимость, чтобы коснуться его плеча и разбудить.

– Который час, Биггс? – Майкл сонно сел.

– Уже поздно, сэр, солнце светит... но мы не летаем, мы все еще отстранены, сэр.

И тут случилось нечто странное. Майкл усмехнулся, и это была бессмысленная, идиотская усмешка, какой Биггс никогда прежде не видел. Это его встревожило.

– Ох, Биггс, я прекрасно себя чувствую!

– Я рад, сэр. – Биггс гадал, не лихорадка ли это. – Как наша рука, сэр?

– С нашей рукой все хорошо, чертовски хорошо, спасибо, Биггс.

– Я бы дал вам еще поспать, но вас требует майор, сэр. Там у него что-то важное, что он хочет вам показать.

– И что это такое?

– Мне не велено говорить, мистер Майкл, это строгая инструкция лорда Киллигеррана.

– Хороший ты человек, Биггс! – без видимой причины воскликнул Майкл и сполз с койки. – Никогда не заставляйте ждать лорда Киллигеррана.

Майкл ворвался в столовую и с разочарованием увидел, что там никого нет. Ему хотелось поделиться с кем-нибудь хорошим настроением. Эндрю был предпочтительнее других, но даже дежурный капрал куда-то исчез! Оставшиеся после завтрака тарелки все еще стояли на обеденном столе, журналы и газеты валялись на полу, куда их явно уронили в спешке. Трубка адъютанта, испускавшая зловонный дым, лежала на одном из подносов как доказательство того, что столовую покинули стремительно.

Потом Майкл услышал голоса, далекие, но явно взволнованные, – они доносились сквозь открытое окно, выходившее в сад. Майкл поспешил туда.

Вся их эскадрилья изначально состояла из двадцати четырех пилотов, но после недавних столкновений их число сократилось до шестнадцати, включая Эндрю и Майкла. И все они собрались на краю сада, с ними были и механики, и наземная обслуга, и артиллеристы противовоздушных батарей, защищавших поле аэродрома, и работники столовой, и денщики. Все до единого собрались на поле и, похоже, все говорили одновременно.

А собрались они вокруг какого-то самолета, стоявшего на первой позиции у края сада. Майклу над головами людей видны были только верхние крылья машины и кожух мотора, но

он внезапно ощутил сильное волнение. Никогда прежде ему не приходилось видеть ничего подобного.

Нос машины был длинным и производил впечатление большой силы, крылья были снабжены дополнительными плоскостями, а рулевая поверхность была цельной, что предполагало устойчивость и легкость в управлении.

Эндрю протолкался сквозь восторженную толпу и поспешил навстречу Майклу, из уголка рта у майора под лихим углом торчал янтарный мундштук.

– Привет, спящая красавица, ты появился, как Венера из волн!

– Эндрю, это что, наконец-то SE5a, да? – крикнул Майкл.

Эндрю схватил его за руку и потащил к самолету.

Толпа расступилась перед ними, и Майкл резко остановился, в благоговении уставившись на машину. Он с первого взгляда понял, что этот самолет тяжелее и крепче, чем даже немецкие «Альбатросы DIII». А мотор! Он был огромным! Гигантским!

– Две сотни лошадок! – Эндрю нежно похлопал по кожуху мотора.

– Две сотни лошадиных сил... – повторил Майкл. – Да он больше немецких «мерседесов»!

Он шагнул вперед и погладил прекрасное клееное дерево пропеллера, заглядывая через нос машины, чтобы увидеть орудия.

Это был пулемет системы Льюиса, калибра.303, на установке Фостера выше крыльев, – легкое, надежное и эффективное оружие для стрельбы поверх пропеллера, – а под ним на фюзеляже перед кабиной располагался более тяжелый «виккерс» с прерывателем огня, чтобы стрелять сквозь пропеллер. Два пулемета, наконец-то у них были два пулемета и мотор – достаточно мощный, чтобы нести их во время сражения.

Майкл испустил победный клич горцев, которому научил его Эндрю, а Эндрю, отвинтив крышку своей фляжки, брызнул виски на кожух мотора.

– Будь благословен этот воздушный змей и тот, кто полетит на нем! – пропел он, а потом сам глотнул из фляжки, прежде чем передать ее Майклу.

– Ты уже испытал его? – требовательно спросил Майкл.

Его голос прозвучал хрипло из-за жгучего виски, и он передал фляжку ближайшему из офицеров.

– А кто, черт побери, пригнал его сюда из Арраса, как ты думаешь? – язвительно ответил Эндрю.

– И как он в управлении?

– Точно как одна молодая леди, которую я знал в Абердине, – быстро поднимается, быстро опускается, а в промежутке мягко и нежен.

Собравшиеся пилоты радостно взвыли и засвистели, и кто-то выкрикнул:

– Когда нам удастся полететь на нем, сэр?

– По старшинству! – сообщил Эндрю и подмигнул Майклу. – Если только капитан Кортни уже готов к полету.

Он с насмешливым сочувствием покачал головой.

– Биггс! – заорал Майкл. – Где моя летная куртка, приятель?

– Я так и подумал, что она может вам понадобиться, сэр...

Биггс вышел из-за спин собравшихся и развернул куртку, чтобы Майкл сунул руки в рукава.

Мощный мотор «вулзли-вайпер» стремительно пронес SE5a по узкой и грязной взлетной полосе. Перед Майклом открывался широкий обзор. Он словно сидел на трибуне.

– Велю Маку снять это жалкое ветровое стекло, – решил он, – и тогда я смогу заметить любого ганса за сто миль!

Он поднял большую машину в воздух и усмехнулся, чувствуя, как она поднимается все выше.

Эндрю сказал – «быстрая», и теперь Майкл сам ощутил это: его вжало в сиденье, когда он повернул к горизонту, и SE5a понесся, как охваченный страстью ястреб.

– Не построили еще такой «альбатрос», который теперь сможет удрать от нас! – восторгался Майкл.

На высоте в пять тысяч футов он выровнялся и резко повернул самолет вправо, забирая все круче и круче, держа нос машины вверх; правое крыло почти вертикально повернулось к земле, и кровь отхлынула от мозга Майкла, отброшенная центробежной силой, так что перед глазами у него все стало серым, бесцветным; потом он развернул машину в противоположную сторону и закричал от восторга под порывами ветра и под рев огромного мотора.

– Давай, давай, черт побери! – Он обернулся, чтобы посмотреть на немецкую линию фронта. – Приходите, увидите, что мы тут для вас приготовили!

Когда он приземлился, другие пилоты окружили машину.

– Как он, Майкл?

– Как набирает высоту?

– Поворачивает хорошо?

И Майкл, стоя над ними на нижнем крыле, сложил пальцы и послал в небо воздушный поцелуй.

В тот день Эндрю повел свою эскадрилью все на тех же потрепанных и заплатанных старых «сопвичках» на главный аэродром в Бертангле, и они в нетерпении ждали перед третьим ангаром, когда наземные команды выкатят большие SE5a и построят их длинным рядом на бетонированной площадке.

Через своего дядю в штаб-квартире дивизии Эндрю добился присутствия фотографа. Пилоты выстроились вокруг Эндрю, как футбольная команда, перед новыми самолетами. Все были одеты как попало, ни на одном не было мундира Королевских воздушных сил. На них были фуражки и кожаные шлемы, а Эндрю, как всегда, красовался в своем шотландском берете. Кто-то надел укороченный морской бушлат, кто-то – кавалерийский китель или кожаную летную куртку; но на груди у каждого непременно сверкали крылья Королевских воздушных сил.

Фотограф установил тяжелую деревянную треногу и исчез под черным покрывалом, а его помощник стоял рядом со вспышкой. Лишь один из пилотов не присоединился к группе. Хэнк Джонсон был крепким маленьким техасцем, ему не исполнилось и двадцати, и он был единственным американцем в эскадрилье; до войны он работал объездчиком полудиких лошадей. Он за свой счет пересек Атлантику, чтобы присоединиться к эскадрилье «Лафайет», а оттуда уже добрался до двадцать первой эскадрильи Эндрю, состоявшей из шотландцев, ирландцев, колонистов и прочих отщепенцев.

Хэнк стоял за фотоштативом с толстой черной голландской сигарой в зубах и подавал глупые советы хлопотавшему фотографу.

– Иди сюда, Хэнк! – позвал его Майкл. – Нам нужна твоя милая мордашка, чтобы придать блеска снимку!

Хэнк потер свой кривой нос, сломанный одной из его диких лошадей, и покачал головой.

– Неужели никто из вас, ребята, не слышал, что фотографироваться – дурная примета?

Ему ответили неодобрительными возгласами, а он в ответ дружелюбно помахал сигарой.

– Валяйте! – предложил он. – Но моего папочку укусила гремучая змея ровно в тот день, когда он в первый раз сфотографировался.

– Там, в синева, гремучих змей не найдешь! – крикнул кто-то.

– Верно, – согласился Хэнк. – Но зато есть кое-что намного хуже, чем целое гнездо гремучек.

Язвительные выкрики стали тише. Мужчины переглянулись, а потом один дернулся, словно намереваясь покинуть группу.

– Улыбочку, джентльмены, пожалуйста!

Фотограф появился из-под черного покрывала, заставив пилотов застыть на месте, но улыбки у всех получились кривоватыми, когда был открыт объектив фотоаппарата и их изображения были запечатлены для потомства на пластинке, покрытой нитратом серебра.

Эндрю постарался как можно быстрее исправить настроение, едва все разошлись.

– Майкл, бери пятерых, – приказал он. – Мы даем тебе десять минут, и ты попытаешься нам помешать и перехватить до того, как мы доберемся до Морт-Ома.

Майкл повел свое звено из пяти самолетов в классическом построении для нападения из засады, против солнца, скрытого клочьями облаков, перекрывая обратный маршрут к Морт-Ому. И все равно Эндрю едва не ускользнул; он повел свою группу точно на юг и очень низко. Это помогло бы, будь у Майкла зрение чуть похуже; он заметил вспышку луча низко стоявшего солнца на ветровом стекле с расстояния в шесть миль и тут же выпустил красную сигнальную ракету, подавая знак: «Враг в поле зрения».

Эндрю, поняв, что его засекли, поднялся выше навстречу Майклу, и оба отряда дальше помчались вместе на изумительных машинах.

Майкл нашел взглядом SE5a своего друга и подлетел ближе, и они образовали замысловатый воздушный дуэт, заставляя могучие машины все набирать и набирать скорость, проверяя их возможности и выносливость на пределе; но ни одному из них не удалось добиться преимущества, пока, в общем случайно, Эндрю не зашел в хвост Майклу на опасное расстояние. Тогда Майкл дал полную скорость и развернулся, не кладя машину в крен, и хвост его SE5a заскользил в сторону, а Майкла отбросило вбок так, что его шея чуть не сломалась, и он уже неся прямо на Эндрю.

Они проскочили мимо друг друга, и только стремительные рефлексy опытных боевых пилотов спасли их от столкновения. Майкл тут же повторил рискованный разворот на месте, и его с такой силой швырнуло на стенку кабины, что отчасти зажившее плечо ударилось о раму и от боли у него все расплылось перед глазами. Тем не менее он мгновенно развернулся и пристроился Эндрю в хвост. Эндрю отчаянно метался из стороны в сторону, но Майкл повторял каждое его движение и не выпускал его из-под прицела «виккерса», подбираясь все ближе, пока его пропеллер чуть не задел машину Эндрю.

– Нги дла! – победоносно заорал Майкл. – Я поел!

Это был древний боевой клич племени зулусов, который выпускали воины короля Чаки, погружая длинный серебристый наконечник копья-ассегая в живую плоть.

Он заметил лицо Эндрю, отразившееся в зеркале заднего вида, которое висело на перекрещении креплений на крыле над его головой: глаза Эндрю были полны испуга и недоверия из-за невероятного маневра Майкла.

Эндрю пустил зеленую ракету – сигнал возвращения на аэродром и признания победы Майкла. Эскадрилья рассыпалась в небе, но при этом сигнале самолеты перестроились, и Эндрю повел их к Морт-Ому.

Как только они приземлились, Эндрю выскочил из кабины и побежал к Майклу; схватив его за плечи, он нетерпеливо встряхнул друга:

– Как ты это сделал? Черт побери, как ты это сделал?

Майкл быстро объяснил.

– Но это невозможно! – Эндрю покачал головой. – Разворот на плоскости... если бы я сам не видел... – Он умолк на секунду. – Давай попробуем еще раз.

Два больших самолета вместе промчались по узкой взлетной полосе, а вернулись лишь тогда, когда угасли последние лучи солнца. Оба пилота выпрыгнули из кабин и принялись обниматься, хлопать друг друга по спине и отплясывать, в своей толстой летной одежде напоминающая пару цирковых медведей. Наземная команда стояла в сторонке, снисходительно улыбаясь, но потом Мак, старший механик, вышел вперед и коснулся козырька фуражки:

– Прошу прощения, сэр. Но эта работа с покраской все равно что сборы моей свекрови на прогулку в воскресенье, сэр, дело долгое и грязное, помогите нам Бог.

На заводе самолеты выкрасили в тусклый серовато-коричневый цвет. Такой цвет предположительно должен был сделать их незаметными для врага.

– Зеленый! – тут же заявил Эндрю.

Очень немногие пилоты с обеих сторон, немецкой и британской, соглашались на защитную окраску. Для них машина являлась предметом гордости, и им хотелось раскрасить свои самолеты поярче, чтобы сразу заявить врагу о своем присутствии, бросая ему прямой вызов.

– Зеленый, – повторил Эндрю. – Ярко-зеленый, в тон моему шарфу, и не забудьте про летающий хаггис на носу!

– А мне желтый, Мак, будь любезен, – решил Майкл.

– Интересно, почему это я так и думал, что вы предпочтете желтый, мистер Майкл? – усмехнулся Мак.

– Ох, Мак, раз уж на то пошло, убери это дурацкое маленькое ветровое стекло и подтяни расчалки, ладно?

Все старослужащие верили, что если подтянуть расчалки и изменить угол крыльев, можно добавить к скорости несколько узлов.

– Я этим займусь, – пообещал Мак.

– Урегулируй все так, чтобы лететь без рук, – добавил Майкл.

Летчики-асы всегда беспокоились о таких вещах, все это знали. Если SE5a будет лететь прямо, пилот сможет убрать руки с рычагов управления и стрелять из обоих пулеметов.

– Без рук, сэр, – понимающе кивнул Мак.

– Да, и еще, Мак, наладь орудия на пятьдесят ярдов...

– Что-нибудь еще, сэр?

– Пока все. – Майкл усмехнулся в ответ на усмешку Мака. – Но я еще подумаю.

– Не сомневаюсь, сэр. – Мак покорно качнул головой. – Все будет готово к рассвету.

– Получишь бутылочку рома, если успеешь, – пообещал Майкл.

– А теперь, мальчик мой... – подошедший Эндрю обнял Майкла за плечи. – Как насчет того, чтобы выпить?

– Я уже думал, ты никогда не предложишь, – ответил Майкл.

Столовая была заполнена взволнованными молодыми людьми, все громко и страстно обсуждали новые машины.

– Капрал! – сквозь общий шум позвал работника столовой лорд Киллигерран. – Вся выпивка этим вечером – за мой счет, пожалуйста.

Пилоты ответили ему восторженными криками и поспешили вернуться к бару, чтобы как следует воспользоваться предложением.

Часом позже, когда у всех уже лихорадочно блестели глаза, а смех достиг пика, что Эндрю считал вполне подходящим, он постучал по барной стойке, требуя внимания, и торжественно заявил:

– Как великий чемпион игры в боку-боку в Абердине и всей Шотландии, не говоря уже о Гебридских островах, считаю правильным предложить всем присутствующим сыграть в эту древнюю и достойную игру.

– Вот как, древняя и достойная! – Майкл насмешливо покосился на Эндрю. – Ладно, поколочу твою команду, сэр.

Они бросили монетку, Майкл проиграл, и его команде пришлось построить пирамиду из тел у дальней стены столовой, в то время как прислуга столовой поспешно убирала подальше все, что могло разлиться. Потом парни из команды Эндрю одновременно ринулись к пирамиде через всю столовую и всеми силами обрушились на пирамиду, стараясь развалить ее и добиться чистой победы. Но если в процессе нападения какая-то часть их тел касалась пола, это означало немедленную дисквалификацию всей команды.

Команда Майкла выдержала стремительность и вес нападения, и наконец все восемь игроков команды Эндрю, стараясь, чтобы даже пальцем ноги или руки не задеть пол, взгромоздились, как стая обезьян, на пирамиду Майкла.

С вершины кучи Эндрю задал главный вопрос, который должен был означать блестящую победу или бесчестное поражение:

– Боку-боку, сколько пальцев я поднял?

Майкл, придавленный взгромоздившимися на него телами, предположил:

– Три?

– Два!

Эндрю утвердился в победе, и пирамида с угрюмым ворчанием развалилась; в воцарившемся хаосе Майкл придвинулся к уху Эндрю:

– Как ты думаешь, могу я позаимствовать сегодня вечером мотоцикл?

Эндрю, еще не отдышавшийся, скосил глаза на Майкла:

– Снова хочешь подышать свежим воздухом, мой мальчик?

И поскольку Майкл явно смутился и не нашел умного ответа, он продолжил:

– Все мое – твое, отправляйся с моим благословением и передай счастливце мое глубочайшее почтение, ладно?

Майкл оставил мотоцикл среди деревьев за амбаром и, неся связку армейских одеял, направился по грязи ко входу. Как только он перешагнул порог, вспыхнул свет – Сантэн подняла заслонку сигнального фонаря и направила луч ему в лицо.

– Добрый день, месье.

Она сидела на тюках соломы, подобрав под себя ноги, и проказливо улыбалась ему.

– Вот так сюрприз! Какая встреча!

Он вскарабкался на тюки и обнял ее.

– Ты рано пришла! – упрекнул он девушку.

– Папа рано лег спать...

Она не смогла продолжить, потому что губы Майкла закрыли ей рот.

– Я видела новые самолеты, – выдохнула Сантэн, когда они отодвинулись друг от друга. – Но не знала, который из них твой. Они все одинаковые. Меня беспокоит то, что я не могу отличить твой.

– Завтра мой снова станет желтым. Мак перекрасит его для меня.

– Нужно договориться о сигналах, – сказала Сантэн, забирая у него одеяла и начиная сооружать гнездышко между тюками.

– Если я вот так подниму руку над головой, это будет означать, что вечером мы встретимся в амбаре, – предложил он.

– Этого знака я буду ждать с нетерпением. – Сантэн улыбнулась и разгладила одеяла. – Иди сюда! – приказала она.

Голос ее сразу стал хрипловатым и мурлыкающим.

Много позже, когда она лежала, прижавшись ухом к обнаженной груди Майкла и прислушивалась к биению его сердца, он слегка пошевелился и прошептал:

– Сантэн, так не годится. Ты не можешь поехать со мной в Африку.

Она резко села и уставилась на него, сжав губы, а ее глаза, темные, как орудийное железо, угрожающе сверкнули.

– Я имел в виду, что скажут люди? Подумай о моей репутации – как я могу путешествовать с женщиной, на которой не женат?

Сантэн продолжала пристально смотреть на него, но ее губы уже начали складываться в улыбку.

– Но конечно, решение должно найтись. – Майкл сделал вид, что напряженно размышляет. – Есть! – Он щелкнул пальцами. – Что, если я женюсь на тебе?

Сантэн прижалась щекой к его груди.

– Только ради спасения твоей репутации, – прошептала она.

– Но ты еще не сказала «да».

– О да. Да! Миллион раз «да»!

И само собой, она тут же задала практический вопрос:

– Когда, Майкл?

– Как можно скорее. Я уже знаком с твоей семьей, а завтра ты познакомишься с моей.

– С твоей семьей? – Она отодвинулась от него на расстояние вытянутой руки. – Но твоя семья в Африке!

– Не вся, – заверил ее Майкл. – Основная часть здесь. Когда я говорю «основная часть», я не имею в виду количество, я подразумеваю наиболее важную ее часть.

– Не понимаю.

– Ты поймешь, *ma chéri*, ты поймешь, – заверил ее Майкл.

Майкл объяснил Эндрю, что именно он задумал.

– Если ты попадешься, я буду отрицать, что знал хоть что-то об этой гнусной идее. Более того, я буду с огромным удовольствием председательствовать на трибунале и сам стану руководить расстрельной командой! – предупредил его Эндрю.

Майкл расхаживал по полосе твердой земли на краю северного поля поместья де Тири, самого дальнего от летной базы. Он проскользнул на ярко-желтом SE5a за рядом дубов, что ограждали поле, а потом, перелетев семифутовую каменную стену, посадил самолет на землю. Оставив мотор работать на холостом ходу, он выбрался на крыло.

Сантэн уже бежала к нему от угла стены, где стояла в ожидании. Майкл увидел, что она точно выполнила все его инструкции и оделась тепло: на ней были подбитые мехом ботинки, желтая шерстяная юбка, на шее – желтый шелковый шарф. Кроме того, она надела роскошную накидку из чернубурой лисы, и капюшон подпрыгивал на ее спине, когда она бежала. На плече девушки висела мягкая кожаная сумка на ремне.

Майкл прыгнул на землю и поднял Сантэн на крыло.

– Видишь? Я надела все желтое, твой любимый цвет!

– Умница! Вот, надень это.

Он достал из кармана шинели летный шлем, который стащил заранее, и показал Сантэн, как спрятать под него пышные волосы и застегнуть пряжку под подбородком.

– Я выгляжу романтично? – спросила она, позируя перед ним.

– Ты выглядишь потрясающе.

Это было правдой. Щеки Сантэн покраснели от волнения, глаза сверкали.

– Вперед!

Майкл снова влез на крыло и опустился в крохотную кабину.

– Она такая маленькая...

Сантэн колебалась, стоя на крыле.

– И ты тоже, но я думаю, ты еще и немножко боишься, да?

– Боюсь? Ха!

Сантэн одарила его презрительным взглядом и полезла в кабину.

Последовали хлопоты по укладке юбки девушки вокруг ее коленей, потом Майкл постарался посадить ее к себе на колени, чтобы не слишком нарушить равновесие машины... Майкл не смог удержаться от искушения и, когда девушка оказалась на его коленях, запустил руку к ней под юбку, почти до самой развилки между соблазнительными бедрами. Сантэн сердито взвизгнула:

– Вы просто наглец, месье! – И хлопнула его по колену.

Майкл застегнул ремень безопасности на них обоих, потом ткнулся носом в шею Сантэн под краем шлема:

– Ты теперь в моей власти. Тебе не сбежать.

– Не уверена, что мне этого хочется, – хихикнула Сантэн.

Понадобилось еще несколько минут, чтобы они приладили все юбки и меха Сантэн и убедились, что Майкл сможет управлять самолетом, притом что к его коленям была пристегнута Сантэн.

– Все, готово, – сообщил он наконец.

Он отвел самолет к концу поля, оставляя как можно больше места для взлета, потому что земля была рыхлой, а полоса – короткой. Он велел Маку убрать боеприпасы обоих пулеметов и слить охладитель «виккерса», что почти на шестьдесят фунтов облегчило самолет, но все равно машина была слишком перегружена для той полосы, что имелась в их распоряжении.

– Держись! – сказал Майкл на ухо Сантэн, открывая дроссель.

Большой самолет рванулся вперед.

– Слава богу, ветер южный, – пробормотал Майкл, чувствуя, как самолет отрывается от земли и поднимает их в воздух.

Когда они перелетели через стену, Майкл слегка накренил самолет влево над дубами, и они пошли вверх.

Майкл чувствовал, как напряжена на его коленях Сантэн, и подумал, что она действительно по-настоящему боится. Он даже разочаровался немного.

– Тебе ничто не грозит! – крикнул он ей сквозь рев мотора.

Девушка повернула голову, и Майкл увидел в ее взгляде не страх, а иступленный восторг.

– Это прекрасно! – крикнула она и поцеловала Майкла.

Знание того, что она разделяет его страсть к полету, восхитило Майкла.

– Мы пролетим над особняком, – сообщил он и снова резко положил самолет на крыло, снижаясь.

Для Сантэн это стало вторым самым изумительным переживанием за всю ее жизнь, это было куда лучше верховой езды или музыки, почти так же хорошо, как любовь Майкла. Она была птицей, орлом, ей хотелось кричать от радости, хотелось навсегда удержать это мгновение. Она желала всегда быть в вышине, чтобы бешеный ветер завывал вокруг, а сильные руки любимого мужчины обнимали ее, защищая.

Внизу открывался новый мир – знакомые с самого раннего детства места она видела теперь из другого, чарующего измерения.

– Наверное, ангелы именно так видят наш мир! – закричала она, и Майкл улыбнулся этой фантазии.

Особняк уже вырисовывался впереди – Сантэн и не осознавала прежде, какой он большой, какая у него чудесная розовая крыша из обожженной черепицы. А еще там был Ньюж, на поле за конюшней, – он скакал вперегонки с ревущим желтым самолетом, и Сантин засмеялась и крикнула:

– Беги, мой милый!

А потом они промчались над ним, и Сантэн увидела в огороде Анну – та выпрямилась над грядкой, заслышав гул мотора, и, прикрывая глаза ладонью, всмотрелась в самолет. Она была так близко, что Сантэн увидела, как нахмурилось ее красное лицо; девушка наклонилась из кабины. Желтый шарф летел за ней, когда она помахала рукой, и на морщинистом лице Анны отразилось недоверие, когда они пролетели мимо.

Сантэн хохотала и кричала Майклу:

– Давай выше! Выше!

Он повиновался; Сантэн не затихала ни на минуту, она вертелась и подпрыгивала на его коленях, наклонялась из кабины то в одну сторону, то в другую.

– Смотри, смотри! Там женский монастырь... О, если бы монахини увидели меня сейчас! А там канал... а там кафедральный собор Арраса... О, а там...

Ее восторженный энтузиазм заражал, и Майкл смеялся вместе с ней, а когда она снова повернула к нему голову, поцеловал ее, но Сантэн тут же отклонилась.

– Нет, я не хочу пропустить ничего!

Майкл летел на аэродром главной воздушной базы в Бертангле; взлетные полосы образовывали крест плотного зеленого торфа в лесу, а ангары и здания пристроились в концах этого креста.

– Послушай, – закричал Майкл в ухо Сантэн, – ты должна как можно ниже наклонить голову, когда мы будем приземляться!

Сантэн кивнула.

– А когда скажу, – продолжал он, – спрыгивай вниз и беги к деревьям. Справа увидишь каменную стену. Иди вдоль нее триста метров, пока не доберешься до дороги. И жди там.

Майкл описал идеальный круг над Бертанглем, заодно всматриваясь в базу в поисках какой-нибудь повышенной активности, которая говорила бы о присутствии старших офицеров или других возможных помех. Перед ангарами стояло с полдюжины самолетов, и Майкл увидел одного-двух человек, работавших там или просто бродивших между строениями.

– Похоже, все чисто! – пробормотал он и повернул навстречу ветру для последнего захода.

Сантэн съежилась на его коленях, с земли ее не было видно.

Майкл зашел к полосе высоко, как какой-нибудь новичок; он еще находился на высоте в пятьдесят футов, когда миновал ангары, шасси коснулись дальнего конца полосы, и Майкл позволил машине прокатиться почти до лесной опушки, прежде чем развернул ее бортом к деревьям и резко нажал на тормоз.

– Спрыгивай и беги! – приказал он Сантэн, высаживая ее из кабины.

Скрытая фюзеляжем от ангара и зданий, она подобрала юбку, сунула под мышку свою кожаную сумку и помчалась к деревьям.

Майкл вернулся к ангарам и остановил самолет на бетонированной площадке перед ними.

– Вам надо бы расписаться в журнале, сэр, – сказал ему сержант-механик, как только Майкл спрыгнул на землю.

– В журнале?

– Новое правило, сэр; все полеты теперь регистрируются.

– Чертов бюрократизм, – проворчал Майкл. – Ничего не сделать теперь без бумажки.

Но он отправился на поиски дежурного офицера.

– Ох, Кортни, там для вас уже машина приготовлена.

Водитель ждал у колеса черного «роллс-ройса», припаркованного за первым ангаром. Едва завидев Майкла, он выпрямился.

– Нкозана! – восторженно улыбнулся он.

Его зубы сверкнули на фоне темного луноподобного лица, и он с такой энергией отсалютовал Майклу, что сбил с места козырек фуражки. Это был высокий молодой зулус, ростом даже выше Майкла, одетый в мундир цвета хаки, на котором красовались знаки различия Африканского корпуса.

– Сангане!

Майкл отсалютовал в ответ, широко улыбаясь, а потом, подавшись порыву, обнял молодого человека.

– Увидеть тебя – все равно что вернуться домой, – с легкостью заговорил Майкл на языке зулусов.

Они выросли вместе, бродили по травянистым желтым холмам Зулуленда с собаками и охотничьими дубинами. Плавали в прохладных зеленых заводях реки Тугелы, ловили угрей, длинных, как их руки. Жарили свою добычу на дымном костре, лежали рядом ночами, всматриваясь в звезды и серьезно обсуждая свои возможности, решая, как они будут жить в будущем, какой мир построят, когда станут взрослыми.

– Какие новости из дома, Сангане? – спросил Майкл, когда зулус открыл дверцу «роллс-ройса». – Как дела у твоего отца?

Мбежане, отец Сангане, был старым служащим и другом Шона Кортни, он происходил из королевского дома Зулу и следовал за хозяином на все войны, но теперь постарел, растерял силы и был вынужден отправить вместо себя сына.

Они оживленно разговаривали, пока Сангане вел «роллс» с авиабазы и поворачивал на главную дорогу. Майкл, сидя сзади, снял летнюю куртку и остался в парадной форме с «крылышками» и всеми знаками отличия.

– Остановись вон там, Сангане, у деревьев.

Майкл вышел из машины и обеспокоенно позвал:

– Сантэн!

Она вышла из-за одного из стволов, и Майкл задохнулся, увидев ее. Сантэн воспользовалась имевшимся у нее временем, чтобы навести красоту, и теперь Майкл понял, зачем она прихватила с собой сумку. Майкл до сих пор ни разу не видел, чтобы Сантэн подкрашивалась, но она наложила косметику с таким искусством, что поначалу он просто не понял причин преображения. Казалось, что просто вся ее красота усилилась, глаза засверкали ярче, кожа стала более светящейся и жемчужной.

– Как ты прекрасна! – выдохнул Майкл.

Она уже не была женщиной-девочкой, в ней появились новые самообладание и уверенность, и Майкл преисполнился благоговением.

– Как ты думаешь, я понравлюсь твоему дяде? – спросила она.

– Да он в тебя влюбится... любой мужчина влюбился бы!

Желтый костюм имел необычный оттенок, который словно золотил кожу Сантэн и бросал золотые отблески на ее темные глаза. Поля шляпы-котелка были узкими с одной стороны и широкими с другой, где к ним был приколот пучок зеленых и желтых перьев. Под жакет Сантэн надела блузку из чудесного кремового китайского шелка с высоким кружевным воротником, которая подчеркивала линию горла и грациозную посадку головы. Ботинки исчезли, их сменили элегантные туфли.

Майкл схватил ее руки и почтительно поцеловал их, а потом повел к лимузину.

– Сангане, эта женщина скоро станет моей женой.

Зулус одобрительно кивнул, оценивая Сантэн, как оценил бы какую-нибудь лошадку или молодую породистую телочку.

– Пусть она принесет тебе много сыновей, – сказал он.

Когда Майкл перевел его слова, Сантэн вспыхнула и засмеялась.

– Поблаговари его, Майкл, но скажи, что мне хотелось бы иметь хотя бы одну дочурку.

Она окинула взглядом роскошную внутренность «роллса».

– А что, у всех английских генералов такие вот машины?

– Мой дядя привез ее с собой из Африки. – Майкл провел ладонью по мягкой коже сиденья. – Это подарок от моей тети.

– Твой дядя обладает стилем, раз отправился на войну в подобной колеснице, – кивнула Сантэн. – А у твоей тети отличный вкус. Надеюсь, однажды и я смогу преподнести тебе такой же дар, Майкл.

– Мне ужасно хочется тебя поцеловать, – признался он.

– Только не на людях, – чопорно возразила Сантэн. – Но можешь делать это сколько угодно, когда мы останемся одни. А теперь скажи, нам далеко ехать?

– Миль пять или около того, но, учитывая, сколько машин на дороге, одному богу известно, сколько времени это займет.

Они повернули на главную дорогу между Аррасом и Амьеном; она была забита военным транспортом – перевозимыми орудиями и санитарными машинами, тяжелыми грузовиками, конными фургонами и телегами, а по обочинам маршировали солдаты, согнувшиеся под тяжелыми ранцами, в стальных шлемах, делавших их похожими на грибы.

Майкл замечал негодующие и завистливые взгляды, когда Сангане вел сверкающий лимузин сквозь медлительную массу машин. Мужчины, месившие грязь, заглядывали внутрь и видели элегантного офицера с хорошенькой девушкой, сидевшей рядом с ним на мягкой коже. Однако большинство мрачных взглядов сменялись улыбкой, когда Сантэн махала им рукой.

– Расскажи мне о своем дяде, – потребовала она, поворачиваясь к Майклу.

– О, он совершенно обычный человек, и говорить-то не о чем. Его выгнали из школы за то, что он поколотил директора, он сражался с зулусами на войне и убил первого врага еще до того, как ему исполнилось восемнадцать, заработал первый миллион фунтов стерлингов до двадцати пяти лет, а потом все потерял за один день. Подстрелил несколько сотен слонов, когда был профессиональным добытчиком слоновой кости, и убил леопарда голыми руками. А потом, во время бурской войны, взял в плен генерала буров Леру, почти без посторонней помощи, заработал еще один миллион после войны, помогал разрабатывать договор союза в Южной Африке. Он был членом кабинета министров в правительстве Луиса Боты, но ушел в отставку, чтобы отправиться на эту войну. Теперь он командует полком. Ростом он чуть больше шести футов и может поднять каждой рукой по мешку с маисом весом в двести фунтов.

– Майкл, я боюсь встречаться с таким человеком! – совершенно серьезно сказала Сантэн.

– Да с какой стати...

– Я боюсь, что могу влюбиться в него.

Майкл восторженно захохотал.

– Я тоже этого боюсь. И боюсь, что он влюбится в тебя.

Штаб-квартира полка временно располагалась в брошенном монастыре на окраине Амьена. Территория монастыря была неухожена и заросла, потому что монахи ушли отсюда еще во время сражений прошлой осенью, а кусты рододендронов превратились в настоящие джунгли. Здания красного кирпича обросли мхом, выющаяся глициния добралась до самых крыш. Кирпичи же были испещрены следами выстрелов.

У главного входа их встретил молодой лейтенант:

– Вы, должно быть, Майкл Кортни... а я Джон Пирс, адъютант генерала.

– А, привет! – Майкл пожал ему руку. – А что случилось с Ником ван дер Хеевером?

Ник учился вместе с Майклом в школе и был адъютантом генерала Кортни с тех пор, как их полк прибыл во Францию.

– Ох, вы разве не слышали?

Джон Пирс помрачнел, это было такое знакомое выражение в дни войны... оно появлялось на лицах, когда спрашивали о ком-то из знакомых.

– Боюсь, Ник перебрался в лучший мир.

– О боже, нет!

– Боюсь, это так. Он был на линии фронта вместе с вашим дядей. И его достал снайпер. Но внимание лейтенанта рассеивалось. Он не мог отвести глаз от Сантэн. Майклу пришлось представить их друг другу, а потом прервать восторженную пантомиму лейтенанта.

– Где мой дядя?

– Он просил вас подождать.

Лейтенант повел их в маленький внутренний садик, скорее всего принадлежавший настоящему. Здесь стены опутали плетистые розы, а в центре садика на аккуратной лужайке красовались солнечные часы на резном постаменте.

В углу садика, куда проникало солнце, был накрыт стол на троих. Дядя Шон не изменял своему стилю – Майкл сразу отметил старинное серебро и хрусталь мануфактуры «Стюарт».

– Генерал придет, как только сможет, но он просил меня предупредить вас, что обед будет коротким. Весеннее наступление, сами понимаете... – Лейтенант махнул рукой в сторону графинов на маленьком сервировочном столике. – А пока могу я предложить вам шерри или что-нибудь покрепче?

Сантэн отрицательно качнула головой, но Майкл принял предложение.

– Покрепче, пожалуйста, – сказал он.

Хотя Майкл любил дядю так же, как родного отца, он все же нервничал из-за встречи после долгого расставания. И ему нужно было как-то успокоиться.

Адъютант налил Майклу виски.

– Надеюсь, вы меня простите, но я должен кое-что сделать...

Майкл жестом отпустил его и взял Сантэн за руку.

– Смотри, бутоны уже скоро превратятся в розы... и в нарциссы... – сказала она, прислоняясь к нему. – Все снова возвращается к жизни.

– Не всё, – мягко возразил Майкл. – Для солдат весна – время смерти.

– О Майкл... – начала было Сантэн, но умолкла и посмотрела в сторону стеклянной двери с выражением, заставившим Майкла быстро обернуться.

Из двери выходил мужчина – высокий, прямой и широкоплечий. Он остановился, увидев Сантэн, и окинул ее пристальным оценивающим взглядом. Его глаза были синими, борода густой, но аккуратно подстриженной так же, как у короля.

«Глаза Майкла!» – подумала Сантэн, глядя прямо в них.

Но эти глаза были куда более жесткими, поняла она.

– Дядя Шон! – воскликнул Майкл и отпустил руку Сантэн.

Он шагнул вперед, чтобы пожать руку дяде, и суровые глаза посмотрели на него и смягчились.

– Мой мальчик!

«Он его любит, – поняла Сантэн. – Они очень крепко любят друг друга».

Она всмотрелась в лицо генерала. Оно загорело и обветрилось, как дубленая кожа, в углах рта и вокруг этих невероятных глаз залегли глубокие морщины. Нос генерала был большим, как у Майкла, и крючковатым, лоб широким и высоким, и над ним была густая темная шапка волос, пробитых серебром, которое блестело на весеннем солнце.

Они быстро заговорили, не выпуская рук друг друга, обменивались радостными замечаниями, и, пока Сантэн наблюдала за ними, она осознала всю глубину их сходства.

«Они одинаковые... разница лишь в возрасте и силе. Скорее похожи на отца и сына, чем...»

Пронзительные синие глаза блеснули, когда он снова посмотрел на нее.

– Значит, это та самая юная леди.

– Позволь представить тебе мадемуазель де Тири. Сантэн, это мой дядя, генерал Шон Кортни.

– Майкл много рассказывал о вас... очень много...

Сантэн с запинкой заговорила по-английски.

– Говори на фламандском! – быстро произнес Майкл.

– Майкл много о вас рассказывал, – подчинилась она.

Генерал весело ухмыльнулся.

– Вы говорите на африкаансе! – ответил он на том же языке.

Когда он улыбался, он становился другим человеком. Та дикая, почти жестокая нотка, которую ощутила Сантэн, выглядела теперь иллюзорной.

– Это не африкаанс, – возразила она.

Они тут же принялись оживленно обсуждать это и спорить, и уже через несколько минут Сантэн поняла, что генерал ей нравится, нравится из-за его сходства с Майклом, а также из-за той огромной разницы, которую она отметила между ними.

– Давайте наконец поедим! – воскликнул Шон Кортни, беря Сантэн за руку. – У нас мало времени.

Он усадил девушку за стол.

– Майкл, ты садись сюда... пусть он разрежет цыпленка. А я займусь вином.

Шон предложил им тост:

– За тот день, когда мы втроем встретимся в следующий раз!

Они с удовольствием выпили, остро осознавая, что кроется за этими словами, хотя гром орудий сюда не доносился.

Они продолжили легкий разговор; генерал быстро и без усилий заполнял любую неловкую паузу, и Сантэн видела, что за всей этой грубоватой внешностью скрывается добрый человек, но при этом она отмечала и пронизательность его взгляда, и оценку в этих глазах.

«Отлично, mon général¹⁹, – думала она с вызовом, – смотри сколько хочешь, но я – это я, и Майкл мой!»

Вскинув подбородок, она ответила ему прямым взглядом, без какого-либо жеманства или колебаний, и наконец увидела его улыбку и почти незаметный кивок.

«Вот, значит, кого выбрал Майкл, – размышлял Шон. – Я бы, конечно, хотел надеяться, что он выберет девушку из своего народа, чтобы она говорила на его языке и разделяла его веру. Мне бы хотелось лучше узнать ее, прежде чем я дам свое благословение. И мне бы хотелось, чтобы у них было больше времени узнать друг друга, но как раз времени-то и нет. Завтра или через день... бог знает, что произойдет. Разве я стану мешать тому, что может оказаться их единственным моментом счастья навеки?»

Он еще мгновение-другое всматривался в Сантэн, ища признаки злобы или расчетливости, слабости или тщеславия, но видел только решительно вздернутый маленький подбородок, губы, готовые улыбаться, но также с легкостью сурово сжимавшиеся, и темные умные глаза. «Она сильная и гордая, – решил генерал. – Но, думаю, будет и преданной, способной выдержать многое».

Он улыбнулся и кивнул. Увидел, как девушка слегка расслабилась, и заметил искреннюю любовь и приязнь в ее глазах, перед тем как она повернулась к Майклу.

– Ладно, мой мальчик, ты ведь прилетел сюда не для того, чтобы грызть эту жилистую птичку. Объясни, зачем прибыл? Посмотрим, сумеешь ли ты меня удивить.

– Дядя Шон, я просил Сантэн стать моей женой.

Шон аккуратно вытер усы и положил салфетку на стол.

---

¹⁹ Мой генерал (фр.).

«Не испорти все, – мысленно предостерег он себя. – Не наведи даже малейшей тени на их счастье».

Он посмотрел на молодых людей и заулыбался:

– Ты меня не удивил, а прямо ошеломил! Я уже и ждать перестал, что ты совершишь что-нибудь разумное. – Он повернулся к Сантэн. – Конечно же, юная леди, вы обладаете достаточной долей здравого смысла, чтобы отказать ему?

– Увы, генерал, со стыдом признаюсь, что это не так. Я приняла предложение.

Шон с нежностью посмотрел на Майкла:

– Счастливчик! Она слишком хороша для тебя, но теперь постарайся, чтобы она не сбегала.

– Не беспокойтесь, сэр. – Майкл облегченно засмеялся.

Он не ожидал столь мгновенного согласия. Старина Шон продолжал удивлять его. Он протянул руку через стол к руке Сантэн, и девушка посмотрела на него с некоторым замешательством.

– Спасибо, генерал, но вы ведь ничего обо мне не знаете... или о моей семье.

Она прекрасно помнила допрос, учиненный Майклу ее отцом.

– Не думаю, что Майкл собирается жениться на вашей семье, – прозаично откликнулся Шон. – А что до вас, моя дорогая... Ну, я один из лучших знатоков лошадей во всей Африке, скажу без ложной скромности. И могу с легкостью оценить любую, как только ее увижу.

– Вы называете меня лошадкой, генерал? – насмешливо поинтересовалась Сантэн.

– Я называю вас чистокровной лошадкой и удивлюсь, если вы не из провинции родом и не умеете ездить верхом, и если в вас не течет весьма неплохая кровь... Скажите, если я ошибаюсь, – подстрекнул ее генерал.

– Ее папа граф, скачет она как кентавр, и у них есть поместье, где было множество виноградников, пока гансы все не разгромили.

– Ха! – победоносно воскликнул Шон.

Сантэн вскинула руки, сдаваясь:

– Он все знает, твой дядя!

– Не все, – возразил Шон, снова обращаясь к Майклу. – Когда вы намерены это сделать?

– Мне бы хотелось, чтобы мой отец... – Майкл не закончил фразу. – Но у нас мало времени.

Шон, прекрасно знавший, насколько у них мало этого самого времени, кивнул:

– Уверен, твой отец поймет.

– Мы хотим пожениться до начала весеннего наступления, – продолжил Майкл.

– Да. Понимаю. – Шон нахмурился и вздохнул.

Некоторые люди его звания могли хладнокровно посылать молодых людей в бой, но он не был настолько профессионалом, как они. И он знал, что никогда не ожесточится до такой степени, чтобы перестать чувствовать стыд и боль, отправляя других умирать. Он начал было говорить, но умолк, снова вздохнул, и лишь потом продолжил:

– Майкл, информация только для тебя. Хотя ты в любом случае скоро все узнаешь. Уже готов приказ всем боевым эскадрильям. Приказано не допустить воздушного наблюдения врагов за нашим фронтом. Мы отправим все наши эскадрильи на сдерживание немецких корректировщиков, чтобы они не смогли помешать нашим приготовлениям в следующие недели.

Майкл сидел молча, обдумывая слова дяди. Они означали, что очень скоро начнутся непрерывные жестокие бои с эскадрильями «Ягдстаффель». Его предупреждали, что лишь немногие из боевых пилотов могут рассчитывать выжить в этих сражениях.

– Спасибо, сэр, – тихо произнес он. – Мы с Сантэн поженемся скоро... так скоро, как только сможем. Могу я надеяться, что и ты будешь присутствовать, дядя?

– Я могу только обещать, что постараюсь, насколько смогу. – Шон увидел Джона Пирса, вернувшегося в сад. – В чем дело, Джон?

– Прошу прощения, сэр. Срочная депеша от генерала Роулинсона.

– Иду. Дай мне две минуты.

Он повернулся к своим молодым гостям:

– Чертовски неудачный обед, вы уж извините.

– Вино было прекрасным, а компания еще лучше, – нежно проворковала Сантэн.

– Майкл, иди найди «роллс» и Сангане. Я хочу перемолвиться словечком с юной леди наедине.

Он предложил Сантэн руку, и они вслед за Майклом вышли из маленького садика, по крытой галерее направляясь к главному каменному входу монастыря. Только оказавшись рядом с генералом, Сантэн осознала, насколько он огромный и что он слегка прихрамывает.

Генерал заговорил негромко, но с силой, слегка наклоняясь к девушке и подчеркивая каждое слово:

– Майкл отличный молодой человек, он добрый, вдумчивый, чувствительный. Но у него нет той безжалостной энергии, которая необходима в этом мире, чтобы подняться на вершины. – Шон умолк, и Сантэн внимательно посмотрела на него. – Но я думаю, что у вас эта сила есть. Вы пока очень молоды, однако я верю, что вы станете еще сильнее. И я хочу, чтобы вы были сильной ради Майкла.

Сантэн кивнула, не находя слов для ответа.

– Будьте сильной ради моего сына, – тихо добавил Шон.

Сантэн вздрогнула.

– Вашего сына?

Она увидела в его глазах ужас, который генерал тут же попытался замаскировать, поправившись:

– Виноват, мы с его отцом близнецы... и иногда я именно так думаю о Майкле.

– Да, понимаю...

Но Сантэн каким-то образом почувствовала, что это не было ошибкой. «Ладно, придет день, и я во всем разберусь», – подумала она.

А Шон повторил:

– Смотрите за ним как следует, Сантэн, и я стану вашим другом до самых ворот ада.

– Обещаю, я так и сделаю.

Сантэн сжала руку генерала, и они как раз подошли уже к выходу, где их ждал с лимузином Сангане.

– Au revoir²⁰, генерал, – попрощалась Сантэн.

– Да, – кивнул Шон. – До встречи.

Он помог ей сесть на заднее сиденье «роллса».

– Я сообщу, как только мы назначим день, сэр. – Майкл пожал руку дяде.

– Если даже я не смогу там присутствовать, желаю тебе счастья, мой мальчик, – ответил Шон Кортни.

Проводив взглядом лимузин, степенно удалявшийся по подъездной дороге, генерал нетерпеливо встряхнулся и быстро зашагал обратно по галереям.

Спрятав в мягкую кожаную сумку шляпу, украшения и туфли, снова надев подбитые мехом ботинки и летный шлем, Сантэн притаилась на краю леса.

Когда Майкл подогнал свой самолет к тому месту, где она ждала, и развернул его бортом к строениям аэропорта, Сантэн стремительно выскочила из укрытия, бросила ему сумку

---

²⁰ До свидания (фр.).

и взобралась на крыло. На этот раз она не колебалась и залезла в кабину, как какой-нибудь старослужащий.

– Пригни голову, – показал Майкл.

Он повернул самолет на взлетную полосу.

– Порядок! – сообщил он ей, как только они оторвались от земли.

Девушка тут же выпрямилась, ощущая такое же волнение, как во время первого полета.

Они поднимались все выше и выше.

– Смотри, облака похожи на заснеженные поля... а солнце рождает в них множество радуг!

Сантэн снова вертелась на коленях Майкла, оглядываясь на хвост аэроплана, а потом в ее глазах появилось странное выражение, и она как будто потеряла интерес к радугам.

– Майкл!

Она снова повернулась на его коленях, но теперь как бы раздумывая.

– Майкл...

Раздумья закончились, и упругие круглые ягодички соблазнительно качнулись, заставив Майкла дернуться.

– Извини...

Он отчаянно пытался уйти от этого прикосновения, но ягодички Сантэн преследовали его; она повернулась к нему корпусом так, чтобы обхватить обеими руками его шею, и что-то шепнула ему на ухо.

– Но ведь не среди бела дня... и не на высоте в пять тысяч футов!

Майкл был потрясен ее предложением.

– А почему нет, *mon chéri*?²¹ – Сантэн одарила его продолжительным поцелуем. – Никто ведь не узнает.

Майкл заметил, что самолет упал на крыло и начинает медленно опускаться по спирали. Он поспешно выровнял машину, а Сантэн обняла его и начала медленно, в соблазнительном ритме двигаться на его коленях.

– Разве тебе не хочется? – спросила она.

– Да, но... никто прежде ничем таким не занимался, уж точно не в SE5a. Не знаю, возможно ли это вообще...

Голос Майкла ослабел, самолет дергался в воздухе.

– Вот мы и выясним, – решительно заявила Сантэн. – Ты ведешь самолет и не суетишься.

Она слегка передвинулась и начала поднимать меховую накидку и желтую юбку.

– Сантэн... – неуверенно пробормотал Майкл. И чуть позже уже увереннее: – Сантэн! – А еще позже: – Ох, боже мой, Сантэн...

– Видишь, это возможно! – победоносно воскликнула она.

Почти в то же мгновение ее охватили ощущения, о которых девушка и не подозревала прежде. Она словно взлетела куда-то, отделяясь от собственного тела и унося с собой душу Майкла... Сначала Сантэн испугалась силы и новизны такого переживания, а потом все остальные эмоции были сметены этим новым явлением.

Сантэн как будто взлетала и кружилась, вверх и вниз, а вокруг нее ревел ветер, и опоясанные радугами облака колыхались со всех сторон... А потом она услышала собственный крик и сунула в рот сразу все пальцы, чтобы приглушить его, но он был слишком сильным, чтобы его сдержать; Сантэн, запрокинув голову, кричала, рыдала и смеялась, испытав чудо. И снова добиралась до вершины и падала по другую сторону приборя, и летела, кружась, а потом легко, как снежинка, возвращалась в собственное тело, чувствуя вокруг себя руки Майкла, слыша, как он стонет и задыхается у ее уха. И, прижавшись к нему, выкрикнула:

---

²¹ Мой дорогой (*фр.*).

– Как я люблю тебя, Майкл! Я всегда буду тебя любить!

Мак поспешил навстречу Майклу, как только тот заглушил мотор и выбрался из кабины.

– Вы как раз вовремя, сэр. В столовой собрание пилотов. Майор уже спрашивал о вас... вам лучше бы поспешить, сэр.

А затем, когда Майкл уже зашагал по настилу к столовой, крикнул вслед:

– Как он летает, сэр?

– Как птица, Мак! Только перезаряди для меня пулеметы.

«Он же в первый раз вот так сразу ушел от машины», – с удивлением подумал Мак, провожая Майкла взглядом.

Столовая была битком набита пилотами, все стулья и кресла оказались заняты, а кто-то из новичков остался стоять у задней стены. Эндрю сидел на стойке бара, раскачивая ногами и посасывая янтарный мундштук. Но вынул его изо рта, когда в дверях появился Майкл.

– Джентльмены, нам выпала честь! Капитан Майкл Кортни любезно согласился присоединиться к нам. Несмотря на все неотложные и важные дела он был достаточно добр, чтобы уделить нам часок-другой и помочь разрешить наши небольшие разногласия с кайзером Вильгельмом Вторым. Думаю, мы должны выразить нашу признательность.

Пилоты засвистели и замяукали, а кто-то громко фыркнул.

– Варвары! – высокомерно бросил Майкл и опустился в кресло, поспешно освобожденное для него каким-то новичком.

– Вам удобно, сэр? – заботливо поинтересовался Эндрю. – Вы не против того, чтобы я продолжил? Отлично! Итак, как я уже говорил, наша эскадрилья получила срочный приказ, доставленный мотоциклистом менее полутора часов назад прямо из штаб-квартиры дивизии.

Он поднял руку и помахал листком, другой рукой зажав себе нос, так что его голос звучал гнусаво, когда он продолжил:

– Вы сможете почуять запах его литературного стиля и его содержания, не сходя со своих мест...

Несколько человек вежливо ухмыльнулись, но глаза, наблюдавшие за Эндрю, нервно косили. Тут и там пилоты ерзали на местах, шаркали ногами, один из «старичков» с хрустом разминал кисти, другой грыз ноготь на большом пальце, а Майкл бессознательно дул на кончики пальцев, потому что все они знали: этот листок грубой желтой бумаги в руке Эндрю мог быть их смертным приговором.

Вытянув руку с приказом перед собой, Эндрю прочитал:

Из штаб-квартиры дивизии в Аррасе.

Старшему офицеру эскадрильи № 21 Королевских воздушных сил.

У Морт-Ома.

С 24:00 4 апреля 1917 года вы будете любой ценой предотвращать всякое воздушное наблюдение противника в выделенном Вам секторе до получения противоположного приказа.

– Это все, джентльмены. Четыре строчки, пустячок, но позвольте мне указать вам на вот эти короткие слова – «любой ценой», не задерживая на них особого внимания.

Он замолчал и медленно обвел взглядом столовую, отмечая напряженность исхудавших лиц.

«Боже мой, посмотреть только, как они все постарели, – совсем некстати подумал он. – Хэнк выглядит на все пятьдесят, а Майкл...»

Эндрю посмотрел в зеркало над каминной полкой и, когда увидел собственное отражение, нервно провел ладонью по лбу, волосы над которым за последние несколько недель отсту-

пили назад, оставив пятна розового черепа, как пляж после отлива. Он бессознательно уронил руку и продолжил:

– Начиная с пяти утра завтрашнего дня все пилоты будут совершать четыре вылета в день до следующего распоряжения, – сообщил он. – Будут и обычные утренние и вечерние разведывательные полеты, но с этого момента они будут проводиться силами всей эскадрильи. – Эндрю посмотрел вокруг, ожидая вопросов; вопросов не было. – Потом каждый самолет будет совершать два дополнительных вылета для разведки, один час в полете, два часа отдыха. Или, как сказали бы наши друзья из военно-морского флота, «бди и бди». Таким образом мы сможем установить непрерывное присутствие над доверенной нам территорией.

Все снова зашевелились, а потом головы повернулись к Майклу, потому что он был старшим по званию и их естественным представителем. Майкл подул на пальцы, потом внимательно посмотрел на каждого:

– Есть вопросы?

Хэнк откашлялся.

– Да?

К нему выжидающе повернулся Эндрю, но Хэнк снова забился в кресло.

– Просто чтобы прояснить, – заговорил наконец Майкл. – Мы все будем вылетать на двухчасовые патрулирования на рассвете и на закате, итого четыре часа, а потом еще дополнительно по четыре часа в день? Я правильно сосчитал, у нас будет по восемь часов боевых вылетов в день?

– Дайте капитану Кортни кокосовый орех, – кивнул Эндрю.

– Моему профсоюзу это не понравится.

Все засмеялись, но этот нервный смех быстро оборвался. Восемь часов... это было слишком, слишком много, ни у одного человека не хватило бы бдительности и нервной выносливости, необходимых для такого количества боевых полетов, даже на один день. А их просили делать это день за днем, не обещая передышки.

– Еще вопросы?

– А как насчет наземной obsługi и механиков?

– Мак пообещал, что справится, – ответил Эндрю Хэнку. – Еще вопросы? Нет? Хорошо, джентльмены, я закончил. И готов платить за выпивку.

Но паломничество к бару, чтобы воспользоваться предложением Эндрю, было унылым, и никто не обсуждал новый приказ. Все просто тихо и решительно напивались, не глядя друг другу в глаза. Да и что тут было обсуждать?

Граф де Тири, видя перед собой просторы в сорок тысяч гектаров отличной земли, многословно одобрил идею свадьбы и тряс руку Майкла так, словно сворачивал шею страусу.

Анна прижала Сантэн к груди.

– Детка моя! – хрипло выдыхала она.

Крупные слезы стекали по морщинам вокруг ее глаз и пробирались вниз по щекам.

– Ты скоро покинешь Анну!

– Не говори глупостей, Анна! Ты мне все равно будешь нужна. Ты ведь можешь поехать со мной в Африку?

Анна зарыдала вслух.

– Африка! – А потом заговорила еще более уныло: – И что это будет за свадьба? Даже гостей не пригласить, все соседи сидят в окопах, дерутся с бошами! Ох, детка моя, это скандал, а не свадьба!

– Но будет священник, и генерал, дядя Майкла, обещал... и пилоты его эскадрильи. Все будет прекрасно!

– А церковный хор? – всхлипывала Анна. – А свадебный пир? И никакого свадебного платья, и никакого медового месяца!

– Папа нам споет, у него прекрасный голос, а мы с тобой испечем торт и нарежем одного из поросят. Мы можем перешить платье мамы, и у нас с Майклом будет медовый месяц здесь, как у папы и мамы.

– Ох, детка моя!

Если уж Анна начинала плакать, ее было не остановить.

– Когда все состоится? – Граф все еще не отпускал руку Майкла. – В какой день?

– В субботу... в восемь вечера.

– Так скоро! – взвыла Анна. – Почему так скоро?

Графа осенило вдохновение, он хлопнул себя по бедру:

– Мы откроем бутылочку нашего лучшего шампанского... а может, и бутылочку «Наполеона»! Сантэн, малышка, где ключи?

На этот раз Сантэн не смогла ему отказать.

В своем гнездышке из одеял и соломы они лежали в объятиях друг друга, и Майкл пытался, сбиваясь на каждом слове, объяснить Сантэн суть нового приказа по эскадрилье. Сантэн никак не могла до конца осмыслить его ужасающее значение. Она лишь поняла, что Майклу будет грозить чрезвычайная опасность, и обняла его изо всех сил.

– Но ты же не пропустишь нашу свадьбу? Что бы ни случилось, ты придешь ко мне в день свадьбы?

– Да, Сантэн, я буду здесь.

– Поклянись, Майкл!

– Клянусь.

– Нет! Нет! Дай самую страшную клятву, какую только сможешь придумать!

– Клянусь собственной жизнью и моей любовью к тебе.

– Ах, Майкл, – вздохнула Сантэн и прижалась к нему, наконец удовлетворенная. – Я буду следить за тобой, когда ты будешь пролетать мимо на каждом рассвете и на каждом закате... и буду ждать тебя здесь каждую ночь.

Они в безумии занимались любовью, их кровь кипела, они словно пытались поглотить друг друга, и ярость чувства оставила их полностью истощенными, и они заснули вместе. А когда Сантэн проснулась, было уже слишком поздно. В лесу пели птицы, первые лучи солнца просачивались в амбар.

– Майкл! Майкл! Уже почти половина пятого!

В луче фонаря она посмотрела на золотые часы, приколотые к ее жакету.

– О боже! – Майкл начал натягивать одежду, еще полусонный. – Я же опоздаю на утреннее патрулирование...

– Нет. Нет, если прямо сейчас побежишь.

– Я не могу оставить тебя...

– Не спорь! Скорее, Майкл! Скорее!

Сантэн всю дорогу бежала, скользя и спотыкаясь в сырой низине, но полная решимости вовремя оказаться на вершине холма к моменту вылета эскадрильи, чтобы помахать вслед самолетам.

У конюшни она остановилась, задыхаясь и хватаясь за грудь в попытке совладать с дыханием. Особняк был погружен в темноту, он лежал, как сонный зверь перед рассветом, и Сантэн охватило чувство облегчения.

Сантэн медленно пересекла двор, давая себе время отдышаться, и у двери кухни внимательно прислушалась, прежде чем войти. Она сняла грязные ботинки, поставила их на сушилку

перед плитой, потом поднялась по лестнице, держась у самой стены, чтобы ступеньки не скрипнули под ее босыми ногами.

С очередным всплеском облегчения она открыла дверь своей спальни, вошла на цыпочках и тихо притворила дверь за собой. Повернулась к кровати – и застыла от испуга: вспыхнувшая спичка коснулась фитиля лампы, и комнату наполнил желтый свет.

Анна, зажегшая лампу, сидела на ее кровати, накинув на плечи шаль, в кружевном чепчике на голове. Ее красное лицо выражало холодную угрозу.

– Анна... – прошептала Сантэн. – Я все объясню... но ты не расскажешь папе?

Тут скрипнуло кресло у окна, и Сантэн, обернувшись, увидела отца, сидевшего в нем и пристально смотревшего на нее единственным злобным взглядом.

Сантэн никогда не видела на его лице такого выражения.

Первой заговорила Анна:

– Моя малышка тайком убегает из дома по ночам, чтобы прелюбодействовать с солдатами.

– Он не солдат, – возразила Сантэн. – Он летчик.

– Разврат! – заявил граф. – Девушка из рода де Тири ведет себя как обычная шлюха!

– Папа, я же стану женой Майкла! Мы уже все равно что женаты!

– До субботы – не женаты!

Граф встал. Под его единственным взглядом залегла тень от бессонницы, темные густые волосы растрепались.

– До субботы! – Его голос поднялся от гнева. – До субботы ты будешь сидеть в этой комнате, дитя! Ты не выйдешь отсюда раньше, чем за час до начала церемонии!

– Но, папа, я должна быть на холме...

– Анна, возьми ключ. Ты отвечаешь за нее. Она не выйдет из дома!

Сантэн застыла посреди комнаты, оглядываясь вокруг, словно ища путь к бегству, но Анна встала и схватила ее за запястье сильной мозолистой рукой; плечи Сантэн обвисли, когда Анна подтолкнула ее к кровати.

Пилоты эскадрильи рассыпались темными тенями в группах по три-четыре человека среди деревьев на краю фруктового сада; они тихо переговаривались и докуривали последние сигареты перед вылетом, когда Майкл протопал по помосту, на ходу застегивая куртку и натягивая летные перчатки. Он пропустил совещание перед началом полетов.

Эндрю кивнул в знак приветствия, когда Майкл подошел к ним, и не стал упоминать об опоздании Майкла или о том, какой пример он подает молодым пилотам, а Майкл не стал извиняться. Они оба остро осознавали проступок Майкла, и Эндрю достал свою серебряную фляжку и глотнул виски, не предложив Майклу; это был подчеркнутый упрек.

– Вылет через пять минут. – Эндрю всмотрелся в небо. – И похоже, сегодня будет хороший денек для смерти.

Он всегда так говорил, если ожидалась хорошая погода, но сегодня это неприятно резануло Майкла.

– Я собираюсь жениться в субботу, – сказал он, как будто две эти идеи были как-то связаны между собой.

Эндрю замер, не донеся фляжку до губ, и уставился на него.

– Это та маленькая француженка из особняка? – спросил он.

Майкл кивнул:

– Сантэн... Сантэн де Тири.

– Да ты коварный черт! – Эндрю улыбнулся, забыв о своем недовольстве. – Так вот, значит, в чем дело. Ну, желаю тебе счастья, мой мальчик.

Он благословляюще взмахнул фляжкой:

– Пью за вашу долгую и радостную совместную жизнь.

Он передал фляжку Майклу, но Майкл помедлил, не сразу поднес ее к губам.

– Я был бы рад, если бы ты согласился стать моим шафером.

– Не беспокойся, мой мальчик, я буду держаться рядом, когда все это начнется, клянусь!

Он подтолкнул Майкла локтем, и они весело улыбнулись друг другу, а потом вместе пошли к зеленой и желтой машинам, стоявшим в начале строя эскадрильи.

Моторы «вулзли-вайпер» ожили один за другим, заворчали, голубые дымки выхлопов затуманили деревья. Потом SE5a, подпрыгивая, покатила по неровной взлетной полосе, чтобы оторваться от земли.

Поскольку в этот день эскадрилья вела разведку полным составом, Майкл не мог быть ведомым Эндрю, он возглавил звено «В». У него было пять машин, и двое из пилотов являлись новичками, их следовало защищать и направлять. Хэнк Джонсон вел звено «С»; он помахал Майклу, проходя мимо, а потом отправился к своей машине.

Как только они поднялись в воздух, Майкл подал знак своему звену выстроиться в плотную «V» и последовал за Эндрю, согласовывая с ним легкий поворот влево, чтобы пролететь над холмом за особняком.

Майкл поднял очки на лоб и опустил шарф с носа и рта, чтобы Сантэн могла увидеть его лицо; управляя самолетом одной рукой, он готовился подать знак о тайном свидании, когда промчится над ней. Он уже видел холм и заулыбался было в предвкушении, но его улыбка тут же угасла.

Он не видел Ньюажа, белого жеребца. Он высунулся дальше из кабины – впереди него Эндрю сделал то же самое – и вытянул шею, ища взглядом девушку и белого коня.

Они с ревом пролетели мимо, но ее там не оказалось. Холм был пуст. Майк оглянулся назад, удаляясь, проверяя снова. В животе у него залег холодный, тяжелый камень дурного предчувствия. Ее не было на месте, счастливый талисман покинул их.

Он снова закрыл шарфом лицо и прикрыл глаза очками, когда все три звена самолетов пошли вверх, поднимаясь на дающую преимущество высоту, намереваясь пересечь гряды холмов на высоте двенадцать тысяч футов, прежде чем рассыпаться в разные стороны для патрулирования.

Мысли Майкла упорно возвращались к Сантэн. Почему ее там не было? Что случилось?

Он заметил, что ему трудно сосредоточиться на небе перед ним. «Она лишила нас удачи. Она знала, что это значит для нас, но подвела».

Он покачал головой. И прошептал себе под нос:

– Я не должен об этом думать... Следи за небом! Не думай ни о чем, кроме неба и врага!

Становилось светлее, воздух был чист и холоден. Земля внизу была расчерчена геометрическим рисунком полей и усыпана деревнями и городками Северной Франции, но прямо впереди уже появилась грязно-коричневая полоса искаленной земли, обозначающая линию фронта, а над ней кучерявились сгустки утренних облаков, с одной стороны темных, как синяки, а с другой уже золотых в лучах восходящего солнца.

На западе находился бассейн реки Соммы, где затаилась злобная тварь войны, готовая прыгнуть, а на востоке солнце метало в небо огромные пылающие копыта света, так что когда Майкл отвел от него взгляд – перед его глазами продолжала гореть яркая картина.

«Никогда не смотри на солнце», – раздраженно напомнил он себе.

В рассеянности он совершал ошибки новичка.

Они миновали гряду, всматриваясь в рисунок окопов противоположной стороны.

«Не останавливай взгляд! – снова предостерег себя Майкл. – Никогда не пялься на что-то одно».

Он снова начал обшаривать глазами местность, как и положено пилоту-ветерану: требовалось быстро изучить и небо над ним, и все пространство справа и слева, вверху и внизу.

Несмотря на все его усилия, мысли о Сантэн и ее отсутствии на холме снова и снова коварно прокрадывались в его ум, так что Майкл внезапно заметил, что уже пять или шесть секунд таращится на облако, похожее на кита. Он снова пялился в одну точку.

– Черт, парень, да соберись же ты! – рявкнул он себе вслух.

Эндрю, ведущий, подавал знаки, и Майкл повернулся, чтобы увидеть то, на что показывал друг.

Это было звено из трех самолетов в четырех милях к югу от них и на две тысячи футов ниже.

«Союзники...»

Майкл узнал двухместные аппараты фирмы «Де Хэвилленд». Почему он не заметил их первым? У него же было лучшее зрение в эскадрилье.

«Сосредоточься...»

Он осмотрел полосу леса к югу от Дуэ, захваченный немцами город к востоку от Ланса, заметил недавно выкопанные оружейные окопы у самых деревьев.

«Примерно шесть новых батарей», – оценил он и сделал запись в летном журнале, не переставая осматривать все вокруг.

Они достигли западной границы своей зоны патрулирования, и звенья одно за другим повернули. Они летели обратно вдоль линий фронта, но теперь солнце светило им прямо в глаза, а слева клубился серовато-голубой туман.

«Холодный фронт надвигается», – подумал Майкл.

И тут его мысли снова вернулись к Сантэн, будто девушка проскользнула в его сознание через какую-то потайную дверь.

«Почему она не пришла? Наверное, заболела. Ночью было сыро и холодно... недолго и пневмонию подхватить».

Эта идея потрясла его. Он представил, как Сантэн медленно угасает, захлебываясь кашлем.

Красная ракета пронеслась перед носом его самолета, и Майкл виновато вздрогнул. Пока он фантазировал, Эндрю подал знак: «Враг в поле видимости».

Майкл лихорадочно огляделся. «А! Вон там...»

Внизу слева.

Это был один-единственный немецкий двухместный артиллерийский корректировщик, сразу к востоку от хребта; он летел в сторону Арраса, медлительный, древний, легкая добыча для быстрых смертельных SE5a. Эндрю просигналил снова, оглядываясь на Майкла, его зеленый шарф развевался на ветру, а на губах играла усмешка.

– Атакуйте! Прикройте сверху.

Майкл и Хэнк приняли знак рукой и остались на высоте, когда Эндрю ринулся вниз на перехват. Остальные самолеты его звена следом за ним пошли вниз в атакующем строю.

– Прекрасное зрелище! – Майкл проводил их взглядом.

Его уже охватило волнение охоты, яростной погони в небе, похожей на кавалерийскую атаку на полном скаку, предвкушение быстрой расправы с медлительной и громоздкой жертвой.

Майкл повел остальную часть эскадрильи в неторопливую спираль, прикрывая атаку, и высовывался из кабины в ожидании начала бойни... Как вдруг ощутил неуверенность, холодок дурного предчувствия; его словно подтолкнул инстинкт неминуемого несчастья, и он быстро осмотрел небо над собой и вокруг.

Высь оставалась чистой и пустой, но потом взгляд Майкла обратился в сторону слепящих лучей солнца, он поднял руку, заслоняя лицо, и одним глазом посмотрел в шелку между пальцами... И увидел.

Они выскакивали из-за облаков, как стая ярких, блестящих ядовитых насекомых. Классическая засада! Они отправили подсадную утку, чтобы завлечь противника, и теперь быстро и уверенно нападали со стороны солнца и облаков.

– Ох, святая Матерь Божья... – выдохнул Майкл, выхватывая сигнальный пистолет из кобуры рядом со своим сиденьем.

Сколько их? Сосчитать злобных тварей не представлялось возможным. Шесть, а может, и больше... и сразу три «Альбатроса DIII», разрисованные в радужные цвета, падали, как ястребы, на маленький SE5a Эндрю.

Майкл пустил красную ракету, предупреждая своих пилотов, а потом нырнул вниз, на перехват вражеских машин, пока они не добрались до Эндрю. Он быстро рассчитал скорость и расстояние и понял, что опоздает, опоздает на четыре или пять секунд, чтобы спасти Эндрю.

Эти четыре или пять секунд, которые Майкл потратил напрасно, наблюдая за атакой на германскую приманку, эти критические секунды, на протяжении которых он пренебрег своим долгом, упали на него, как свинцовая балка, когда он выжимал из своего SE5a все, что возможно. Мотор подвывал, это был специфический ноющий протест машины, работающей на пределе, и Майкл чувствовал, как крылья колеблются и сгибаются от скорости и напряжения в этом самоубийственном снижении.

– Эндрю! – закричал Майкл. – Оглянись же!

Но его голос затерялся в вое ветра и визге перенапряженного мотора.

А внимание Эндрю сосредоточилось на цели, потому что немецкий пилот заметил его и тоже уходил вниз, к земле, увлекая за собой SE5a и превращая охотника в невольную жертву.

Группа немецкой эскадрильи «Ягдстаффель» продолжала гнаться за ним, хотя они, конечно, должны были заметить отчаянную попытку Майкла обогнать их. Но они, как и Майкл, прекрасно видели, что его старания тщетны, что он уже опоздал. «Альбатросы» должны были внезапно атаковать Эндрю, а потом уничтожить большинство SE5a единым ударом, а затем уже развернуться навстречу Майклу.

Майкл чувствовал, как адреналин сжигает его кровь, подобно яркому чистому пламени спиртовки. Время словно замедлилось в этих бесконечных микросекундах схватки, он просто спокойно летел вниз, а орда вражеских самолетов как будто зависла на своих многоцветных крыльях, сиявших в небе, как драгоценности.

Краски и рисунки на «альбатросах» выглядели фантастическими, преобладали алые и черные цвета, но кое-где фюзеляжи были клетчатыми, как костюм Арлекина, а на других красовались летучие мыши или птицы.

Наконец Майкл уже мог рассмотреть лица немецких пилотов – они поворачивались к нему, а потом снова к их изначальной жертве.

– Эндрю! Эндрю! – в отчаянии выкрикивал Майкл, потому что с каждой секундой становилось яснее, насколько он опаздывает предотвратить трагедию.

Засада должна была стать удачной.

Пальцами, онемевшими от холода и ужаса, Майкл перезарядил сигнальный пистолет и пустил ракету через нос своего самолета, пытаясь привлечь внимание Эндрю. Но шарик красного огня полетел к земле, шипя и испуская жалкую струйку дыма. В это время в полумиле впереди Эндрю вышел на одну линию со злополучным корректировщиком, и Майкл услышал тархтенье его «виккерса», когда Эндрю зашел к немцу с хвоста.

В то же самое мгновение волна «альбатросов» обрушилась на самолет Эндрю и его звено сверху.

Майкл видел, как в первые же секунды были смертельно поражены два SE5a и, кружась, ушли в сторону; от них поднимался дым, сыпались обломки фюзеляжа. Остальные рассыпались в разные стороны, и за каждым гнались два или три «альбатроса», едва не налетая друг на друга в азарте погони.

На месте остался только Эндрю. Его реакция на первые звуки очередей из пулеметов «шпандау» была молниеносной. Он бросил свою большую зеленую машину в разворот на плоскости, который они с Майклом так часто отрабатывали. И понесся прямо в центр своры, вынуждая «альбатросы» метнуться в стороны от его лобовой атаки; он бешено стрелял в них, сам явно не пострадав.

– Молодец! – вслух порадовался Майкл.

Потом он увидел, что и другая часть звена Эндрю падает с неба, горя и переворачиваясь, и чувство вины в нем сменилось яростью.

Германские машины, подвергшиеся стремительной атаке, теперь разворачивались навстречу Майклу и Хэнку. Они объединились, и вражеские самолеты разлетались перед ними в мельтешащее облако.

Майкл зашел сбоку к мощному черному «альбатросу» с алыми крыльями, на которых красовался, подобно надгробию, мальтийский крест. И, учтя взаимное направление и скорость, пустил очередь в радиатор, расположенный в соединении крыльев над головой немецкого пилота, желая сжечь его заживо кипящим охладителем.

Он видел, что его пули легли точно туда, куда он целил, и в то же время отметил небольшое изменение в конструкции крыльев «альбатроса». Немцы переделали машину. Они уже испытали на себе смертельную ошибку конструкции и переместили радиатор. Немец ушел вниз от огня Майкла, и Майкл повел самолет вверх.

Какой-то «альбатрос» заметил одного из новичков Майкла и тут же прицепился к его хвосту, как какой-нибудь вампир, выходя на линию огня. Майкл нырнул под его брюхо и развернул «льюис» на турели, метя вверх, и он шел так близко, что мушка «льюиса» чуть ли не касалась ярко-розового корпуса «альбатроса».

Он выпустил полную очередь в брюхо немца, слегка покачивая крыльями, чтобы пули расходились веером, и «альбатрос» поднялся на хвосте, как загарпуненная акула, а потом упал вперед и понесся прочь в смертельном снижении.

Новичок помахал Майклу, благодаря за спасение, – они почти задевали друг друга крыльями, и Майкл резко подал знак: «Возвращайся на базу!», – а потом показал новичку сжатый кулак: «Сейчас же!»

– Убирайся отсюда, чертов дурак! – закричал он безрезультатно.

Но его искаженное лицо подчеркнуло поданный рукой знак, и новичок развернулся и улетел.

На Майкла уже шел другой «альбатрос», и он снова резко развернулся, поднимаясь выше и мечась из стороны в сторону, стреляя в летящие вокруг мишени, снова разворачиваясь... спасая собственную жизнь. Враги превосходили англичан численностью, примерно шесть или семь к одному, и немецкие пилоты были ветеранами – это становилось ясно по тому, как они управляли крылатыми машинами: быстро, умно и бесстрашно. Оставаться здесь и продолжать сражение было просто глупо. Майкл сумел перезарядить ракетницу и пустил зеленую ракету – сигнал к возвращению на базу. В таких обстоятельствах это был приказ эскадрилье нестись домой со всей возможной скоростью.

Он опять резко развернулся, стреляя в розовый с синим «альбатрос», и увидел, как его пули пронзили капот мотора на несколько дюймов ниже топливного бака.

– Черт побери! Чтоб тебе в ад провалиться! – выругался он.

Они с «альбатросом» повернули в противоположные стороны, и Майклу ничто не мешало направиться к базе.

Он видел, что его оставшиеся в живых пилоты уже удаляются, и он опустил нос желтой машины, чтобы полететь за ними, к хребту и Морт-Ому.

Он еще раз оглянулся, чтобы убедиться, что на хвосте у него никого нет, и в это мгновение увидел Эндрю.

Эндрю находился примерно в тысяче метров справа от Майкла. От основной свалки его отрезали три «альбатроса», и он обстреливал их, действуя одной рукой, но они ускользнули, и он уже готов был лететь домой, как и оставшаяся часть британской эскадрильи.

А потом Майкл посмотрел вверх, в небо над Эндрю, и понял, что не все немецкие «альбатросы» участвовали в первой волне атаки. Еще шесть самолетов прятались за облаками, и вел их тот единственный самолет, что был целиком выкрашен в алый цвет, от носа до хвоста, от одного конца крыльев до другого. Эти самолеты выжидали, наблюдая за тем, куда повернет стычка, чтобы появиться в нужный момент. Они представляли собой вторые челюсти ловушки – и Майкл знал, кто именно ведет алый «альбатрос». Это была живая легенда обеих линий фронта, потому что он сбил уже больше тридцати самолетов союзников. Этого человека называли Красным Бароном Германии.

Союзники старались противостоять этой легенде, так и эдак пятная невидимый образ, созданный бароном Манфредом фон Рихтгофеном, называя его трусом и гиеной; дескать, тот умножал свои победы, избегая стычек на равных и выбирая для нападения новичков, оставшие или уже пострадавшие самолеты.

Возможно, в этом содержалась какая-то правда, потому что сейчас немец кружил над местом сражения, как алый стервятник, а против него, ниже, был только Эндрю, одинокий и уязвимый. Его ближайший товарищ, Майкл, оказался в тысяче метров в стороне, и к тому же Эндрю, похоже, еще не заметил новой угрозы. Алая машина ринулась на него сверху, ее акулий нос метил прямо в Эндрю. Пятеро ветеранов боевого немецкого подразделения следовали за ведущим.

Не думая ни мгновения, Майкл начал разворот, который должен был привести его на помощь Эндрю, а потом руки и ноги без участия сознания не допустили этого, и желтый SE5a продолжал с ревом лететь к укрытию британских линий.

Майкл оглянулся через плечо, и на фоне кружащих аэропланов возникло прекрасное лицо Сантэн, ее огромные глаза были полны слез, а ее шепот зазвучал в его голове громче орудий и грохота мотора: «Поклянись, что ты придешь, Майкл!»

Слова Сантэн продолжали звенеть в его ушах, пока Майкл наблюдал, как немцы пронеслись над одинокой машиной Эндрю, но тот снова чудесным образом уцелел в этой смертельной волне и развернулся навстречу атакующим.

Майкл пытался заставить себя повернуть желтый SE5a, но руки ему не повиновались, а ноги просто застыли на педалях управления рулями. Он видел, что немцы окружили одинокий зеленый самолет, как пастушьи овчарки окружают отбившуюся от стада овцу, загоняя Эндрю под перекрестный огонь.

Он видел, как Эндрю их обстреливает, демонстрируя потрясающую храбрость и летное искусство, отбивая каждую новую атаку, заставляя отступить то одного немца, то другого, но тут же по обе стороны от него появлялись другие, паля в него из своих «шпандау».

А потом Майкл увидел, что пулеметы Эндрю умолкли. В «люйсе» кончились патроны, и Майкл знал, что перезарядка требует много времени. А «виккерс» явно перегрелся, его заклинило. Эндрю стоял в кабине, колотя по казенной части пулемета в попытке привести его в чувство, а красный «альбатрос» фон Рихтгофена уже резко опускался на линию огня позади Эндрю.

– О боже, нет! – услышал Майкл собственное бормотание.

Но он все равно летел навстречу спасению, и собственная трусость потрясала его так же, как очевидная судьба Эндрю.

Потом случилось еще одно чудо: красный «альбатрос», не открывая огня, слегка повернул и мгновение-другое летел на одном уровне с зеленым SE5a.

Фон Рихтгофен, должно быть, увидел, что Эндрю безоружен, и не захотел убивать беспомощного человека. Когда он пролетал всего в нескольких футах от кабины, в которой Эндрю

сражался с заглохшим «виккерсом», немец вскинул руку в коротком салюте – отдавая дань уважения храброму врагу, – а потом повернул и пустился в погоню за другими британскими SE5a.

– Хвала Всевышнему... – прохрипел Майкл.

Все звено фон Рихтгофена повернуло вслед за ним.

Нет, не всё.

Остался один «альбатрос», которого не тронуло происшедшее. Это была небесно-голубая машина, крылья которой были раскрашены в черно-белую клетку на манер шахматной доски. Этот самолет вышел на линию огня за спиной Эндрю, заняв позицию, оставленную Красным Бароном, – и Майкл услышал drobный стук его «шпандау».

Пламя вспыхнуло огромным шаром вокруг силуэта головы и плеч Эндрю, когда взорвался топливный бак. Огонь, самый страшный кошмар авиаторов, охватил Эндрю, и Майкл увидел, как он поднялся из пляшущих языков пламени, как почерневшее, обожженное насекомое, и выпрыгнул из кабины. Он не желал сгореть заживо и предпочел быструю смерть от падения.

Зеленый шарф на шее Эндрю горел, и гирлянда огня окружала его, пока тело набирало скорость, но потом пламя загасило ветром. Эндрю переворачивался в воздухе с раскинутыми крестом руками и ногами, быстро удаляясь. Майкл потерял его из виду задолго до того, как Эндрю ударился о землю в десяти тысячах футов внизу.

– Черт побери, во имя всего святого, кто-нибудь может объяснить, как этот фон Рихтгофен оказался в нашем секторе? – кричал Майкл на адъютанта эскадрильи. – В этой армии что, нет вообще никакой чертовой разведки? Кто в дивизии ответит за смерть Эндрю и еще шести человек, которых мы сегодня потеряли?

– Это просто несправедливо, старина, – бормотал адъютант, попыхивая трубкой. – Вы ведь знаете, как действует этот тип, фон Рихтгофен. Он как блуждающий огонек, только и всего.

Действительно, Красный Барон разработал особую стратегию: он ставил свои самолеты на большие открытые грузовики и перебрасывал чуть ли не всю эскадрилью «Ягдстаффель» в разные места вдоль линии фронта. И со своим звеном появлялся там, где его ждали меньше всего, творя безжалостную казнь не ожидавших ничего подобного союзников – несколько дней или неделю, – а потом снова исчезал.

– Я звонил в штаб дивизии сразу, как только приземлились первые из наших самолетов, но они и сами только что получили первые сообщения разведки. Они думают, что фон Рихтгофен и его акулы временно разместились на старом полевым аэродроме к югу от Дуэ...

– О да, нам от этого много пользы, после смерти Эндрю!

Едва Майкл успел это произнести, как на него наконец обрушился весь ужас произошедшего; руки его задрожали. Он почувствовал, как у него нервно дернулась щека. Ему пришлось отвернуться к маленькому окну коттеджа, который адъютант использовал как офис эскадрильи. Адъютант за его спиной молчал, давая Майклу время совладать с собой.

– Старый полевой аэродром у Дуэ...

Майкл сунул руки в карманы, стараясь унять дрожь, и постарался прогнать из головы воспоминания об Эндрю, чтобы вместо того подумать о технической стороне дела.

– Эти их новые оружейные позиции... должно быть, им пришлось передвинуться, чтобы прикрывать «Ягдстаффель» и фон Рихтгофена...

– Майкл, вы будете командовать эскадрильей – по крайней мере, до тех пор, пока в дивизии не подтвердят это или не назначат другого командира.

Майкл повернулся к нему, все так же держа руки в карманах, и кивнул, не доверяя своему голосу.

– Вам придется составить новое расписание полетов, – мягко подсказал адъютант. Майкл слегка качнул головой, как будто стараясь прояснить мысли.

– Мы не можем теперь высылать малые силы, – сказал он. – Не можем, пока эти лихачи поблизости. А это значит, что мы не в состоянии обеспечить прикрытие назначенного нам сектора в течение целого дня.

Адъютант кивнул, соглашаясь. Было очевидно, что поднимать в воздух одинокие самолеты самоубийственно.

– Какие у нас остались силы? – резко спросил Майкл.

– В данный момент восемь... четыре машины слишком пострадали. Если и дальше так пойдет, то, боюсь, апрель будет чертовски кровавым.

– Хорошо, – кивнул Майкл. – Мы изменим расписание. Сегодня мы сможем сделать еще только два разведывательных вылета. Все восемь самолетов. В обед и в сумерки. И новичков по возможности лучше оставлять в запасе.

Адъютант делал заметки в блокноте, а Майкл сосредоточился на своих новых обязанностях, и дрожь в руках утихла, смертельная бледность сошла с лица.

– Позвоните в штаб дивизии и предупредите их, что мы не сможем должным образом прикрывать наш сектор. Спросите, когда нам ждать подкрепления. Скажите, что примерно шесть новых батарей были переведены в... – Майкл прочитал заметки на карте в своем планшете. – И скажите им, что я заметил изменения в конструкции «альбатросов». – Он объяснил, как именно был перемещен радиатор мотора. – Скажите еще, что в эскадрилье Рихтгофена примерно шестьдесят таких новых «альбатросов». Когда все сделаете, зайдите ко мне, составим новое расписание. Но предупредите парней, что в полдень будет вылет всем составом. А теперь мне нужно побриться и принять душ.

К счастью, до конца дня у Майкла практически не было времени размышлять о смерти Эндрю. Он вылетел на разведку дважды, с остатками пострадавшего летного отряда; и хотя все знали о присутствии в их секторе немецких акул, что сильно действовало на нервы, патрули прошли без каких-либо событий. Они не видели ни одной вражеской машины.

Когда самолеты приземлились в последний раз, уже в сумерках, Майкл прихватил бутылку рома и пошел туда, где Мак и его команда механиков в свете фонарей трудились над разбитыми SE5a. Майкл провел с ними часок, ободряя как мог, потому что люди тревожились и были подавлены из-за дневных потерь, и в особенности все горевали из-за смерти Эндрю, которого все просто боготворили.

– Он был отличным парнем...

Мак, в черной смазке до самых локтей, поднял голову над мотором, в котором копался, и взял жестяную кружку с ромом, протянутую ему Майклом.

– Он был по-настоящему хорошим парнем, наш майор. – Мак говорил от имени всей команды. – Таких, как он, не часто найдешь, это точно.

Майкл потащился обратно через фруктовый сад; поглядывая сквозь ветки деревьев вверх, на небо, он видел звезды. Завтра снова должна быть летная погода... а Майкл отчаянно боялся.

– Я потерял кураж, – прошептал он. – Нервы сдали. Я трус, и моя трусость убила Эндрю.

Это понимание весь день пряталось в глубине его разума, но Майкл подавлял его. А теперь, когда он посмотрел правде в глаза, оно стало подобно охотнику, ищущему скрывшегося раненого леопарда. Он знал, что зверь где-то здесь; но когда они оказывались нос к носу, человек мгновенно слабел от страха.

– Трус! – громко произнес Майкл, хлеща себя этим словом.

Он вспомнил улыбку Эндрю и его шотландский берет, лихо сидящий на голове...

«В чем дело, мой мальчик?» – почти услышал Майкл голос Эндрю, и тут же увидел его летящим с неба на землю, с горящим зеленым шарфом на шее...

Руки Майкла снова задрожали.

– Трус! – повторил он.

Его охватила такая сильная боль, что ее невозможно было вынести в одиночку, и он поспешил к столовой, настолько ослепленный чувством вины, что ничего не видел перед собой и то и дело спотыкался.

Адъютант и пилоты, некоторые до сих пор в летном обмундировании, ждали Майкла. Долгом старшего офицера было начать поминальный ритуал. На столе в центре столовой стояли семь бутылок виски с черными этикетками «Джонни Уокер» – по одной на каждого из отсутствующих.

Когда Майкл вошел в комнату, все встали – не ради него, а отдавая последнюю дань уважения погибшим.

– Ладно, джентльмены, – сказал Майкл. – Давайте проводим их в последний путь.

Самый младший по званию открыл одну из бутылок. Черные этикетки соответствовали ритуалу. Он подошел к Майклу и наполнил его стакан, потом обошел остальных, по старшинству. Все держали полные до краев стаканы и ждали, пока адъютант, все так же с вересковой трубкой в зубах, сядет к древнему пианино в углу столовой и начнет наигрывать первые аккорды «Похоронного марша» Шопена. Офицеры двадцать первой эскадрильи стояли, постукивая доньшками стаканов по столешницам и барной стойке в такт музыке, а один-два тихо напевали.

На стойке бара лежали личные вещи погибших пилотов. После ужина их собирались продать на аукционе, и пилоты эскадрильи готовы были заплатить неслыханную цену, чтобы появилась возможность послать хоть несколько гиней новым вдовам или горюющим матерям. Здесь были и клюшки для гольфа, принадлежавшие Эндрю, – Майкл никогда не видел, чтобы Эндрю ими пользовался, – и его удочка для ловли форели... Горе снова нахлынуло на Майкла, и он стукнул стаканом по стойке с такой силой, что виски выплеснулся через край, а глаза защищало. Майкл вытер их рукавом.

Адъютант доиграл марш, встал и поднял свой стакан. Никто не произнес ни слова, все просто подняли свои стаканы, на несколько секунд погрузившись в собственные мысли, а потом выпили до дна.

Младший офицер тут же наполнил стаканы снова. Нужно было выпить все семь бутылок, это составляло часть традиции. Майкл не ужинал, но стоял у бара, помогая справиться со всеми бутылками. Он был все так же мрачен, и спиртное, похоже, никак не действовало на него.

«Должно быть, я в итоге стану алкоголиком, – думал он. – Эндрю всегда говорил, что у меня к этому большая склонность».

Но виски ничуть не приглушал боль, которая вспыхивала вместе с именем Эндрю.

Он выложил по пять гиней за каждую из клюшек Эндрю и за форелевую удочку фирмы «Харди». К тому времени все семь бутылок опустели. Он заказал еще бутылку для себя и ушел в свою палатку. Сел на койку, положив удочку на колени. Эндрю когда-то хвастал, что добыл ею лосося в пятьдесят фунтов, а Майкл называл его лжецом. «Ох, ни во что ты не веришь!» – серьезно укорял его Эндрю.

– Я всегда в тебя верил... – Майкл осторожно погладил старую удочку и выпил прямо из бутылки.

Немного позже к нему заглянул Биггс.

– Поздравляю с победой, сэр.

Трое пилотов подтвердили, что Майкл сбил розовый «альбатрос».

– Биггс, могу я попросить об услуге?

– Конечно, сэр.

– Уйди отсюда!

Бутылка опустела лишь на четверть, когда Майкл, все еще в летной одежде, потащился туда, где стоял мотоцикл Эндрю. Езда в холодную ночь отрезвила его, но теперь он чувствовал себя хрупким, как старое стекло. Остановившись позади амбара, он пошел в соломенное гнездо, чтобы подождать.

Часы, отмечаемые боем на церкви, тянулись медленно, и с каждым из них потребность увидеть Сантэн росла, пока не стала почти невыносимой. Каждые полчаса Майкл подходил к дверям амбара и всматривался в темную низину, прежде чем вернуться к своей бутылке среди одеял.

Он понемножку глотал виски, а в его памяти снова и снова прокручивались те последние секунды сражения, в которые Эндрю снова и снова умирал, – как заевшая граммофонная пластинка.

Майкл пытался отогнать это видение, но не мог. Он просто вынужден был опять и опять видеть агонию Эндрю.

– Где же ты, Сантэн? Ты так мне нужна!

Он жаждал ее, но она не приходила, и Майкл снова видел небесно-голубой «альбатрос» с черно-белыми клетками на крыльях, падающий сверху позади зеленого самолета Эндрю, и снова перед ним мелькало бледное лицо Эндрю, когда он оглядывался и видел, как «шпандау» открывает огонь. Майкл закрывал глаза и прижимал к ним пальцы, пока боль не прогоняла картину.

– Сантэн, – шептал он, – пожалуйста, приди!

Церковные часы пробили три, бутылка опустела.

– Она не придет.

Наконец признав это, Майкл, пошатываясь, подошел к двери амбара и посмотрел на ночное небо... он теперь знал, что должен сделать, чтобы искупить свою вину, свой позор.

Уменьшившаяся эскадрилья вылетела на утреннее патрулирование в сером полусвете. Хэнк Джонсон теперь оказался вторым по старшинству.

Майкл слегка повернул, как только они оказались над деревьями, и полетел к холму за особняком. Он почему-то знал, что Сантэн не будет там этим утром, но все равно поднял на лоб очки, ища ее взглядом.

Холм был пуст, и Майкл даже не оглянулся.

«А ведь сегодня день моей свадьбы, – подумал он, оглядывая небо над холмами. – А мой шафер мертв, а моя невеста...»

Он не закончил эту мысль.

За ночь снова набежали тучи. Плотный облачный шатер на высоте в двенадцать тысяч футов, темный и грозный, протянулся сплошной массой до всех горизонтов. Под ним клубились растрепанные серые облака, создававшие слой толщиной от пятисот до тысячи футов.

Майкл повел эскадрилью сквозь прореху в этом неплотном слое, и машины выровнялись под верхним пологом туч. В небе под ними самолетов не было. Новичку показалось бы невозможным, что два больших воздушных формирования, патрулирующие одну и ту же территорию, искали бы друг друга, но не могли найти. Однако небо было таким глубоким и широким, что шансов на встречу оставалось немного, если только одна из эскадрилий не знала точно, где должна оказаться другая в определенное время.

Продолжая оглядывать все вокруг, Майкл сунул свободную руку в карман летной шинели и удостоверился, что пакет, который он приготовил перед вылетом, никуда не делся.

«Черт, мне бы не помешало выпить», – подумал он.

Во рту у него пересохло, в голове засела тупая боль. Глаза воспалились, но видел Майкл все так же ясно.

Он облизнул сухие губы.

«Эндрю постоянно говорил, что только созревшие выпивохи могут пить с похмелья. Жаль только, что у меня не хватило храбрости и здравого смысла прихватить с собой бутылку».

Сквозь прорехи между облаками под собой он непрерывно осматривал позиции эскадрильи. Майкл знал каждый дюйм назначенной им территории, как фермер знает свою землю.

Когда они добрались до внешней границы, Майкл развернулся, и остальные повернули за ним. Он посмотрел на свои часы. Одиннадцать минут спустя он увидел поворот реки и специфические очертания деревьев, что дало ему точную привязку к местности.

Он чуть-чуть снизил подачу топлива, и его желтая машина поплыла, замедлив ход, пока Майкл не оказался крылом к крылу с Хэнком Джонсоном. Он посмотрел на техасца и кивнул. Свой замысел он обсудил с Хэнком перед вылетом, и Хэнк пытался отговорить его. Хэнк скривил губы, как будто откусил кусок зеленой хурмы, выражая неодобрение, но потом приподнял бровь – это легкое движение, казалось, вместило всю усталость от войны – и махнул рукой, отпуская Майкла.

Майкл еще немного убавил ход и отстал от эскадрильи. Хэнк повел всех на восток, но Майкл повернул на север и начал снижаться.

Через несколько минут его команда исчезла в бескрайнем небе, и Майкл остался один. Он продолжал снижаться, пока не добрался до нижнего слоя рваных облаков, а потом использовал их как прикрытие. Нырять в них и снова выходя из холодных влажных клубов, всматриваясь вниз между ними, он пересек линию фронта в нескольких милях к югу от Дуэ, а потом высмотрел новые оружейные позиции немцев на краю леса.

Старый полевой аэродром был отмечен на его летной карте. Но Майкл мог заметить его и с расстояния в четыре мили, а то и больше, потому что следы шасси германских «альбатросов» на полосах отчетливо виднелись во влажном торфе. В двух милях дальше он увидел немецкие самолеты, стоявшие вдоль опушки леса, а среди деревьев за ними выстроились аккуратным рядом палатки и передвижные ангары.

Внезапно раздался хлопок, потом треск взрыва, и противовоздушный снаряд взорвался немного выше и впереди Майкла. Это было похоже на созревшую коробочку хлопка, внезапно открывшуюся и рассыпавшую вокруг себя белый пух, и выглядело обманчиво милым в приглушенном свете под облаками.

– С добрым утром, зенитки! – мрачно приветствовал снаряд Майкл.

Это был выстрел для определения дистанции, и за ним тут же последовал грохот полноценного залпа. Воздух вокруг Майкла запестрел взрывами шрапнели.

Майкл опустил нос самолета, позволив скорости увеличиться, и стрелка тахометра перед ним быстро поползла к красному сектору. Майкл сунул руку в карман, достал обернутый брезентом пакет и положил его на колени.

Лес и земля стремительно неслись к нему, желтый самолет оставлял за собой длинный хвост взрывающейся шрапнели. В двух сотнях футов над верхушками деревьев Майкл выровнял машину, теперь аэродром был прямо перед ним. Майкл видел разноцветные самолеты, стоявшие длинным рядом, их акульки носы смотрели вверх, на него. Майкл искал взглядом небесно-голубую машину с клетчатыми крыльями, но не мог найти.

Вдоль края поля началась суeta. Немецкие наземные команды, ожидая ливня огня из «виккерса», бежали в лес, а отдохавшие пилоты, на ходу пытаясь натянуть на себя летные куртки, спешили к самолетам. Конечно, они должны были понимать, что совершенно бессмысленно пытаться перехватить британскую машину, тем не менее хотели попробовать.

Майкл уже летел на линии огня. Немецкие самолеты были перед ним, рядом толпились пилоты, и Майкл невесело улыбнулся, беря их в прицел «виккерса».

В сотне футов над землей он опять выровнялся, отпустил гашетку пулемета и взял пакет. Пролетая над серединой немецкого ряда, он наклонился из кабины и выбросил пакет наружу.

Лента, которую он привязал к нему, разматалась в потоке воздуха и унесла пакет к краю поля аэродрома.

Когда Майкл открыл дроссель и снова пошел вверх, к облачному слою, он посмотрел в зеркало над головой и увидел, что один из немецких пилотов наклонился к пакету, – и снова SE5a начал метаться вверх и вниз, вправо и влево, уходя от огня зениток, а позади него продолжали взрываться снаряды. Через несколько секунд он уже скрылся в гуще облаков, его орудия остались холодными, не сделав ни единого выстрела, а в нижних крыльях появилось несколько дыр от шрапнели.

Он повернул к Морт-Ому. И думал по пути о сброшенном им пакете.

Предыдущей ночью он оторвал длинную полосу от одной из своих старых рубашек, чтобы использовать ее как маркер, и утяжелил пакет, вложив в него горсть патронов. Потом зашил свое рукописное послание в другой конец полосы.

Сначала Майкл подумывал о том, чтобы написать свое послание на немецком, но потом признал, что его немецкий никуда не годится. А в эскадрилье фон Рихтгофена наверняка найдется кто-нибудь, знающий английский и способный перевести текст.

*Немецкому летчику на голубом «альбатросе»
с крыльями в черно-белую клетку.*

Сэр,

*безоружный и беспомощный британский авиатор, которого Вы
сознательно убили вчера, был моим другом.*

*Сегодня между 16:00 и 16:30 я буду патрулировать над деревнями
Кантен и Обиньи-о-Бак на высоте 8000 футов.*

Я летаю на разведчике SE5a желтого цвета.

Надеюсь повстречаться с Вами.

Остальные самолеты уже приземлились, когда Майкл вернулся на базу.

– Мак, я, похоже, подхватил немного шрапнели.

– Я заметил, сэр. Не беспокойтесь, исправим в одно мгновение.

– Я не стрелял сегодня, но еще раз наладь прицелы, ладно?

– На пятьдесят ярдов?

Мак спрашивал о расстоянии, на котором должен был сходиться огонь из обоих пулеметов, «льюиса» и «виккерса».

– Сделай тридцать, Мак.

– Очень уж близко, сэр. – Мак присвистнул сквозь зубы.

– Надеюсь, что так. Кстати, Мак, у него хвост немного зависает. Отрегулируй, ладно?

– Все будет сделано, сэр, – пообещал Мак.

– Спасибо, Мак.

– Врежьте этим ублюдкам за мистера Эндрю, сэр.

Майкла уже ждал адъютант.

– У нас снова полный состав, Майкл. Двенадцать в боевом расписании.

– Хорошо. Хэнк возьмет полуденный патруль, а я вылечу в пятнадцать тридцать девять один.

– Один?

От удивления адъютант даже вынул изо рта трубку.

– Один, – подтвердил Майкл. – Потом вся эскадрилья отправится в сумерки, как обычно.

Адъютант сделал запись в своем планшете.

– Кстати, вам сообщение от генерала Кортни. Он постарается присутствовать на церемонии сегодня вечером. И думает, что ему это почти наверняка удастся.

Майкл улыбнулся в первый раз за весь день. Ему отчаянно хотелось, чтобы Шон Кортни присутствовал на его свадьбе.

– Надеюсь, вы тоже сможете, Боб.

– Не сомневайтесь. Вся эскадрилья будет. Дождаться не можем.

Майклу отчаянно хотелось выпить. Он пошел к столовой.

«Черт, ведь уже восемь утра», – подумал он и остановился.

Он чувствовал себя хрупким и пересохшим; виски мог бы вернуть его телу жизненные соки и тепло, и Майкл ощутил, как у него даже руки задрожали от жажды. Ему потребовалось все его мужество, чтобы повернуть от столовой к своей палатке. Потом он вспомнил, что не спал прошлой ночью.

Биггс сидел на упаковочном ящике перед палаткой, начищая ботинки Майкла, но сразу вскочил; лицо его ничего не выражало.

– Хватит уже! – улыбнулся ему Майкл. – Прости за вчерашнее, Биггс. Чертовски грубо с моей стороны. Я не хотел...

– Я знаю, сэр. – Биггс расслабился. – Я то же самое чувствую из-за нашего майора.

– Биггс, разбуди меня в три. Мне нужно немножко вздремнуть.

Но разбудил его не Биггс, а крики наземных команд, топот шагов, низкий рев зениток вдоль края фруктового сада и гул мотора «мерседес» над головой.

Майкл выбрался из палатки, встрепанный, с налитыми кровью глазами, все еще полусонный.

– Какого черта происходит, Биггс?

– Немец, сэр... прямо над самой базой пронесся.

Другие пилоты и механики кричали среди деревьев, спеша к краю поля.

– Он даже не выстрелил.

– Ты его видел?

– «Альбатрос», сэр. Голубой, с черно-белыми крыльями. Этот дьявол чуть не снес крышу столовой. И что-то сбросил... Боб подобрал.

Майкл снова нырнул в палатку и быстро надел куртку и теннисные туфли. Выбегая наружу, он услышал, как два или три самолета заводят моторы. Кто-то из его собственных пилотов намеревался пуститься в погоню за наглецом.

– Остановите их, никому не взлетать! – закричал Майкл.

Он еще не дошел до офиса адъютанта, как моторы умолкли, подчиняясь его приказу.

У дверей собрались несколько любопытствующих пилотов, и Майкл протолкался вперед как раз в тот момент, когда адъютант развязал шнурок, стягивавший холщовый мешок, который был сброшен с немецкой машины. Хор вопросов, комментариев и предположений мгновенно затих, когда все поняли, что находится в мешке. Адъютант осторожно пропустил между пальцами полоску зеленого шелка. В ней виднелись прожженные дыры, она была испачкана засохшей кровью.

– Шарф Эндрю... – без какой-либо надобности произнес адъютант. – И его серебряная фляжка...

Серебро было сильно помято, но крышка отсвечивала золотом, когда адъютант поворачивал фляжку в руках, а содержимое тихонько булькало. Он отложил фляжку в сторону и по одному достал другие предметы из мешка: наградные ленточки Эндрю, янтарный мундштук, пружинную монетницу, в которой остались три монеты, его бумажник из свиной кожи... Из бумажника выпала фотография родителей Эндрю, стоявших перед замком.

– Что это? – Адъютант поднял коричневый конверт из толстой блестящей бумаги, запечатанный восковой печатью. – Адресовано... – Он прочитал надпись на конверте. – Адресовано пилоту на желтом SE5a.

Адъютант изумленно посмотрел на Майкла.

– Это же ты, Майкл... что за черт?

Майкл забрал у него конверт и ногтями сорвал печать.

Внутри лежал единственный листок первоклассной бумаги. Письмо было написано от руки; и хотя почерк явно был континентальным, потому что заглавные буквы выглядели готическими, сам текст свидетельствовал, что автор безусловно владеет английским.

Сэр,

Ваш друг, лорд Эндрю Киллигерран, был сегодня утром похоронен на кладбище протестантской церкви у Дуэ. Эскадрилья «Ягдстаффель» отдала ему воинские почести.

Имею честь сообщить Вам и в то же время напомнить, что никакая смерть во время войны не является намеренным убийством. Цель войны – уничтожить врага всеми возможными средствами.

С нетерпением жду встречи с Вами.

Отто фон Грим, подразделение «Яста-2», у Дуэ.

Все выжидающе смотрели на Майкла, когда он складывал письмо и прятал его в карман.

– Они нашли тело Эндрю, – тихо сказал Майкл. – И он сегодня утром похоронен у Дуэ с полными воинскими почестями.

– Чертовски достойно с их стороны, – пробормотал кто-то из пилотов.

– Да, для гансов достойно, – сказал Майкл и повернулся, чтобы уйти.

– Майкл, – остановил его адъютант, – думаю, Эндрю хотелось бы, чтобы вот это осталось тебе.

Он протянул Майклу серебряную фляжку.

Майкл медленно повернул ее в руках. Металл, скорее всего, помялся при ударе о землю, подумал он и содрогнулся.

– Да, – кивнул он. – Я позабочусь об этом ради него.

Повернувшись к двери, он прошел сквозь группу молчащих офицеров.

Бигтс помог ему одеться даже с большим вниманием к деталям, чем обычно.

– Я в них втер побольше жира, сэр, – сообщил он, помогая Майклу надеть ботинки из мягкой кожи антилопы куду.

Майкл словно не услышал его замечания. После суматохи, поднятой появлением немецкого самолета, он еще немного полежал, но заснуть так и не сумел. И все же он ощущал спокойствие, даже безмятежность.

– О чем ты, Бигтс? – рассеянно спросил он.

– Я сказал, что подготовил вашу парадную форму, все будет сделано, когда вы вернетесь... И я договорился с поваром, он обеспечит вам добрых пять галлонов горячей воды для ванны.

– Спасибо, Бигтс.

– Такое не каждый день случается, мистер Майкл.

– Это верно, Бигтс, одного раза на всю жизнь достаточно.

– Уверен, сэр, вы и та юная леди будете очень счастливы. Мы с моей миссус поженились давно, в июне двадцать два года исполнится, сэр.

– Это очень давно, Бигтс.

– Надеюсь, вы побьете мой рекорд, мистер Майкл.

– Постараюсь.

– И вот еще что, сэр... – Бигтс смутился, не отрывая взгляда от шнуровки ботинок. – Не следует летать в одиночку, сэр. Опасно, сэр; надо бы взять с собой хотя бы мистера Джонсона, уж вы меня простите, сэр... я понимаю, не мое дело рассуждать об этом...

Майкл на мгновение опустил руку на плечо Бигтса. Он никогда прежде такого не делал. – Подготовь ванну к тому времени, когда я вернусь, – сказал он, вставая.

Бигтс посмотрел ему вслед, когда Майкл, нагнувшись, выходил из палатки, и не попрощался с ним, и не пожелал удачи, хотя ему стоило немалых усилий удержаться от этого, а потом поднял сброшенную Майклом куртку и сложил ее с особым усердием.

Когда мотор «вулзли» чихнул, Майкл увеличил зажигание, и тот наконец ровно загудел. Потом Майкл внимательно прислушивался к нему секунд тридцать, прежде чем посмотреть на Мака, стоявшего на крыле рядом с кабиной; волосы Мака взлетали над головой в потоке воздуха от пропеллера.

– Отлично, Мак! – крикнул Майкл.

Мак усмехнулся:

– Задайте им перца, сэр!

Он спрыгнул вниз, чтобы убрать из-под передних колес упоры.

Майкл инстинктивно глубоко вздохнул, словно намеревался нырнуть в одну из прохладных глубоких заводей Тугелы, а потом открыл дроссель, и большая машина покатила вперед.

Холм за особняком снова оказался пуст, но Майкл и не ожидал ничего другого. Он поднял нос машины, чтобы набрать высоту, но тут же передумал, снова его опустил и провел самолет небольшим кругом, почти касаясь крыльями вершин дубов.

Он вышел из поворота, когда особняк находился точно впереди, и пронесся мимо него на высоте черепичной крыши. Он не заметил никаких признаков жизни; снова развернулся, описывая «восьмерку», и полетел вокруг особняка, все так же низко.

На этот раз он увидел движение. Одно из окон нижнего этажа, рядом с кухней, резко распахнулось. Кто-то замахал из него желтым лоскутом, но Майкл не смог рассмотреть, кто это был.

Он опять вернулся, и на этот раз его шасси почти коснулись каменной стены, что окружала огород Анны. И увидел в окне Сантэн. Он не мог ошибиться, это были ее пышные темные волосы и огромные глаза. Высунувшись из окна как можно дальше, она что-то кричала и размахивала желтым шарфом, который был на ней в тот день, когда они летали на встречу с Шоном Кортни.

Когда Майкл опять поднял нос самолета и открыл дроссель, чтобы подняться в небо, он чувствовал себя обновленным. Равнодушие, охватившее его, испарилось, и он наполнился энергией и жизненной силой. Он видел ее, и теперь все будет в порядке.

– Это был Майкл! – радостно закричала Сантэн, поворачиваясь от окна к Анне, сидевшей на кровати. – Я его видела, Анна, это точно был он! О, как же он красив... и он прилетел, чтобы найти меня, несмотря на папу!

Лицо Анны сморщилось и покраснело от неодобрения.

– Это дурная примета, жених не должен видеть невесту в день свадьбы!

– Ах, ерунда, Анна, ты иногда говоришь такие глупости! О, Анна, как же он красив!

– А ты не будешь красивой, если мы не закончим все к вечеру.

Сантэн подхватила юбку и устроилась на кровати рядом с Анной. Она положила на колени полосу старинных кружев цвета слоновой кости, потом поднесла иголку ближе к свету и прищурилась, вдевая в нее нитку.

– Я вот что решила, – сообщила она Анне, возобновляя работу над подолом свадебного платья. – Я буду рожать только сыновей, не меньше шести, и никаких девочек. Быть девочкой так скучно, я не желаю такого ни одному из моих детей. – Она сделала дюжину стежков и остановилась. – Я так счастлива, Анна, и так взволнована... Как ты думаешь, генерал приедет?

И когда, как тебе кажется, кончится эта глупая война, чтобы мы с Майклом могли уехать в Африку?

Слушая ее болтовню, Анна слегка повернула голову, чтобы спрятать нежную улыбку.

Желтый SE5a мощно врезался в мягкое серое брюхо неба. Майкл выбрал один из разрывов в нижнем слое облаков и быстро пронесся сквозь него, очутившись в открытом воздушном коридоре. Выше над ним висела все та же крыша сплошной облачности, но внизу воздух оставался прозрачным как кристалл. Когда альтиметр показал восемь тысяч футов, Майкл выровнялся. Он находился в чистом пространстве, на равном удалении от облаков над ним и под ним, но в разрывы нижнего слоя мог различать ориентиры на земле.

Деревни Кантен и Обиньи-о-Бак были пусты, представляя собой картину полной разрухи. Лишь несколько каминных труб пережили волны войны, прокатившиеся над ними в одну и в другую стороны. Они торчали из влажной истерзанной земли, как могильные монументы.

Две эти деревни находились в четырех милях друг от друга; дорога, некогда соединявшая их, была полностью уничтожена, и передовые извивались по коричневым полям между ними, как парочка издыхающих гадюк. Воронки снарядов, наполненные стоялой водой, таращились на Майкла, как глаза слепца.

Майкл посмотрел на часы. Было без четырех минут четыре. Его взгляд снова устремился в пустое небо. Он по одной отвел руки от рычагов управления, сгибая и разгибая пальцы и в то же время энергично шевеля пальцами ног в мягких ботинках, чтобы расслабить их, как бегун перед выстрелом стартового пистолета. Он обеими руками потянулся к гашеткам пулеметов, проверяя регулировку. Потом дал по короткой очереди из каждого и кивнул, подув на скрытые перчаткой пальцы правой руки.

– Мне нужно выпить, – сказал он себе и достал из кармана фляжку Эндрю.

Он набрал в рот виски и немного подержал его во рту, перед тем как проглотить. Огонь вспыхнул в его крови, но Майкл устоял перед искушением выпить еще. Он завинтил крышку и положил фляжку в карман. Коснулся руля левого направления, начиная поворот над площадью патрулирования, и в этот момент заметил далеко впереди, на сером одеяле облаков, черную мошку. Он быстро заморгал, проверяя, не ошибся ли, а дальше уже не спускал с нее глаз.

Другая машина шла на высоте в восемь тысяч футов, точно на той же, на какой шел Майкл, и она быстро приближалась с севера, со стороны Дуэ. Майкл почувствовал, как всплеск адреналина смешивается в его крови с алкоголем. Щеки запылали, внутри все сжалось. Он отпустил дроссель и помчался навстречу мошке.

Благодаря скорости два самолета стремительно сближались, и другая машина чудесным образом увеличилась на глазах у Майкла. Он увидел яркий голубой нос и пропеллер, широко раскинутые большие ястребиные крылья. Он видел верхнюю часть шлема пилота между двумя черными пулеметами «шпандау», установленными на капоте двигателя, и заметил вспышку света на очках противника, когда тот наклонился вперед, чтобы посмотреть в прицелы.

Майкл дал полную скорость, и мотор взревел. Левая рука Майкла держала рычаг управления легко, как художник держит свою кисть, чуть нажимая на нее кончиками пальцев, когда выходил на немца так, чтобы тот очутился точно в центре его двойного прицела, а его правая рука уже тянулась к гашетке.

Его ненависть и его гнев вспыхнули во всю силу при виде врага, и он открыл огонь. Часы битвы в его голове помчались вперед, время замедлилось. Он видел, как дула обоих «шпандау» начали подмигивать ему, выплевывая яркие искры выстрелов, мигающих красным, как Марс в безлунную ночь. Он целился в голову противника, жал на триггер и чувствовал, как самолет словно пульсирует, когда его орудия содрогаются и грохочут.

Мысль о том, чтобы прервать эту лобовую атаку, даже не приходила в голову Майкла. Он был полностью поглощен своей целью, стараясь направить поток пуль в лицо немца, вырвать

ему глаза, заставить его мозг вылететь из черепа. Он ощущал, что пули «шпандау» врезаются в корпус его самолета, рвут ткань крыльев, слышал, как они пролетают над его головой с резким шипением, как саранча, но не обращал на них внимания.

Он видел, что одна из его собственных пуль вышибла белые щепки из пропеллера немца, и понял, что отклонился от истинной цели. Два самолета готовы были столкнуться, и Майкл приготовился к этому, не отрывая руки от гашетки и не делая попытки свернуть в сторону.

А потом «альбатрос» резко взял вверх, в последний миг избежав катастрофы, сильно наклонившись вправо. Резкий удар встряхнул SE5a. Два крыла задели друг друга. Майкл увидел полосу оторванной ткани, летевшую за концом крыла. Он ударил по рулю направления, бросая SE5a в тот плоский скользящий разворот, на который был способен только этот самолет. Почувствовал, как крылья сгибаются от напряжения, и вот он уже мчался в обратную сторону. «Альбатрос» был впереди, но вне досягаемости огня.

Майкл попытался выжать из машины больше скорости, но самолет уже шел на пределе, а «альбатрос» по-прежнему уходил от него.

Потом немец повернул влево, и Майкл последовал за ним. Они стали резко подниматься, почти вертикально идя вверх, и скорость обеих машин начала падать, но теперь SE5a терял ее быстрее.

«Это же не тот „альбатрос“, – вдруг потрясенно осознал Майкл, увидев, что изменилось не только положение радиатора.

Он сражался с новым типом самолета, модернизированным, более быстрым и мощным, чем даже его собственный SE5a.

Майкл видел широкий размах черно-белых клетчатых крыльев, видел, как немецкий пилот вытягивает шею, чтобы увидеть противника в своем зеркале, и попытался резко взять вправо по короткой дуге.

Немец бросил «альбатрос» в крутой разворот и понесся обратно на Майкла, поливая его огнем своих «шпандау»; на этот раз Майкл был вынужден отступить перед массой и скоростью немца.

В критическое мгновение, когда Майкл завис в повороте, его скорость упала, что позволило немцу догнать его и сесть ему на хвост. Немец был отличным пилотом, и у Майкла похолодело внутри, когда он понял это. Он повел самолет вниз, чтобы увеличить скорость, и одновременно бросил свой SE5a в вертикальный поворот. «Альбатрос» не отставал, поворачивая вместе с ним, так что они закружили друг возле друга, как две планеты на постоянных орбитах.

Майкл посмотрел на вражеского пилота. Немец тоже смотрел на него, летные очки придавали ему вид страшный, нечеловеческий. А потом Майкл вдруг заметил за ярким голубым фюзеляжем, выше облачного покрова, маленькую движущуюся точку.

На мгновение у него остановилось сердце, а кровь словно сгустилась и замедлила движение по венам; затем сердце подпрыгнуло, как испуганный зверь, и помчалось куда-то, а воздух с шипением вырвался из горла.

«Имею честь сообщить Вам и в то же время напомнить, – написал ему немец, – что никакая смерть во время войны не является намеренным убийством. Цель войны – уничтожить врага всеми возможными средствами».

Майкл прочитал это предупреждение, но только теперь понял его. Они превратили его нелепое романтическое намерение устроить дуэль один на один в смертельную ловушку. И он, как дитя, отдал себя в их власть. Он указал им время и место, даже высоту. А они использовали голубую машину как простую приманку. Собственная наивность изумляла Майкла теперь, когда он видел, как враги вырываются из-за высоких облаков.

«Сколько же их?..»

Считать времени не было, но, похоже, весь состав «Ясты» на «альбатросах» нового типа, не меньше двадцати, неся к нему стремительной стаей; их яркие краски сверкали, как драгоценности, на мрачном облачном фоне.

«Я не смогу сдержать данное Сантэн слово», – подумал Майкл и посмотрел вниз.

Слой облаков лежал в двух тысячах футов под ним, это убежище находилось слишком далеко, но другого все равно не имелось. Он не мог надеяться на то, что сумеет сразиться с двадцатью самыми опытными немецкими воздушными асами, и у него оставалось всего несколько секунд до того, как они до него доберутся: они летели быстро, а голубая машина удерживала его.

Внезапно, глядя в лицо смерти, которую он намеренно искал, Майкл захотел жить. Он всеми силами налег на рычаг, разворачивая SE5a, потом дернул его вперед, и самолет рванулся от голубой машины, как выпущенный из пращи камень.

Тело Майкла дернулось, натягивая страховочные ремни, но он удержал большую машину при смене направления, использовал ее собственную инерцию движения, чтобы ринуться в стремительный спуск, к нижнему слою облаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.